

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

№4

2009



Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2009

Учредители

Алтайский государственный университет
Алтайская государственная педагогическая академия
Бийский педагогический государственный университет имени
В.М. Шукшина
Горно-Алтайский государственный университет

Редакционный совет

О.В. Александрова (Москва), К.В. Анисимов (Красноярск), Л.О. Бутакова (Омск), Т.Д. Венедиктова (Москва), Н.Л. Галеева (Тверь), Л.М. Геллер (Швейцария, Лозанна), О.М. Гончарова (Санкт-Петербург), Т.М. Григорьева (Красноярск), Е.Г. Елина (Саратов), Л.И. Журова (Новосибирск), Г.С. Зайцева (Нижний Новгород), Е.Ю. Иванова (Санкт-Петербург), Ю. Левинг (Канада, Галифакс), П.А. Лекант (Москва), Н.Е. Меднис (Новосибирск), О.Т. Молчанова (Польша, Щецин), В.П. Никишаева (Бийск), В.А. Пищальникова (Москва), О.Г. Ревзина (Москва), В.К. Сигов (Москва), М.Ю. Сидорова (Москва), И.В. Силантьев (Новосибирск), Ф.М. Хисамова (Казань)

Главный редактор

А.А. Чувакин

Редакционная коллегия

Н.А. Гузь (зам. главного редактора по литературоведению и фольклористике), С.А. Добричев, Н.М. Киндикова, Л.А. Козлова (зам. главного редактора по лингвистике), Г.П. Козубовская, А.И. Куляпин, В.Д. Мансурова, И.В. Рогозина, А.Т. Тыбыкова, Л.И. Шелепова, М.Г. Шкуропацкая

Секретариат

Н.В. Панченко
М.П. Чочкина

Адрес редакции: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, оф. 405-а.
Тел./Факс: 8 (3852) 366384. E-mail: sovet01@filo.asu.ru

ISSN 1992-7940

© Издательство Алтайского университета, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- С.М. Козлова, М.А. Зимина.** Метафорический образ безумия в повести М.П. Погодина «Адель».....
- М.П. Гребнева.** Мотив сада как часть универсального мифа о Флоренции в русской литературе XIX – XX веков.....
- Г.В. Кучумова.** Немецкоязычный романский дискурс 1980-1990-х: стратегия коллекционирования (перверсивная модель коллекции в романе Э. Елинек «Похоть»).....
- С.В. Доронина.** Средства выражения эпистемического общения и методологические основы лингвистической экспертизы.....
- И.Ю. Качесова.** Способы моделирования когнитивной структуры аргументативного дискурса.....
- И.В. Rogozina, К.Л. Лебедева.** Адаптивность социально детерминированных когнитивных структур индивида как результат социоантропогенеза.....
- Н.В. Панченко.** Принцип динамичности композиционного построения текста.....
- О.В. Марьяна.** Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-х–2000-х годов).....
- Л.А. Козлова.** Этнокультурный компонент в семантике языковых единиц и специфика его репрезентации на разных языковых уровнях.....
- С.А. Рисинзон.** Ситуационная и индивидуально-личностная зависимость использования этикетных средств в английском семейном общении.....
- Н.Д. Федяева.** Лексемы русского языка в аспекте семантической категории «норма».....

Научные сообщения

- О.В. Сиренко.** Любовная интрига как структурный компонент «колониационного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке).....
- О.Н. Самсонова.** Николай Минский в литературных портретах современников.....

- И.Ю. Воробьёва.** Древние восточные верования в поэзии дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова, Вс.Н. Иванова)
- Н.М. Сиражитдинова.** Отражение явлений природы в башкирских народных песнях и их мифологическая окрашенность (на примере песен, зафиксированных на территории нынешней Челябинской области)
- Л.С. Аликаева.** Эпистолярный и публицистический стиль Й.Г. Гаманна и проблема его интерпретации
- Н.А. Куликова.** Эвокация обаятельных образов в художественном тексте (на примере рассказов А.П. Чехова)
- Н.В. Савицкая.** Особенности языковой реализации смыслового поля «воспоминания» в рассказах Татьяны Толстой
- А.А. Чуруксаева.** Рубленые конструкции: к вопросу о прагматическом потенциале и функциональных особенностях
- С.В. Волынкина.** О соотношении модусно-диктумных позиций в содержательной модели похвалы
- О.А. Сим.** Рекламная и нарративная составляющие журнального дискурса
- М.Р. Аликаева.** Иноstileвые вкрапления в научной речи как тенденция развития стиля
- Н.В. Цепелева.** Измерение семантического расстояния между лексемами «количество – численность – число» на основе сопоставления их ассоциативных полей
- Ю.В. Пинжакова.** Эталоны номинации объектов, имеющих один и более углов, в современном русском языке
- О.С. Борисова.** Идентификация значений заимствованных слов носителями русского и китайского языков.
- А.Е. Леонтьева.** Проявление фоновых знаний в языке российских немцев .
- Е.С. Дьячкова.** Особенности значения полусуффиксов, составляющих ядро словообразовательного поля полусуффиксальных элементов

Филология: люди, факты, события

- Т.В. Чернышева, А.А. Чувакин.** «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации»: II международная научно-практическая конференция (Барнаул, Алтайский государственный университет, 14–18 апреля 2009 года)

Критика и библиография

- Н.В. Халина.** *Комарова З.И., Краев С.В.* Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследова-

ние. Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2008. 303 с. (Библиотека лингвиста-переводчика).....

М.Г. Шкуропацкая. *Трубникова Ю.В.* Лексико-derivационные основания моделирования текста : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 180 с.

Содержание за 2009 год.....

Резюме.....

Наши авторы

CONTENTS

Articles

- Kozlova S.M., Zimina M.A.** Metaphorical Image of Madness in the «Adel» by M.P. Pogodin.....
- Grebneva M.P.** The Motif of Garden as a Part of the Universal Myth about Florence in Russian Fiction of the 19th – 20th Centuries
- Kuchumova G.V.** German Language Novel of 1980-1990. Collection Strategy (perverted collection pattern in E. Jelinek «Lust»).....
- Doronina S.V.** Fact: Semantics and Pragmatics
- Kachesova I.Y.** Modelling of Argumentative Discourse Cognitive Structure.....
- Rogozina I.V., Lebedeva K.L.** Adaptability of socially Determined Cognitive Structures as a Result of Anthropogenesis.....
- Panchenko N.V.** Principle of Dynamics in Compositional Text Building
- Maryina O.V.** Insertion Structures as an Index of Text Dismemberment (based on Russian prose texts of 1980–2000).....
- Kozlova L.A.** Etnocultural Component in Semantics of Lingual Units and Specificity of its Representation on Different Lingual Levels.....
- Risinzon S.A.** Situational and Individual Dependence of Polite Interaction in English Family Communication
- Fedyaeva N.D.** Russian Lexemes in the Aspect of the Semantic Category «Standard».....

Scientific reports

- Sirenko O.V.** Love Affair as a Structural Component of the “Colonial” Plot of Russian Literature (on the Example of the XIX Century Texts about Ermak)
- Samsonova O.N.** Nikolay Minsky in Literary Pictures of Contemporaries. **Vo-robeyova I.Y.** Ancient East Beliefs in the Poetry of the Far Eastern Emigrants (on the Material of M. Scherbakov's, V.N. Ivanov's Sonnets)
- Siragetdinova N.M.** Natural Phenomena in Bashkir Folk Songs(Using Songs Recorded in Chelyabinsk Region)
- Alikaeva L.S.** Epistolary and Publicistic Style of J.H. Hamann and the Problem of its Interpretation

- Kulikova N.A.** Evocation Olfactory Images in Art Text (on example of stories by A.P. Chekhov).....
- Savitskaya N.V.** The Main Features of Semantic Space «Reminiscences» in the Short Stories by Tatiana Tolstaya.....
- Churuksaeva A.A.** The Cut-constructions and Pragmatic Potential and Functional Specificity.....
- Volynkina S.V.** On Modus-Dictum Position Interaction in Substantial Model of Praise.....
- Sim O.A.** Advertising and Narrative Components of Magazine Discourse
- Alikaeva M.R.** Other Style Elements in the Scientific Discourse as a Style Development Tendency.....
- Tsepeleva N.V.** Measurement of Semantic Distance between Lexemes «Quantity – Number – Number» on the Basis of Comparison of their Associative Fields
- Pinzhakova Y.V.** Nomination Subject’s Creative Potential of Corners and Angles Shapes Description.....
- Borisova O.S.** The Identification of the Meanings of Borrowed Words by Russian And Chinese Native Speakers
- Leontyeva A.E.** Display of Background Knowledge in Language of Russian-germans.....
- Dyachkova E.S.** Peculiarities of the Meaning of the So-Called Semi-Suffixes Proper Which Constitute the Nucleus of the Word-Forming Field of Semi-Suffixes.....
- Philippova Y.P.** Peculiarities of the British Divergents Meaning Connections in the Macrosystem of the English Language

Philology: people, facts, events

- Chernysheva T.V., Chuvakin A.A.** «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации»: II международная научно-практическая конференция (Барнаул, Алтайский государственный университет, 14–18 апреля 2009 года).....

Critics and bibliography

- Halina N.V.** *Комарова З.И., Краев С.В.* Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование. Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2008. 303 с. (Библиотека лингвиста-переводчика).....
- Shkuropackaya M.G.** *Трубникова Ю.В.* Лексико-деривационные основания моделирования текста : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 180 с.

Summary

Issues content for 2009

Our authors

СТАТЬИ

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ОБРАЗ БЕЗУМИЯ В ПОВЕСТИ М.П. ПОГОДИНА «АДЕЛЬ»

С.М. Козлова, М.А. Зимица

Ключевые слова: сюжет, безумие, русский романтизм, М.П. Погодин.

Keywords: plot, madness, Russian Romanticism, M.P. Pogodin.

В повести М.П. Погодина «Адель» (1830), написанной на основе автобиографического материала [Погодин, 1989, с. 380], представлена полная программа романтизма – и как метода литературного творчества, и как основы жизнестроения. Структура повествования «Адели» (текст в тексте) отражает систему мотиваций публичной презентации интимного, частного бытия, принятую еще в сентиментальной прозе. Повествователь рамочного текста являет собой фигуру «чувствительного друга», обосновывающего достоверность свидетельства о личной жизни и переживаниях героя, определяющего эстетическую и аксиологическую модальности его изображения и восприятия читателем, манифестирующего характер героя как программный поведенческий эталон. По словам повествователя, главный герой повести – Дмитрий – *«ясно видел священную цель»* человечества, *«преклонял <...> колено»* перед гением, *«пламенно любил отечество»*, *«науку ставил <...> выше всего»*, не видел *«зла в природе»*, а зло среди людей *«почитал только средством <...> умножающим упругую силу добра»* [Погодин, 1989, с. 54]. Основной текст строится согласно требованиям романтической эстетики фрагмента из «собственных отрывков» – дневниковых записей героя, дающих хронику любви, картину напряженной внутренней духовной жизни человека.

Опыт сознания героя – преимущественно книжный, в нем производится постоянный набор чтения русского романтического писателя: немецкие поэты Шиллер, Гете; французские просветители г-жа Сталь, Руссо; В. Скотт, Байрон, Жуковский, Карамзин; кумир романтиков Шекспир; история отечества и описания великих деяний Александра Македонского, Наполеона; философия Гердера, Шеллинга; эзотерика Оккама (Окена).

Непосредственный опыт романтического героя Погодина чрезвычайно скуден и отражает реальную картину существования социального маргинала не по своей воле. Дмитрий принадлежит к бедному разорившемуся дворянству, служит домашним учителем юной аристократки, наблюдает из «уголка» блестящую жизнь высшего света, которая повергает его в «адский» «ужас и трепет», бранит «предрассудки» толпы, с точки зрения которой бедному просить руки богатой наследницы, уже предназначенной отцом «графу Н.», – сумасшествие. Именно этот опыт реальных обстоятельств оказывается для него «досадным» мотивом («Вот что еще досадно мне» [Погодин, 1989, с. 59]), раздражающим, порождающим душевную травму. Способом разрешения тревоги героя становится субституция реального мира воображаемым, в котором проблемы решаются сами собой и жизнь влюбленных устраивается в точном соответствии с романтической утопией жизнестроения. Содержанием записей Дмитрия становятся мечты о том, как он объяснится с Аделью, женится на ней, они поедут путешествовать (далее следует каталог культурных достопримечательностей Запада и Востока, который венчают могила Наполеона как символ земной «суеты сует» и «святая святых» – Голгофа, символизирующая высшие духовные, «небесные» ценности), после возвращения поселятся «в деревне, на берегу Волги»: «будем мы жить мирно и спокойно в нашем заповедном уединении, наслаждаться любовью и с благоговением созерцать истинное, благое и прекрасное в природе, науке и искусстве» [Погодин, 1989, с. 64]. Деревенская идиллия во вкусе сентименталистов воспринималась как анахронизм в эпоху романтики страстей и выполняла в повести М.П. Погодина новые функции: с одной стороны, она являлась формой социальной коррекции мечтаний, планов героя, несоизмеримых с расстроенным состоянием его имения («дела все ужасно расстроены» [Погодин, 1989, с. 71]), и поэтому невольно оценивалась им выше мечты о путешествиях по свету: «Признаться ли, мысль о сельской жизни даже приятнее путешествия моему воображению, и ни об чем еще не мечтал я так сладостно!» [Погодин, 1989, с. 64]. С другой стороны, мечта о мирной жизни, «не смущаемой стра-

стями», тем *сладостнее*, чем далее отстоит от тревог реальной страсти: она выполняет функцию психологической защиты. Однако реальная неосуществленность и этой бедной мечты создает условия для разрешения «*мучительной*» ситуации через ее мифологизацию.

Мифом, активно воспринятым русскими романтиками, широко используемым в качестве основы сюжетостроения, стало учение пифагорейцев и Платона о бессмертии души, которая воплощается в земном бытии, но помнит свою надлунную родину, куда она возвращается после смерти тела, – учение, развитое в эзотерической философии Оккама (Окена), Сведенборга и сопряженное в русской православной традиции с евангелическим преданием о муках, смерти и воскресении Христа. В систему этого романтического мифа входят и идея платонической любви как высшей духовной формы союза между людьми и идея союза душ влюбленных, разлученных земной жизнью, на небесах.

Эта мифология становится для погодинского героя источником новых субститутивных образов: «*Мне хочется, чтоб она умерла: вот когда, в этих адских муках, почувствую я любовь свою*»; или: «*Я умираю. Она приходит ко мне*» [Погодин, 1989, с. 65]. Желание муки, боли, смерти выступает как сублимация, способ вытеснения нереализованных физических влечений, перед которыми «платонова гармония» оказывается не слишком прочным заслоном: даже мечта Дмитрия о смерти вдохновляется желанием объятия и «*пламенного поцелуя*» хотя бы «*на рубеже двух миров*», между жизнью и смертью, хотя бы уже и «*бесстрастных, бесплотных*» любовников [Погодин, 1989, с. 73].

«*Рубеж двух миров*» – общее место романтизма, мистический топос контакта с потусторонним – составляет финальную кульминацию нарратива. Динамика последней воспроизводит логику жизнестроительной концепции романтиков: в перипетиях внешней борьбы с «*предрассудками*» света и внутреннего разлада между грузом и опытом действительных чувств и обстоятельств оформляется цельная программа разрешения всех противоречий на «*рубеже двух миров*». Желание героя как будто осуществляется: возлюбленная близка к смерти, но реальность все еще противится возможности предсмертного взаимного признания и поцелуя – Дмитрия не допускают к постели умирающей. Такая развязка, лишенная мистического элемента, и не нужна автору, который готовит более эффектное зрелище: измученный душевными и физическими страданиями герой является на похоронах возлюбленной, в аффекте «*бросается на труп, осыпает жаркими поцелуями*», игнорируя приличия света, которые уже не имеют над ним власти. Но этого мало. Фокализация энергии нарратива на этой сцене заставляет читате-

ля пережить, наконец, момент истины: Дмитрий, *«уставясь взорами в лицо [возлюбленной], восклицает: “Адель, к тебе”, – и, чудо, на лице у почившей мелькнула, так нам показалось, улыбка»*, – и этот призрачный улыбки трупа повествователь спешит прямо соотнести с возможностью сверхчувственного контакта: *«как будто она, не прешедшая еще в землю, вняла знакомому гласу своего друга, прощалась с ним... или приветствовала его в другом, лучшем мире, потому что он лежал уже мертвый...»* [Погодин, 1989, с. 76]. Внезапная смерть Дмитрия недостаточно мотивирована. По типу характера герой обладает способностью к сублимации нереализованных желаний в литературных фантазиях и творчестве (*«прочел и ей сцену из моего романа»* [Погодин, 1989, с. 60]). Именно такой способ быть счастливым он проповедует своей подруге: *«– А как избавиться от страстей? – Читайте Евангелие», «Какое несравненное удовольствие вы ощущаете, уразумевая какую-нибудь глубокую мысль»* [Погодин, 1989, с. 57]. Смерть служит скорее риторическим приемом испытания истинной любви и познания ее *«тайнств»*.

Более существенными в повести Погодина представляются попытки изображения психологической саморефлексии героя, в которой отражаются психотравматические зоны эпохи. Жесткость кастовых предрассудков, суровые правила отечественного домостроя, приоритет разума над безотчетными страстями компенсировались безудержным тайным развратом, поощрявшимся духом «французских» вольностей, но претившим идеалам высокого духовного совершенства человека, воспитанного литературой Гете, Шиллера, Руссо. Идеи гражданского брака, «разумного эгоизма», эмансипации, наконец, развода – еще далеко впереди. А на этом историческом этапе развития общественного сознания нравственные и социальные установки личности порождали сложные психологические комплексы, выявленные романтиками и претворенные ими в мистифицированные, эстетические формы. Эти комплексы, как показал И.П. Смирнов [Смирнов, 1994], связаны прежде всего со страхом наказания за сексуальные притязания на недоступный объект и проявляются в подсознании как страх кастрации. Смирнов подробно описал кастрационный комплекс романтизма на материале русской лирики – главным образом, поэзии А.С. Пушкина. На наш взгляд, в более очевидной и наивно откровенной форме он проявляется в прозе писателей-романтиков второго эшелона таких, как М.П. Погодин, Н.А. Полевой, А.А. Бестужев-Марлинский, Е.А. Баратынский, В.Ф. Одоевский и др.

Так, в повести «Адель» основной сюжетной динамикой является

препятствие в любви, которое герой не пытается преодолеть в реальных действиях. Ему мешает почти ребяческая робость перед возлюбленной, несмотря на разницу в возрасте: ей – 17 лет, ему – 25 (*«Я как-то робею перед нею, и все еще в почтительном отдалении»* [Погодин, 1989, с. 60]). Страх нарушения социальных запретов выражается в постоянных апелляциях Дмитрия к светской толпе, голос которой «так шумит во всяком ухе», и в боязни показаться смешным и безумным в ее глазах: *«И эти оглашенные презирают посвященных, смеются над ними, называют их безрассудными мечтателями, так, что даже я кажусь себе смешным»* [Погодин, 1989, с. 49]. Сугубо чувственные влечения и желания героя выражаются в предпочтениях, которые выдает описание портрета возлюбленной: *«Но всего больше мне нравится ее маленький ротик, подбородок <...> ее высокая грудь!»* Эти чувственные детали возмещают недостатки внешности девушки (*«и нос широк, и лоб велик»*), заметные для окружающих, но не воспринимаемые героем: *«Невежи! Только мне она показывает красоту свою»* [Погодин, 1989, с. 56]. Характеристика романтического психокомплекса как «орального» (И.П. Смирнов) здесь очевидна и подтверждается еще и в постоянстве желания «поцелуя», а в семейных грезах – *«вкусно обеда, приготовленного ее руками»*. В то же время эти желания сталкиваются со страхом осквернения невинности и чистоты возлюбленной – *«чистый, священный огонь буду я раздувать на алтаре непорочной души твоей. ...Прочь! Прочь! Не прикасайся!»* [Погодин, 1989, с. 55], – порожденным страхом кастрации так же, как и предпочтение «дружбы» любовным отношениям, и более высокая оценка «платонической» любви, нежели семейных радостей, наконец *«странные сны»* героя, в которых образы *«деревянных развалин»* (*«Здесь упавший забор, там дом без крыши, без окончин, разломанные ворота. ...Пустырь... Никакого цвета, никакого движения!»*) [Погодин, 1989, с.60]) наиболее точно соответствуют образному составу кастрационного комплекса: «психотип, фиксированный на кастрационном страхе <...> превращает любой элемент в картине мира в “оскопляемый” – в иррефлексивный, в обладающий и одновременно не обладающий признаковым содержанием <...> В число косвенных реализаций кастрационного комплекса входят все те, которые не связывают отсутствие / утрату признака с эротическим телом, будь то, к примеру, мотив руин <...> деградации космоса в хаос, в мир с исчезнувшей определенностью» [Смирнов, 1994, с. 28–29]. Разрешением и снятием психотравматического комплекса героя в повести Погодина является смерть.

«Адель» М.П. Погодина – один из ранних в последовательности текстов русских писателей-романтиков, в которых происходит формирование романтической концепции безумия. Позднее, в произведениях Н.А. Полевого «Блаженство безумия», «Эмма», «Дурочка», где романтический сюжет о безумии обретет свои окончательные очертания, психическая травма героя находит разрешение не в смерти, а в безумии. Но основные элементы дискурса безумия – непреодолимое препятствие в любви, столкновение влечения и запрета, момент безумия, снимающий противоречия и дарующий блаженство, небесный союз душ влюбленных, разлученных в земной жизни, – были найдены уже в повести М.П. Погодина.

Литература

Погодин М.П. Адель // Русская романтическая новелла. М., 1989.

Смирнов И.П. Психодиахнологика : Психистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.

МОТИВ САДА КАК ЧАСТЬ УНИВЕРСАЛЬНОГО МИФА О ФЛОРЕНЦИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX–XX ВЕКОВ

М.П. Гребнева

Ключевые слова: домашний сад, церковный сад, городской сад, любовный сад, сад прошлого, сад культуры.

Keywords: house garden, churchyard garden, city garden, garden of love, garden of the past, garden of culture.

Д.С. Лихачев обращал внимание на то, что «сад – это прежде всего своеобразная форма *синтеза различных искусств*, синтеза, теснейшим образом связанного с существующими великими стилями и развивающегося параллельно с развитием философии, литературы (особенно поэзии), с эстетическими формами быта, с живописью, архитектурой, музыкой» [Лихачев, 1987, с. 476].

Если учесть то обстоятельство, что Флоренция – это средневековый город-камень, город-памятник, город-музей с многочисленными церквями, то получится, что она является садом не только в узком, традиционном смысле этого слова, но и в самом широком.

Средневековый сад – это образ Флоренции. Городской ансамбль возникает из сочетания зданий-каменей, скульптур-каменей, живописных полотен, литературных произведений, музыкальных творений, деревьев и цветов. По словам Д.С. Лихачева, «первооснова и образец всех садов, согласно христианским представлениям, – рай, сад, насажденный богом, безгрешный, святой, обильный всем, что необходимо человеку, со всеми видами деревьев, растений, и населенный мирно живущими друг с другом зверями» [Лихачев, 1987, с. 478].

Воплощением полноценного *домашнего средневекового сада* можно считать тот, что изображен в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги» (1901). Мы имеем в виду сад во дворе дома хозяина Леонардо да Винчи, знатного флорентийского гражданина: «...пустил (Леонардо – М.Г.) фонтан посередине двора, устроенный им для ее (моны Лизы – М.Г.) забавы, в котором ниспадавшие струи, ударяясь о стеклянные полушария, вращали их и производили странную тихую музыку; вокруг фонтана росли его рукой посаженные и взлелеянные ее любимые цветы – ирисы; принес нарезанного хлеба в корзине для ручной лани, которая бродила тут же, по двору, и которую она кормила из собственных рук» [Мережковский, 1993, с. 426].

На размышления о Флоренции – *церковном саде* нас навело стихотворение О. Мандельштама «В разноголосице девического хора» (1916), в котором, как нам кажется, он воспроизводит образ города цветов:

*В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чуждятся, высокие, дугой.*

[Мандельштам, 1989, с. 172].

«Церкви нежные» в сознании Мандельштама соотнесены с садами, поскольку в средние века сады были неразрывно связаны с храмами, монастырями, церквями:

*Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве.*

[Мандельштам, 1989, с. 172].

По словам Д.С. Лихачева, «монастырские дворы, заключенные в прямоугольник монастырских строений, примыкали к южной стороне

церкви»; «этот небольшой сад во дворе монастыря имел обычно и небольшие деревья – фруктовые или декоративные и цветы» [Лихачев, 1987, с. 479].

В примечаниях к стихотворению Мандельштама указывается на то, что «Успенский собор был построен в 1475–1479 гг. флорентийским архитектором А. Фиораванти» [Мандельштам, 1990, с. 475]. Хотя это утверждение (о флорентийском подданстве архитектора) не является бесспорным, несомненно другое: он по праву считается наследником традиций Брунеллески, построившего символ Флоренции – собор Санта Мария дель Фьоре, собор-цветок. Ученые отмечают также, что «собственное имя он сделал темой изобразительного ребуса. Фьор – значит цветок, Фьор – а – вент: цветок, гонимый ветром» [Земцов, 1985, с. 6].

Новации Фьораванти в России касались соединения храма с царским дворцом и приобщения Руси к садовой культуре, дворцовой культуре, так как «собор (Успенский собор – М.Г.), несомненно, обладает самоценностью в ансамбле Кремля» [Земцов, 1985, с. 124], так как «именно Фьораванти мог привнести в архитектурное решение кремлевского дворца прием, следы воплощения которого мы знаем только по материалам времен первых Романовых. Речь идет о так называемых верховых садах» [Земцов, 1985, с. 131].

Отголоски представлений о Флоренции – средневековом саде, но уже не домашнем или церковном, а *городском* и даже *региональном*, – содержатся в «Письмах с Via del Corso» (1847–1848) А.И. Герцена, который называл Тоскану, а значит и Флоренцию, «береженным садом» Италии [Герцен, 1955, с. 257].

Солидарен с Герценом А.Н. Островский, который в заметке от 5(17) мая из дневника «Поездка за границу в апреле 1862 года» писал: «Поехали во Флоренцию в 5 часов. Дорога – это рай, цветущий и отлично возделанный» [Островский, 1978, с. 398].

М. Осоргин в рассказе «Сестра» (1928) замечал: «Вести о смертях так часто получались в моем земном раю, среди роз, лилий, пальм и кипарисов...» [Осоргин, 1992, с. 112]. В последнем случае раем, подобным флорентийскому, предстает вся Италия.

Постепенно цельность восприятия средневекового флорентийского сада в русской литературе утрачивается, утрачивается его связь с домом, храмом или с дворцом. Сад начинает замещать город, представлять его как самостоятельное явление. Это обстоятельство дает возможность продемонстрировать сад Boboli, первоначально связанный с Palazzo Pitti. Так, еще Д.И. Фонвизин в XVIII веке писал: «Поэза-

ди дворца сад Boboli. Он состоит по большей части из террас и украшен многими фонтанами. Из дворца вид в него прекрасный» [Фонвизин, 1959, с. 530].

Более это демонстрирует А.К. Толстой: *«Сад не очень красив, но из него весьма хорошо виден город и окрестности...»* [Толстой, 1980, с. 271].

Черту подводит А.А. Блок: *«Остаются только несколько дворцов, церквей и музеев, да некоторые далекие окрестности, да Боболи, – остальной прах я отрясаю от своих ног и желаю ему подвергнуться участи Мессины»* [Блок, 1983, с. 167].

С течением времени образ флорентийского сада не только превращается в эквивалент города, но и метафоризируется, приобретая, в частности, характер *сада любви*. Представления о любовном саде возникают в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871–1872), в которой домашний садик возле кондитерской семьи Джеммы соотносится с публичным садом в городе Франкфурт. Заметим также, что главные герои, Санин и Джемма, в молодости тяготеют к пространству сада: *«Но тут Джемма вдруг взбунтовалась и объявила, что не будет иначе обедать, как на воздухе, в саду, за одним из маленьких столов, поставленных перед трактиром»* [Тургенев, 1978, с. 64]. Все важнейшие в сюжете эпизоды повести происходят в саду:

Продолжение знакомства с семейством Джеммы: *«В задней комнате, в которой он сидел с своими хозяйками, царствовала прохлада; окна выходили в небольшой садик, заросший акациями»* [Тургенев, 1978, с. 54].

Свидание перед решительным объяснением: *«Солнце стояло низко – был уже седьмой час вечера – и в широких косых лучах, которыми оно затопляло весь маленький садик 2-жи Розелли, было больше багрянца, чем золота»* [Тургенев, 1978, с. 91].

Любовное объяснение: *«В пять часов Санин проснулся, в шесть уже был одет, в половине седьмого расхаживал по публичному саду, в виду небольшой беседки, о которой Джемма упомянула в своей записке»* [Тургенев, 1978, с. 102].

Одна из последних встреч героев: *«После обеда она отозвала Санина на минуту в сад и, остановившись около той самой скамейки, где она третьего дня отбирала вишни, сказала ему...»* [Тургенев, 1978, с. 114].

Вторичное знакомство Санина с Франкфуртом после многолетней разлуки: *«...даже публичный сад, где происходило его послед-*

нее объяснение с Джеммой, разросся и переменялся до того, что Санин себя спрашивал – полно, тот ли это сад?» [Тургенев, 1978, с. 163].

Прошлое настигает героя «Сентиментального воспоминания» (1908) И. Анненского в России, в летнем саду после дождя, обыкновенный сад благодаря этому превращается в *сад прошлого*: «Я стоял тогда в потемневшем и освеженном саду. Был тихий летний вечер, такой тихий, что он казался праздничным, почти торжественным. Такие вечера бывают только у нас, на севере, недалеко от больших и пыльных городов и среди жидкого шелеста берез» [Анненский, 1990, с. 215].

Российский пейзаж напомнил ему о южной природе, вызвал еще одно воспоминание: «Они не кипарисы, конечно, эти белые, эти грешные березы...» [Анненский, 1990, с. 215].

Интересно, что понятия «сад» и «садик» оказываются значимыми в русской литературе, если речь идет о Флоренции. Сад и садик соотносятся друг с другом не только как большое и малое, но и как общественное и личное, как частное и публичное.

Интеллектуальный сад, общественный *сад культуры* появляется в «Козлиной песни» (1928) К. Вагинова. Тептелкин вспоминает о том, что он «...преподавал несколько лет тому назад в одном университетском городке» [Вагинов, 1991, с. 64]. Этот городок называется «южным» [Вагинов, 1991, с. 67], именно в нем, полагал он, «...среди южной природы, в благодатном климате, в изобилии плодов земных, мы разовьем интеллектуальный сад, насадим плоды культуры» [Вагинов, 1991, с. 68]. Однако речь в романе идет не только об интеллектуальном саде, но и о личном садике. Невозможность достичь интеллектуальных высот оборачивается крахом семейной жизни для героев. Неблагополучие личное – следствие неблагополучия общественного, свидетельство упадка, гниения, а не возрождения. Автор изображает семейную трагедию Тептелкина и Марьи Петровны. Выглянув в окно своей квартиры, герой видит не сад, а садик, причем, засыпанный снегом, умирающий садик [Вагинов, 1991, с. 155].

Нам представляется важным оговорить то обстоятельство, что понятие «сад» в широком смысле этого слова не отменяет понятия «сада» в узком смысле этого слова. Все предпосылки для этого в произведениях русских авторов имеются. С этой точки зрения сад – это не только синтез самых разных искусств, воплощенный во Флоренции, но и то место, где произрастают деревья и цветы. Метафорический образ Флоренции-сада соседствует в русской литературе с метафорическим

образом Флоренции-цветка, а конкретный образ флорентийского сада с конкретным образом флорентийского цветка.

Литература

- Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
Блок А.А. Собрание сочинений : В 6-ти т. Л., 1983. Т. 6.
Вагинов К. Козлиная песнь. М., 1991.
Герцен А.И. Собрание сочинений : В 30-ти т. М., 1955. Т. 5.
Земцов С.М., Глазычев В.Л. Аристотель Фьораванти. М., 1985.
Лихачев Д.С. Избранные работы : В 3-х т. Л., 1987. Т. 3.
Мандельштам О. Отклик неба. Алма-Ата, 1989.
Мандельштам О. Сочинения : В 2-х т. М., 1990. Т. 1.
Мережковский Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). М., 1993.
Осоргин М. Мемуарная проза. Пермь, 1992.
Островский А.Н. Полное собрание сочинений : В 12-ти т. М., 1978. Т. 10.
Толстой А.К. Собрание сочинений : В 4-х т. М., 1980. Т. 4.
Тургенев И.С. Собрание сочинений : В 12-ти т. М., 1978. Т. 8.
Фонвизин Д.И. Собрание сочинений : В 2-х т. М. Л., 1959. Т. 2.

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫЙ РОМАНЫЙ ДИСКУРС 1980-1990: СТРАТЕГИЯ КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ (ПЕРВЕРСИВНАЯ МОДЕЛЬ КОЛЛЕКЦИИ В РОМАНЕ Э. ЕЛИНЕК «ПОХОТЬ»)

Г.В. Кучумова

Ключевые слова: «смерть субъекта», стратегии коллекционирования, перверсивная модель коллекции, П. Зюскинд «Парфюмер», М. Байер «Летучие собаки», Э. Елинек «Похоть».

Keywords: «subject's death», collection strategy, perverted (unnatural) collection patterns, P. Sueskind «Parfum», M. Beyer «Flug-hunde», E. Jelinek «Lust».

Заявленная в постмодернистской литературе тема «смерти субъекта» требует соотнести событие «исчезновения субъекта» с явлениями «собственного Я». В деконструктивных процедурах субъект исчезает, но и парадоксальным образом его Я «воскресает» в ситуации «семиотического коллапса», вопрошает о себе и ищет повсюду знаки своего присутствия в мире. Радикальная процедура деконструкции субъекта

теперь вызывает к жизни необходимую для семиотического выживания субъекта процедуру реконструкции субъекта [Schrödter, 1994].

Проблема реконструкции «собственного Я» на фоне сложившейся в последние десятилетия XX века культурно-исторической ситуации приобретает особую значимость. Это связано с тем, что оказавшийся в эпицентре «семиотического обвала» субъект, испытывает кризис значения самого себя. Происходит стремительное отслоение того, что именуется «подлинное Я», от социально сконструированного «образа Я». Человек испытывает «потерю себя» и упорно ищет «ключи к себе». Его «исчезающее» Я коллекционирует знаки своего присутствия в мире, выстраивает свой внутренний замкнутый мир, свою личную утопию.

Решение этой проблемы в новой культурно-исторической ситуации уже нельзя однозначно связать с перестройкой в констелляции значений «собственного Я» на основе лишь перераспределения системы ценностей и жизненных смыслов. Деконструкция означает радикальное различивание системы значений «собственного Я». Это приводит к поискам иного принципа «собирания себя», отличного от классического, изложенного, например, в трудах М. Бахтина.

Новый проект «собирания себя» предполагает выстраивание пространства «личной утопии», индивидуального пространства для самореализации, которое в обществе тотального потребления и нивелировки личности сведено к минимуму. С целью выделить себя из обезличивающей среды, человек выстраивает новые границы Я-Другой, конструируя этого Другого и из общения с ним «высекая» все новые «значающие». Новый принцип «собирания себя» – коллекционирование – может теперь в какой-то мере обосновать стратегию существования субъекта в мире, лишенном тождества знака и выражаемого им значения, в мире, распавшемся на фрагменты.

Исследователи культуры XX века констатируют, что в современной культуре произошла смена господствующей мифологической фигуры: отказавшись от Эдипа, фигуры вины, культура XX века апеллирует теперь в фигуре Нарцисса [Горичева, 2001]. «Социальный нарциссизм» становится закономерным результатом одномерного мира потребления, (идеология которого направлена на искоренение всякого иного), мира, который клонирует и тиражирует свои собственные образы и знаки.

Миф об Эдипе, который в свое время Софокл называл парадигмой некоего общего закона, в современном пространстве культуры лишается своей парадигматической функции. С.С. Аверинцев отмечал,

что судьба Эдипа «слагается из двух моментов – бессознательно совершенного преступления и сознательно принятого наказания» [Аверинцев, 1972, с. 91]. В современной ситуации структура мифа об Эдипе существенным образом трансформируется. Фаза сознательного принятия наказания Эдипом, когда «его знание обращается на него самого, его зрение обращается вовнутрь» [Аверинцев, 1972, с. 102], отсекается от мифа. Таким образом, современный человек лишается возможности обрести мудрость-силу, мудрость-власть над собой, духовное прозрение.

Если мифологический Нарцисс, одиноко любовавшийся своим отражением в воде, представлял собой простую одновалентную фигуру самообольщения, как указывает отечественный философ Ю.А. Разинов, то в качестве персонажа новейшей истории он выступает сложной поливалентной фигурой [Разинов, 2006, с. 17]. Современный Нарцисс находит себя в мире других нарциссов, присутствие которых возмущает зеркальную поверхность самосознания, поражая чувством неустрашимой тревоги и напоминанием о неустрашимом существовании Другого. Отсутствие собственной онтологической успокоенности вынуждает современного нарцисса искать опору в общественном признании, устремляться на поиски все новых «означающих». Желая выделиться из многочисленного хора других нарциссов, очертить границы собственного присутствия, нарцисс вовлекается в безудержный процесс производства знаков собственного присутствия.

На общественную сцену выходит новый персонаж истории – коллекционер, который собирает знаки своего присутствия в мире и который озабочен поисками творческого принципа, объединяющую всю его коллекцию. Фигура коллекционера позиционируется как фигура «исчезающего субъекта», который строит свое индивидуальное пространство утопии по своим законам и наслаждается своим привилегированным положением в нем.

В европейском литературном ландшафте второй половины XX века стратегия коллекционирования наиболее ярко проявляется в романе английского автора Джона Фаулза «Коллекционер» (1963). Главный персонаж его романа Фердинанд Клегг коллекционирует бабочек. Венцом его собирательной страсти становится похищенная им девушка Миранда. Питаясь ее страхами, чувством ее неуверенности, состоянием ее беспомощности, он испытывает невыразимое чувство морального превосходства над своей жертвой. Он собирает мгновения ее отчаяния, которые выстраиваются в констелляцию означающих его Я, так он маскирует свой «онтологический страх» перед миром. Здесь действует

как сексуально перверсивное поведение, так и мощная схема садистского отношения к своей жертве, заставляющая коллекционера утаивать красоту и наслаждаться ею в одиночестве [Бодрийяр, 1995].

Литературная модель коллекции, заданная в романе «Коллекционер», воспроизводится затем у немецкого писателя Патрика Зюскинда. В его романе «Парфюмер» («Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders», 1985) фигура коллекционера получает воплощение в образе гениального художника («портрет художника»). «Ольфакторный» гений Гренуй – художник-нарцисс, «собирающий себя», – коллекционирует «летучие вещества», запахи, ароматы, отчуждая «ольфакторную» карту от носителя запаха. Поначалу он бессистемно собирает в своем сознании различные запахи органического и неорганического мира. Затем его интерес переключается на «запахи» социальной жизни. Он коллекционирует запахи благородства, невинности и чистоты, запахи прелюбодеяния и сладострастия, обмана и лицемерия, запахи скрытой злобы и ненависти людей. Его «ольфакторный» архив выстраивается хаотично, в отсутствии какого-либо организующего принципа.

Пройдя низшую стадию накопления субстанций запахами, практикуя затем серийное накопление (двадцать пять убитых им девственниц), требующее уже подчинения внутренней систематике, Гренуй переходит к созданию собственно коллекции. Теперь его коллекция, в силу своей культурной сложности и в силу своей незавершенности, вырываясь из рамок чистого накопительства, требует от своего создателя главного – найти завершающий коллекцию элемент. Замкнутое самонаправленное, нарциссическое существование коллекционера становится осмысленным лишь постольку, поскольку существует уникальный недостающий элемент, логически завершающий процесс «сбирания себя» (аромат тела Лауры Риши).

Деятельность коллекционера всегда отмечена агрессивным началом, в той или иной степени свойственным любому художнику. Художник наделен властью превращать, например, свою конкретную возлюбленную в идеальную картинку, притом без ее ведома и согласия использовать этот идеальный образ в любом контексте, тем самым «убивая» живой оригинал. В романе «Парфюмер» потенциал агрессивности художника-коллекционера возводится в абсолют. Герой Зюскинда убивает буквально, унося божественный запах своей жертвы на полотно, пропитанном маслом (здесь кошунственная аллюзия на плащаницу).

«Ольфакторный» герой романа «Парфюмер» продолжает галерею монструозных персонажей в западноевропейской литературе. Как и

персонаж Фаулза, герой Зюскинда стремится к образу образов. Для него источником образа-архетипа Любви-Красоты-Истины становится божественный аромат тела прекрасной девушки. Как главный персонаж повести Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), конструирующий из фрагментов тел умерших искусственную сущность, так и парфюмер Гренуй синтезирует из «ольфакторных атомов» запаха тел убитых им девушек, «летучую субстанцию», недостающую «божественную» часть своего Я.

Вслед за немецким критиком Петером Цима, обратим внимание на то, что зюскиндовский персонаж мечтал вовсе не о власти над миром. Его сокровенное желание заключалось в том, чтобы с запахом сверхчеловека обрести наконец-то свое человеческое обличие, индивидуальное Я, тело, совершенное, божественное, лучистое [Zima, 2008, с. 310–311]. Стоя на эшафоте, который стал его пьедесталом, Гренуй ликует не по поводу власти над людьми, а по поводу удачного завершения проекта «собрания себя». Присвоенный им запах, который внушает любовь, для него равнозначен победе над собственной фантомной сущностью. В финале романа герой Зюскинда провоцирует убийство себя. Здесь – и закономерный исход всякого коллекционирования, здесь – и его провокация, имитирующая растерзание Орфея, которая выглядит как инсценировка «смерти художника». В современном контексте роман «Парфюмер» прочитывается как притча о современном художнике, потерявшем «онтологическое» равновесие и вынужденного бесконечно коллекционировать свои отражения в других.

Другая модель коллекции представлена в романе немецкого автора Марселя Байера «Летучие собаки» («Flughunde», 1995). Пространство войны звучит в романе в мощных аккордах человеческого страдания, бравадных маршей и непрекословного повиновения власти. В его архив попадают командные голоса, злобные выкрики гестаповцев, истеричные голоса вождей Рейха, а также дрожащие от страха голоса людей, вынужденных жить под маской покорности и послушания во время кампании по онемечиванию западных земель Эльзаса. В акустическом пространстве, размеченном властью и подчинением, звучание живого голоса взрослого человека становится возможным лишь на пределе физических и духовных сил. Это – человеческие крики от нестерпимой боли на пытках-допросах у гестаповцев, на операционном столе во время медицинских экспериментов в концентрационных лагерях, предсмертные стоны и хрипы солдат на полях сражений («топофония фашизма») [Erb, 1998, с. 115].

Если в романе история Гренуя разворачивается как эволюция героя-коллекционера в его движении от «технического отношения» к миру (фигура естествоиспытателя) к «поэтическому отношению» (фигура художника), то в романе Байера фигура коллекционера получает иное развитие. В своем акустическом познании мира господин Карнау начинает движение от наивного, «поэтического отношения» к миру, завершает его «холодно-отстраненным» взглядом «технического» человека.

Здесь важно отметить, что в отношении героев-коллекционеров, из поля экзистенции которых удален Другой, работает одна и та же этическая схема. Поведение героя-коллекционера в реализации индивидуального проекта «собрания себя» характеризует моральная эксклюзия, то есть омертвление чувств, неспособность к получению «живого» знания, «живого» отклика от Другого. Жизнь современного *homo faber* в век высоких технологий перестраивается по техническому образцу, что приводит к невидимой смерти, наступающей изнутри. В силу этого «научно-практический» подход к миру, который воплощает своей судьбой исследователь-коллекционер, несет в себе многократную агрессию приобретательского отношения к миру. Именно поэтому совершаемые Гренуем убийства воспринимаются им как вполне оправданные самым научно-экспериментальным ходом жизни. Именно поэтому для акустика Карнау смерть становится банальностью – «*Vanalität des Bösen*» [Арендт, 1996].

В корпусе немецкоязычных текстов о коллекционерах особо выделим перверсивную (извращенную) модель коллекционирования, представленную в романе австрийской писательницы Эльфриде Елинек «Похоть» («Lust», 1989). Характерное для поведенческой модели коллекционера «поэтическое» и «техническое отношение» к миру здесь сменяется потребительским отношением, доведенным до абсурда – *ad absurdum*.

Предметом коллекции героя романа «Похоть» становится женское тело в акте любви. Собираательство здесь осуществляется в плане сексуальном. Главный персонаж романа – господин директор – коллекционирует любовные акты, в которых женское тело лишено своей изначальной функции и предельно абстрагировано от своего назначения. Коллекционерское поведение равнозначно поведению сексуальному, так как страсть коллекционера всегда взаимодополняется его активной генитальной сексуальностью. Наличие мощного компенсаторного фактора в коллекционировании отмечал еще Бодрийяр в книге «Система вещей» [Бодрийяр, 1995]. В романе Елинек генитальная ак-

тивность господина директора предельно гипертрофирована. Любовное обладание приобретает здесь характер непристойного и ненасытного. Все человеческое естество сводится к набору, к серии, к коллекции детальных подробностей голой сексуальности.

В романе «Похоть» заметно влияние художественной практики американского писателя Генри Миллера. Главным действующим лицом в его романе «Тропик Рака» (1939) становится безмолвное тело, голая материя – *natura naturans*. Миллер воспроизводит здесь добытийное аморфное существование, первобытный океан страстей, еще не одухотворенный и не воплощенный. У Елинек первобытное пространство животной страсти «квантуется». Процесс сексуального потребления запускает механизм перечисления. В романе 15 частей – мини-сюжетов, связанных между собой единой темой коллекционирования. Взятые отдельно мини-сюжеты представляют тот или иной метафорический образ, являющийся одновременно – по форме – мужской проекцией, предметом его коллекции, порнографическим мифом женского тела, а по содержанию – деструкцией, разрушением этого мифа.

В тексте романа повсеместно подчеркивается особое положение главного персонажа романа. Господин директор мощно растрчивает свою витальную энергию на поддержание своей значимости как среди работников фабрики и среди жителей провинциального городка, так и перед самим собой, принося в жертву свою собственную жену и сына. Он – дирижер всего, что происходит в провинциальном городке, на фабрике, в пространстве его дома. Он выделяет себя из мира в качестве некой сверхзначимой сущности, постоянно позиционируя себя как существо «возвышенное», наделенное музыкальным вкусом. Господин директор представляется в романе грохочущим, ненасытным и скандалящим о себе Я. Свою значимость он постоянно артикулирует, питаясь унижениями тех, которые зависят от него материально. По сути дела, он коллекционирует картинки-эпизоды своего привилегированного положения. Для полноты проекта самоосуществления ему необходима серия вещей, в пределе – их всеобъемлющий набор.

Герой-коллекционер выстраивает свою особую стратегию самопрезентации, суть которой сводится к собирательству и использованию различных означающих в качестве означающих «собственного Я» [Разинов, 2006, с. 28]. В качестве «означающих», которые он коллекционирует для поддержания собственного статуса, в данном случае выступают вещи с их возбуждающими чувство Я свойствами. Такой вещью становится женское тело, всегда готовое к употреблению, тело-товар в блестящей символической упаковке, которое призвано всячески поощ-

рять и ублажать нарциссическое Я директора. В пространстве своего respectable дома господин директор строит утопический рай, с преимущественным правом пользоваться «садом любовных наслаждений» ему одному. В замкнутом пространстве коллекционируемые им вещи приобретают ту психическую нагрузку, которую должны были взять на себя отношения с миром реальных людей и вещей.

Традиционная модель коллекции предполагает движение от обычной вещи как предмета обладания к вещи символически нагруженной. Классический коллекционер осуществляет деятельность по «собиранию себя», превращая прозу повседневных вещей (модель обладания) в поэзию (модель коллекции). Елинек же здесь намеренно переворачивает модель коллекционирования. В ее романе движение осуществляется от поэтических метафор к вещественным метафорам потребительского мира. Мифопоэтические образы соития в романе (женщина-птица, пойманная в силки, женщина-трепетная лань, на которую набрасывают лассо), фольклорные изображения человеческих гениталий (в виде замка и ключа, песта и ступки, ложки и горшка и др.) в романе Елинек постепенно замещаются образами механического совокупления. Развертывание поэтических метафор в тексте сменяется перечислительной цепочкой названий продуктов и вещей из потребительской корзины типичного обывателя (еда, напитки, предметы быта, детали интерьера, мебель).

В первой части романа реализуется метафора «женщина-природа». Ландшафт женского тела сравнивается с природным ландшафтом: горы, долины, кустарник, ветви дерева, листва, фиговое дерево, растительный и животный мир. Самого себя директор наделяет свойствами мужчины-охотника. Каждый вечер, возвращаясь с работы, он открывает охотничий сезон. Брутальный и агрессивный, он становится поработителем матери-природы. В ее владениях он ведет себя как охотник-браконьер, проникающий на территорию заповедного ландшафта и уничтожающий все живое. В поисках добычи он раздвигает ветви и кустарники (метафора полового акта), исследует все горные потаенные тропинки, припадает к природным источникам, затаенно сидит в засаде или предается охоте с лассо («*Wie mit Lassobanden muß er sie einfangen*») [Jelinek, 1992, с. 30]. Как настоящий охотник господин директор временами подвергается опасностям. Природа готова поглотить бесцеремонно вторгающегося в ее владения мужчину. Елинек актуализирует здесь архетипическое представление о «*vagina dentate*» («зубастой вагине») как выражение нормального полового акта, который представляется неким поглощением, «поеданием» жен-

щиной мужской индивидуальности (идея кастрации). Елинек намеренно утрирует представление о «*vagina dentate*». Канныбалистское пожирание мужчиной женщины у Елинек превращается в символический акт не только поглощения, потребления мира, но и разрушения мира в целом.

В других мини-сюжетах представлена целая коллекция «означающих», с помощью которых господин директор «коллекционирует» самого себя. Вот он обозначает себя умелым домашним мастером, который деловито ввинчивает электрическую лампочку в патрон, шурупы в деревянную поверхность, забивает гвозди или прочищает канализационную трубу. Вот он позиционирует себя как истинный эстет-гурман, наслаждающийся изысканной сервировкой стола, на котором стоят дорогие блюда и тяжелые бокалы с вином («*die schweren Weingläser*»). Он уже предвкушает откупоривание новой бутылки и поглощение нового куска мяса, приправленного специями («*Fleischstück, mit seiner guten Soße gewürzt, zum Anbeißen und Abbeißen*»). Тело женщины ассоциируется с мясной лавкой («*Fleischbank*»), куда отправляется господин директор. Ему нетерпится приготовить дома свое любимое блюдо («*Die Schenkel der Frau zubereiten... im siedenden Öl herausbacken*») [Jelinek, 1992, с. 30]. Метафора «женщина-еда» постепенно переходит в описание настоящего Лукуллова пира, который завершается торжеством плоти. Широкое распространение в современном рекламном дискурсе кулинарных метафор, как указывает немецкая исследовательница Кристина Гюртлер, связано прежде всего с «сексуализацией» и «феминизацией» всех потребительских товаров [Gürtler, 1990].

В констелляцию значений, образующих «собственное Я» господин директор, входят также обозначение себя как делового, расчетливого и экономного обывателя. Супруга для него выступает объектом выгодных инвестиций («женщина-копилка» – «*Sparschweinedose*», «*Sparbüchse*») [Jelinek, 1992, с. 31]. Стратегический потенциал коллекционера реализуется и в образе заядлого автомобилиста. Господина директора не устраивает жена-малолитражка («*Kleinwagen*»), для повышения адреналина в крови ему необходима скоростная машина («*Auto Formel 1*»).

В романе присутствуют и грубые метафоры и аналогии, заимствованные из литературы абсурда С. Беккета и Д. Хармса. Женщина-сосуд для нечистот, женщина-раковина унитаза или 55 мусорное ведро, куда супруг вываливает остатки еды. В мини-сюжете – «женщина-консервная банка» [Jelinek, 1992, с. 57] – просматривается связь между изнасилованием и испариванием тела. Аналогичный мотив мы нахо-

дим в романе С. Беккета «Как есть»: там человеческое тело безжалостно вспарывается консервным ножом и тем самым делается пронизаемым для «вселенской грязи» [Токарев, 2002].

Процесс коллекционирования и собирательства представляется бесконечным. В финале романа убийство сына и возможное самоубийство героини заключает в себе множество отдельных значений. Это и способ вырваться из порочного круга потребительского коллекционирования, это и акт мести за насилие над женским телом и как завершение того, что уже разрушено другими (тело сына и свое собственное тело).

Проведенное нами исследование позволяет констатировать, что в современном романном дискурсе стратегия коллекционирования представляется одной из стратегий выживания человека в постмодернистской ситуации «смерти субъекта». Введение фигуры коллекционера позволяет автору моделировать избыток социального и знакового в современном обществе и артикулировать новую позицию художника, исследователя, потребителя. Чуждость и монструозность героев-коллекционеров Зюскинда и Байера, подчеркнутая гротесковость фигуры коллекционера у Елинек пародийно заостряет и выявляет суть современного человека-коллекционера как активного потребителя, находящегося в порочном круге производства все новых «означающих».

Литература

- Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М., 1996.
Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995.
Горичева Т., Орлов Д., Секацкий А. От Эдипа к Нарциссу : Беседы. СПб., 2001.
Разинов Ю.А. «Я» как объективная ошибка. Самара, 2006.
Токарев Д.В. Курс на худшее : Абсурд как категория текста у Д. Хармса и С.Беккета. М., 2002.
Erb A. Baustelle Gegenwartsliteratur : Die neunziger Jahre. Westdeutscher Verlag. Wiesbaden, 1998.
Gürtler Ch. Die Entschleierung der Mythen der Natur und Sexualität Gegen den schönen Schein : Texte zu Elfriede Jelinek. Frankfurt am Main, Verlag Neue Kritik, 1990.
Jelinek Elfriede. Lust. Reinbek bei Hamburg : Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH, 1992.
Schrödter H. (Hrsg.). Das Verschwinden des Subjekts. Würzburg : Königshausen & Neumann, 1994.
Zima P.V. Der Europäische Künstlerroman. Von der romantischen Utopie zur postmodernen Parodie. F. Francke Verlag, Tübingen und Basel, 2008.

ФАКТ: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

С.В. Доронина

Ключевые слова: факт, мнение, оценка, дескриптивность, верифицируемость, презумпция знания.

Keywords: fact, opinion, estimation, descriptiveness, verifying, knowledge, presumption.

Проблема соотношения высказывания с объективной действительностью, обсуждающаяся в рамках различных направлений лингвистики, требует выяснения вопроса, каковы феноменологические признаки факта, противопоставляющие его другим языковым (или речевым) сущностям.

Исследование субъективного начала в языке и речи имеет давнюю традицию. Весьма популярными являются субъективистские теории языка и сегодня. Так, например, согласно теории языковой относительности Б. Уорфа и Э. Сепира внешний мир соотносится с его речевым отображением, как территория соотносится с картой. При помощи языка говорящий расчленяет недискретный континуум действительности, выстраивая индивидуальный образ объективной реальности. Поэтому в языке любые высказывания приобретают аксиологическую маркированность, поляризуются. Данное стремление в первую очередь проявляется в отборе сообщаемой информации. Аксиологическое членение объективной реальности также проявляется в выборе номинаций для описания ситуаций, имевших место в действительности, и таким образом индивидуализируется, теряя связь с внешним миром. Данные теории вынуждают признать отсутствие объективной информации в высказываниях естественного языка, в то время как для эффективного решения задач судебного речеведения необходимо допустить наличие в высказывании как субъективного, так и объективного начал и описать средства выражения того и другого.

Вопрос о соотношении языка и действительности активно обсуждался в рамках логического анализа естественного языка. Первоначально он был поставлен в связи с проблемой исчисления высказываний. В классической логике свойством верифицируемости обладают грамматически оформленные суждения. Однако по данному признаку они не противопоставлены какой-либо иной логической сущности. Проверку на истинность проходят простые и сложные суждения, а также умозаключения. Более того, в продолжение идей классической

логики процедура исчисления применяется и в модальной логике. Неклассическая логика дает возможность рассмотреть суждение не как имеющееся или отсутствующее, но и как возможное, должное, разрешительное и пр. При этом истинность модальных суждений определяется с использованием понятия возможного мира. Такое допущение расширяет классическое определение истины и обуславливает логику модального рассуждения. Истина и ложь теперь не выступают абсолютными характеристиками суждения, а исчисляются с указанием на возможный мир. Произвольное высказывание выступает как *возможно* истинное (для одного из возможных миров), *актуально* истинное (для реального мира), *необходимо* истинное (для всех возможных миров). Таким образом, истинность / ложность суждений в классической и современной логике является универсальным оператором, а не операциональным признаком какого-либо одного вида суждений.

Поскольку в рамках логического анализа естественного языка первоначально логические и языковые свойства высказываний отождествлялись, значение предложения представлялось эквивалентным знанию условий его истинности [Тарский, 1948]. В соответствии с указанными логическими презумпциями определение факта, данное Г. Фреге («факт – это такая мысль, которая истинна»¹), противопоставляет его бессмыслице, то есть высказываниям, не имеющим экстенционал. «Мысль не изменится от того, имеет ли субъект предложения референта или нет, но она потеряет значимость, если он узнает, что ее нельзя ни к чему отнести» [Фреге, 1987, с. 18].

Тем не менее идея соотнесения высказывания с действительностью оказалась продуктивной для дальнейшего развития лингвистики и нашла свое воплощение в понятии «пропозиция». Одним из первых определение пропозиции дал Л. Витгенштейн. Пропозиция в его понимании есть информация о мире, *внешняя* по отношению к человеку. Пропозиция непосредственно соотносится с миром, повторяя своим строением структуру фактов действительности, и в то же время это ментальная сущность, порожденная в процессе отражения действительности: «это картина реальности, модель реальности, какой мы ее себе мыслим» [Витгенштейн, 2005, с. 88]. Однако в концепции Л. Витгенштейна предложение, являясь пропозициональным знаком, не рассматривается как носитель какого-либо иного знания, кроме информации об объективной реальности. Данный аспект получает разрешение в концепции языковой игры, развитой им в дальнейшем. Анало-

¹ Цит. по [Философия. Логика. Язык, 1987, с. 17].

гичное понимание пропозиции находим у Л. Линского: «...пропозиция является носителем независимой от познающего субъекта истины» (цит. по: [Остин, 1987 с. 52]). Б. Рассел также определял пропозицию как информацию, полученную в процессе познания внешних объектов. Пропозиция, по Расселу, обладает тремя конституирующими признаками: она изоморфна действительности, способна быть истинной или ложной, способна сочетаться с глаголами пропозиционального отношения.

Таким образом, применение принципов классической логики к семантике высказываний естественного языка привело к выявлению в их смысловой структуре информации, носящей характер объективный, внешний по отношению к говорящему. В то же время полное отождествление пропозиции и факта как единиц разной природы невозможно. Факту присущ признак соотносимости с объективной реальностью, однако способность быть истинным или ложным не разграничивает объективные и субъективные высказывания. Данные операторы пригодны в равной степени и для фактов, и для мнений, убеждений, предположений. Б. Рассел доказывает этот тезис на примере прорицателя, который на основании Откровения Иоанна Богослова утверждал, что в Египте в скором времени произойдут беспорядки. «Его мнение оказалось истинным, однако не перестало быть мнением» [Рассел, 1999, с. 254].

Третий признак пропозиции, сочетаемость с глаголами пропозиционального отношения, тем более не может быть положен в основу выделения фактов, поскольку небазисные предикаты сами по себе способны влиять на коммуникативный статус высказывания, выражая различные коммуникативные установки (*знаю, уверен, предполагаю*).

Таким образом, из трех различительных признаков пропозиции, выделенных Б. Расселом, главным признаком факта следует признать объективность, венаходимость по отношению к говорящему субъекту. Как семантическая сущность фактивное высказывание противопоставлено интерпретационности [Апресян, 2006], которая проявляется прежде всего в оценочных лексемах, экспрессивных и метафорических выражениях, встречающихся в составе предложений. Специального внимания требует семантика базисных предикатов, в структуре значения которых возможно наличие модальных компонентов. Полагаем, что денотативно-сигнификативный план значений слов в составе предложения / высказывания играет намного большую роль в решении вопроса об информативном статусе высказывания, поскольку именно он согласно семантическому треугольнику Ч. Огдена и А. Ричардса фор-

мируется в результате отражения объективной действительности в сознании носителя языка.

Однако факты в языке противопоставлены другим типам высказываний одновременно в двух плоскостях: семантической и прагматической. Как прагматическая сущность фактивное высказывание оппозитивно открытому ряду иных иллокутивных функций: волеизъявлениям, побуждениям, этикетным высказываниям, различного рода коммиссивам (обещания, клятвы, угрозы), вопросам и пр. Попытка противопоставить объективные и субъективные высказывания по коммуникативно-прагматическому основанию представлена в [Рябцева, 1994]. Автор исходит из того, что иллокутивная функция любого высказывания формируется из трех коммуникативных установок. Говорящий осуществляет локутивный акт, когда он желает либо сообщить информацию, либо выразить свою эмоциональную или рациональную реакцию на происходящее, либо изменить события внешнего мира. Поэтому одному и тому же пропозициональному содержанию, диктуму, может быть придан различный коммуникативный смысл, превращающий его в сообщение, речевое действие или в аксиологическую реакцию. Ср.: «*Дверь открыта* (сообщение); *Не откроешь ли дверь!* (просьба), *Дверь-то открыта*; *Опять дверь открыта* (аксиологическая реакция на ситуацию — удивление, недовольство, радость и т.п.)» [Рябцева, 1994, с. 83].

Полагаем, что данная оппозиция должна быть детализирована для высказываний, комбинирующих различные типы прагматических и денотативных значений, а также для сообщений, сделанных с различной долей уверенности. На этом основании факт может быть противопоставлен следующим типам высказываний.

Факт и мнение. Известна попытка вывести модус фактивности из аномального высказывания, известного в логике как парадокс Мура (см., например: [Бринев, 2009]). По мнению автора, невозможность выражения «*Идет дождь, но я так не считаю*» в естественном языке доказывает, что модус «я считаю, что X» является показателем фактивности. Несостоятельность данного тезиса может быть доказана путем модальных преобразований базового высказывания: предложения с модальными операторами мнения *Идет дождь, но я так не думаю* – *Идет дождь, но мне так не кажется* – *Идет дождь, но я в этом не убежден* и т.д. также аномальны, поскольку модус полагания не может сочетаться с предложением, содержащим более сильный оператор «знание о Р». Знать об истинности факта и одновременно иметь мнение о его ложности невозможно. В этом смысле более вероятным пред-

ставляется употребление предложения, содержащего фактивные модальности противоположных знаков (*Идет дождь, но я этого не знаю*): «Представляете, на улице дождь стеной, но я-то этого не знаю, выхожу без плаща – и вот результат, промок до нитки!» В таком предложении модусы знания и незнания об истинности факта относятся к разным временным планам и являются маркерами «исторического» настоящего в составе сложного предложения.

Подобная попытка разграничения факта и мнения была предпринята еще Дж. Остином [Остин, 1987]. Им была создана аномальная конструкция «Я знаю, что *P*, но я могу ошибаться», доказывающая наличие модальности достоверности у глагола «знать». Однако такая конструкция вновь оказывается недостаточно информативной для разграничения факта и мнения, поскольку не иллюстрирует различий между знанием факта и уверенностью в его существовании. Сам Остин осознает, что «между даже таким сильным утверждением, как “Я абсолютно уверен” и высказыванием “Я знаю” все равно существует огромное различие» [Остин, 1987, с. 77]. Однако, в чем заключается это различие, из его модели остается неясным.

Наиболее точно различие между фактом и мнением было сформулировано З. Вендлером [Вендлер, 1987]. По Вендлеру, близость факта и мнения, затрудняющая их разграничение, обусловлена дескриптивной природой обоих суждений. Это дает им возможность соответствовать или не соответствовать реальной действительности, то есть быть истинными или ложными. Однако фактивное суждение имеет внешний источник, оно представляет собой описание реально существующей ситуации. Мнение имеет ментальную природу, оно есть результат интеллектуального моделирования действительности. «Мнения и точки зрения <...> являются внутренними объектами. Они зарождаются и формируются, принимаются, вынашиваются и порой оставляются...» [Вендлер, 1987, с. 304]. Таким образом, различие фактивного суждения и мнения лежит в плоскости «объективное – субъективное». Фактивное высказывание в естественном языке чаще всего имеет нулевой способ выражения. Самым ярким вербальным маркером фактивности вновь признается глагол «знать». Рассуждая о различии перформативности глаголов «обещать» и «знать», З. Вендлер определил значение глагола «знать» так: «Когда я говорю “Я знаю, что *P*”, я приписываю мое субъективное состояние некоторой особой причине, а именно тому факту, что *P*» [Вендлер, 1987, с. 297]. Выражение «я знаю, что *P*» имеет presupпозицию «*P* находится вне субъекта, в объективной ре-

альности», при этом ментальное действие «знание» предполагает когнитивное освоение того, что находится вне мыслящего субъекта.

Значение путативности имеет широкий спектр лексических средств выражения, поскольку мнение может быть выражено с разной степенью уверенности. Проблема разграничения средств выражения факта и уверенного мнения требует дальнейших усилий лингвистики.

Факт и директива. Фактивные высказывания сообщают о событиях внешнего мира, в то время как директивы нацелены на создание нового положения дел. «Сообщения эпистемичны, речевые действия интенциональны» [Рябцева, 1994, с. 85]. Именно поэтому речевое действие не может быть истинным или ложным [Серль, 1987]. Возможность исчисления и дескриптивность – главные отличительные признаки данных типов высказываний.

Факт и аксиологическое суждение. Из всех компонентов плана содержания наименее конкретными являются оценочны семы. Качественный (хорошо – плохо) признак в структуре значения хоть и предполагает существование представлений о норме в естественном языке (иначе все лексемы данной семантики были бы лишены смысла), однако эта норма не дискретна. Оценочная шкала имеет широчайшую зону вариативности. Именно поэтому присутствие того или иного оценочного компонента в структуре значения говорит не об объективных свойствах референта, а скорее об особенностях концептуальной системы индивида, высказывающего данное суждение (см. об этом: [Вольф, 1985]). Все перечисленные свойства оценочных лексем не позволяют произвести однозначную верификацию утверждений, содержащих качественную оценку. Таким образом, главным отличительным признаком фактов и оценочных суждений является интерпретативность. Оценочным суждениям, в отличие от фактов, также свойственна операциональность [Рябцева, 1994]: они не называют новых фактов, а входят составной частью в дескриптивные высказывания.

Факт и суждение квантификации. Коммуникативный статус высказываний, содержащих лексемы количественной оценки, не может быть однозначно определен. Оппозиция «много – мало» в зависимости от степени точности и конвенционализированности измерительной шкалы, налагаемой на событие, может носить как объективный, так и субъективный характер. Ср.: *Х практически ничего не делает для развития образования в крае. Не потому ли на выборах он набрал ничтожное количество голосов.* В первом предложении употребление словосочетания «практически ничего» не имеет под собой объективно-критерия оценивания и представляет собой субъективное суждение

отдельного лица. Во втором предложении выражение «*ничтожное количество*», будучи также крайне неконкретным, все же описывает ситуацию более точно, поскольку применительно к ситуации выборов существует общепризнанные количественные критерии, выражаемые в числовых эквивалентах. «В научном познании <...> измерение и количественная оценка означают одно и то же – численную квантификацию, в идеале никак не зависящую от человека... Практический опыт (в отличие от научного познания) соотносит количество не столько с точной шкалой, сколько с жизненными ситуациями, и поэтому здесь оценка количества психологизируется, субъективируется и превращается в аксиологизацию <...> В обыденном сознании количество “опредмечивается”, а не измеряется, и поэтому окрашивается психологическим отношением к нему» [Рябцева, 2000, с. 109]. Таким образом, информационный статус суждения квантификации зависит от точности количественных показателей, сообщаемых в предложении, и от типа описываемой ситуации.

Факт и выводное знание. В естественной речи нередко высказывания, появление которых, как подсказывает реципиенту здравый смысл и коммуникативный опыт, не обусловлено непосредственным наблюдением говорящего за событием. Такие суждения предваряются логическим достраиванием события, попыткой связать причинно-следственными отношениями разрозненные факты, рассуждением по аналогии и, как правило, не могут быть подтверждены свидетельствами очевидцев или документально. Ср.: *Были простимулированы соответствующие чины; Заказчиком преступления был X; Отзывы оппонентов были хорошо проплачены.* В данном случае возникает вопрос о возможности отнести к фактивным высказывания, референтом которых выступает ситуация, не наблюдаемая говорящим непосредственно. По этому поводу лингвистами высказывались отдельные мнения: «Фактом считают то, что подтверждено жизнью или логикой рассуждения» [Арутюнова, 1988, с. 348]. Однако наиболее активно данный вопрос обсуждается в философии и логике, породивших несколько теорий истинности¹.

Эмпирическая теория признает истинными только те события, которые доказаны на основе свидетельств. Логическая теория истины допускает возможность событий, с которыми никто не сталкивался на

¹ Мы рассмотрим только те из них и только в том объеме, которые считаем релевантными для решения лингвистической проблемы разграничения факта и нефактивных высказываний.

опыте, а также суждения, которые являются истинными, хотя не может быть никаких свидетельств в их пользу. Таким образом, истина не ограничивается суждениями, подтверждаемыми сиюминутным восприятием. В истории логики данные концепции находятся в отношениях конкуренции, суть которой точно формулирует Б. Рассел: «Мы можем различать 4 группы событий: (1) те, с которыми я сталкиваюсь на опыте, (2) те, в которых я убежден на основе свидетельств, (3) те, с которыми сталкивалось на опыте человечество, (4) те, которые допускаются физикой <...> Поскольку никто не принимает группу 1 как единственную, я делаю вывод, что не существует подлинных эмпиристов, и что в правоте эмпиризма, хотя он и неопровержим логически, на самом деле не убежден никто» [Рассел, 1999, с. 345]. По Расселу, истинное суждение и верифицируемое суждение не тождественны: первое шире второго. Истина в данной концепции представляет собой фундаментальное понятие, знание же определяется через истину. Отсюда следует, что суждение может быть истинным, хотя и не верифицированным, то есть верификация не является обязательным признаком факта. Сообщение о событии, реконструированном на основании предыдущего опыта говорящего или на основании общеизвестных сведений, имеет право занимать в коммуникативном акте статус более весомый, нежели субъективное мнение отдельного лица. Подтвердить статус факта таким сообщением позволяют истинность посылок и правильное употребление правил логического вывода: «В корреспондентной теории (истины – С.Д.) истинность базисных (выводимых из наблюдения) суждений зависит от их отношения к некоторому событию, истинность других суждений зависит от их синтаксических отношений с базисными суждениями» [Рассел, 1999, с. 327].

Таким образом, для коммуникации важен не способ установления знания, а способ его оформления говорящим. Если автор высказывания оценивает источник информации как вполне надежный, совершенно уверен в истинности начальных посылок и оформляет суждение о данном объекте без включения в высказывание маркеров субъективной модальности, то он, следовательно, несет ответственность перед слушающим за достоверность логических построений. Если же автор предупреждает слушателя о том, что все последующие суждения есть результат его размышлений, то он, таким образом, придает им статус мнения, поскольку привносит в высказывание субъективность индивидуального восприятия мира. Ср.: *Но в нашем случае бизнес приходит в коммуналку лишь с пустым кошельком и желанием его наполнить.*

Именно такой неутешительный вывод напрашивается после анализа доходов и расходов «Алтайэнерго» за прошлый год (газ.).

Факт и суждение о состоянии другого лица. Одной из разновидностей выводного знания выступают суждения о чувствах, мыслях, намерениях другого лица (*Х волнуется, хочет, боится, имеет целью...*). В случае, если говорящий не получал прямых сообщений о внутреннем состоянии персонажа, он может восстановить его лишь по косвенным, далеко не всегда достаточно информативным, признакам: «Ситуация, когда мы знаем, что другой человек думает, что дважды два четыре или что он видит мышь, отличается по ряду важных параметров от той ситуации, когда мы знаем, что человек раздражен или голоден» [Остин, 1987, с. 81].

Мысли и чувства человека скрыты от непосредственного наблюдения. Утверждать зависимость внутреннего состояния от тех или иных внешних раздражителей можно только с большой долей условности, поскольку в этой сфере имеется широчайшая зона вариативности: люди могут быть очень не похожи друг на друга. «Здесь <...> многое зависит от того, насколько близко мы знакомы с определенным типом людей и конкретно с данным человеком, с его поведением в сходных ситуациях» [Остин, 1987, с. 81]. Все сказанное требует отнесения целой группы суждений о внутреннем состоянии другого лица к мнениям безотносительно к тому, какой способ изложения информации избирает говорящий.

Выше перечислены основные типы высказываний, которые необходимо отличать от утверждений о факте. На основании данного сопоставления к фактам следует относить высказывания со следующими признаками. Фактивное высказывание дескриптивно, объективно, проверяемо, его источником являются как наблюдение за объективной реальностью, так и интеллектуальная реконструкция на основании предыдущего опыта говорящего или на основании общеизвестных фактов. Фактивное высказывание имеет форму утверждения с пресуппозицией знания и накладывает на говорящего ответственность за его соответствие действительности.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.
 Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.
 Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул, 2009.
 Вендлер З. Факты в языке // Философия. Логика. Язык. М., 1987.

- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избранные работы. М., 2005.
- Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
- Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.
- Рябцева Н.К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка : язык речевых действий. М., 1994.
- Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира. // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000.
- Серль Дж. Природа интенциональных состояний // Философия. Логика. Язык. М., 1987.
- Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948.
- Фреге Г. Мысль : логическое исследование // Философия. Логика. Язык. М., 1987.

СПОСОБЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ АРГУМЕНТАТИВНОГО ДИСКУРСА

И.Ю. Качесова

Ключевые слова: аргументация, дискурс, моделирование, поисковая модель.

Keywords: argumentation, discourse, modeling, research model.

В последнее время исследователи аргументативного дискурса все чаще отмечают в качестве его доминантного свойства способность корректировать картину мира оппонента. А.Г. Гурочкина так указывает на основную цель аргументации: «...основной целью аргументативного дискурса является не только обмен информацией, но, главным образом, обоснование или опровержение некоторого положения (тезиса) для восприятия и принятия его индивидуальным или коллективным реципиентом» [Гурочкина, URL]. Это следует прежде всего из особенности аргументации транслировать фрагмент картины мира от аргументатора к оппоненту. В принципе, сама сущность аргументативного процесса кроется в идее аргументативной трансляции: «Мотивирующая сила некоторых конструкций заключается в желании людей иметь свой “голос”, собственную интерпретацию событий и заявлять о своих правах. “Я” артикулируется в дискурсе так, чтобы максимизировать основания, которые имеет человек для того, чтобы быть услышанным <...> Субъект, конструируя в дискурсе один тип “Я”, одновременно конструирует определенный тип подчинения» [Поттер, Уезерел, URL].

В ходе аргументации дискурс выстраивается аргументатором в виде когнитивной модели, корректирующей картину мира оппонента. Данная модель имеет как минимум двухуровневую структуру. Первый уровень структуры когнитивной модели связан с трансформацией деятельных модальностей субъектов, участвующих в аргументации. В процессе порождения аргументативного дискурса информация проходит несколько этапов трансформации. Первый этап характеризуется формированием аргументативного намерения, появление которого связано с выдвижением в семантической структуре дискурса модальностей «я хочу, мне необходимо, я должен говорить то-то». На втором этапе аргументативное намерение корректируется: в картину мира оппонента вводятся компоненты, влияющие на результат его деятельности. В результате, на третьем этапе трансформаций формируется модальность «я должен, я уверен». Аргументативное намерение преобразуется в аргументативную уверенность [Качесова, 2008, с. 70].

Коррекция может происходить через добавление в картину мира оппонента новых субъектных черт, способностей и атрибутов (тип коррекции, связанной с усилением уже существующих компонентов дискурса без изменения структуры картины мира оппонента). Такой тип коррекции, например, связан с предложением оппоненту некоторой роли, которая определяется как набор нетипичных для него деятельностей, качеств и стилей поведения. Данную роль оппонент ассоциирует прежде всего с новой социальной позицией. В риторике такой тип коррекции связан с идеей риторической маски, которая предлагается оппоненту в качестве компонента убеждения.

Еще один тип коррекции картины мира оппонента связан с введением в его картину мира новых фрагментов, ранее отсутствующих (тип коррекции, связанный с изменением структуры картины мира оппонента). Например, аргументация, в ходе которой человеку предлагается принять его способность контролировать обстоятельства, человек преподносится как агент позитивных перемен, даже как создатель новых социальных форм. В этом смысле в картину мира оппонента встраивается совершенно новый компонент, ранее отсутствующий в ее структуре, – позитивный результат деятельности.

Второй уровень структуры когнитивной модели аргументации связан с формированием так называемой поисковой модели деятельности субъектов аргументации. Работа поисковой модели заключается в формировании аргументатором парадигмы разных способов решения спорного положения и предложение данной парадигмы средств аудитории. Но выбор конкретного способа решения четко запрограммиро-

ван самим аргументатором, аудитория же свой выбор делает, исходя из способа работы с проблемной ситуацией, который предлагает именно аргументатор. Другими словами, парадигма средств есть, но возможность свободного выбора сведена к минимуму. У аудитории возникает иллюзия свободы в принятии решения. Модель поискового поведения связана в первую очередь со способами оперирования потребностями аудитории.

На первом этапе анализируются потребности аудитории, выделяется доминантная потребность, сущность которой заключена в формировании смыслообразующего мотива деятельности аудитории, и добавочная, дополнительная потребность, сущность которой заключена в формировании мотива-стимула деятельности аудитории (например, в рекламе детского питания доминантной потребностью аудитории является необходимость накормить ребенка, мотивом-стимулом становится забота матери о ребенке). На втором этапе происходит сравнения первой и второй потребности аудитории с потребностями аргументатора, реализующимися в данном аргументативном акте. Третий этап связан с выдвижением в картину мира аудитории на первый план либо доминантной потребности аргументатора, либо мотива-стимула аргументатора. Данное выдвижение может происходить двумя способами: либо через создание квазипотребности, либо через создание псевдопотребности. Под квазипотребностью нами будет пониматься потребность, ранее не актуальная для аудитории, в качестве псевдопотребности будем рассматривать дополнительно усиленную, гипертрафированную потребность, которая в картине мира аудитории существовала, но не была актуальной в данной аргументативной ситуации. Четвертый этап работы модели поискового поведения связан с подтверждением принятия аудиторией в свою картину мира предлагаемых потребностей. Если таковое принятие состоялось, то аудитория закономерно делает выбор в пользу средства решения спорного положения, которое предлагает аргументатор. Причем данный выбор аудиторией считается самостоятельным и автономным.

Рассмотрим работу поисковой модели на примере анализа текста социальной рекламы, размещенного в сети Интернет (графика, орфография и пунктуация сохранены авторские).

*Если ты ждал момента,
Искал возможности, чтобы изменить свою жизнь
ВРЕМЯ ПРИШЛО
ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН
ТВОЕ ВРЕМЯ
ВЕРА 1000 ЛЕТ РОССИЯ*

Смелость
Ум
Труд
Терпение
Любовь
Миллионы жизней
ТЫ
Самая БОЛЬШАЯ СТРАНА НА ЗЕМЛЕ
Самая БОГАТАЯ СТРАНА на земле
Самая ЛУЧШАЯ СТРАНА на земле
ТЫ НИЧЕГО не делаешь
ТОЛЬКО ПОЛЬЗУЕШЬСЯ
УЧЕБА – твоя профессия
Не нужна СТРАНЕ
РАБОТА на чужого дядю
Пьешь куришь дуешь
Умрешь в 55–60
ДЕТИ –
Не собираешься
СЕМЬЯ –
Не собираешься
АРМИЯ –
Не собираешься
ВСЕ ТОЛЬКО
ДЛЯ СЕБЯ
ПОСМОТРИ ВОКРУГ!
ОЧНИСЬ!!!
ТЫ ПРОСТО ТАК
ПРОЖИВАЕШЬ
СВОЮ ЖИЗНЬ
ДУМАЯ, ЧТО ТРАТИШЬ
ЕЕ НА ЧТО-ТО ЦЕННОЕ
Все что ПОСЛЕ ТЕБЯ
ОСТАНЕТСЯ – ТАБЛИЧКА
С 16 цифрами
ПЕРЕСТАНЬ
СЕБЕ
ВРАТЬ
ТЫ НИЧЕГО НЕ СОЗДАЕШЬ
НЕ СТРОИШЬ
НЕ ИЗОБРЕТАЕШЬ
И НЕ СОБИРАЕШЬСЯ
НИЧЕГО
ТЫ ДУМАЕШЬ, ЧТО НЕ ИМЕЕШЬ
НИКАКОГО ОТНОШЕНИЯ К РОССИИ
ЧТО РЕШАЕТ ВСЕ КТО-ТО И ГДЕ-ТО
НО, НА САМОМ ДЕЛЕ,
КРОМЕ ТЕБЯ У НЕЕ
НИКОГО НЕТ
ТЫ ЕЕ НАСТОЯЩЕЕ

БУДУЩЕЕ, ПРОШЛОЕ
ПЕРВАЯ И ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА
И ОТ ЭТОГО СТАНОВИТСЯ СТРАШНО
ПОТОМУ ЧТО ТЕБЕ НИЧЕГО НЕ НУЖНО
ТЫ ПОТРЕБИТЕЛЬ
БАТАРЕЙКА
В ОГРОМНОЙ ЧУЖОЙ СИСТЕМЕ
Что ты считаешь ценным?
ДЕНЬГИ?
ТЕЛЕФОН?
КРУТЫЕ ШМОТКИ?
МАШИНУ?
ТУСОВКИ?
ВСЕ ЭТО НИЧЕГО НЕ СТОИТ
А твоя жизнь стоит
И твоё время, твои мечты
КОТОРЫХ НЕТ
ОГЛЯНИСЬ ВОКРУГ – СТРАНА УМИРАЕТ
ТВОЯ
В мировой системе
МЫ ЛЕСОРУБЫ И ШАХТЕРЫ
МЫ
Неконкурентноспособны
НАС раздерут на части
ПРИ ПЕРВОЙ ВОЗМОЖНОСТИ
НИ ВЕЛИКИХ ОТКРЫТИЙ
НИ ВЕЛИКИХ ПОБЕД
НИ ВЕЛИКОЙ КУЛЬТУРЫ
Ничего
ВОТ ТЕБЕ И СВОБОДА
СВОБОДА БЫТЬ БАНДИТОМ
ИЛИ ПРОСТИТУТКОЙ
СВОБОДА САМОУНИЧТОЖЕНИЯ?
СВОБОДА УНИЖЕНИЯ?
СВОБОДА БЫТЬ НИКЕМ?
Те, от кого ты в двух шагах –
Воевали и строили,
Изобретали, падали,
Поднимались и шли дальше
Ради того, чтобы ты жил
Они построили великую страну
А ТЫ?
НЕБЛАГОДАРНАЯ СКОТИНА
ИЛИ ТОТ, КТО МОЖЕТ
ИЗМЕНИТЬ МИР?
НИКТО ИЛИ ГЕРОЙ?
ПОСЛЕДНИЙ ИЛИ ПЕРВЫЙ?
НО ЗНАЙ... РЕШАЙ САМ
НИКОГО КРОМЕ ТЕБЯ
НЕТ

НИКТО ЗА ТЕБЯ ТВОЮ
ЖИЗНЬ НЕ ПРОЖИВЕТ
У НАШЕЙ СТРАНЫ
ЕСТЬ ДВА ВАРИАНТА
ВОЗРОДИТСЯ ИЛИ ИСЧЕЗНУТЬ
Гордись тем, что ты РУССКИЙ

Первым этапом анализа выделим потребности аргументатора и аудитории. Аргументатор в данном случае – авторы текста социальной рекламы, призванной предложить аудитории новую модель коммуникативной адаптации. Реклама с позиции ее социальной функции «входит в социальную среду, которая участвует в становлении определенных стандартов мышления и социального поведения различных слоев населения <...> Первая задача рекламы – присоединение людей к некоторой системе. Реклама способна помочь людям почувствовать, что они являются частью определенного общества» [Ромат, 2006, с. 8]. Следовательно, именно социальная реклама напрямую предлагает аудитории новую, незнакомую модель коммуникативного и социального поведения и тем самым корректирует картину мира аудитории. Доминантной потребностью и смыслообразующим мотивом деятельности в социальной рекламе выступают принадлежность к определенной социальной группе, мотивом стимулом является следование коммуникативным нормам и моделям поведения внутри этой группы. При описании потребностей будем опираться на классификацию системы потребностей, предложенную А. Ульяновским [Ульяновский, 1994, с. 127].

В анализируемом тексте такой корректирующей потребностью выступает социальная самоидентификация личности. Авторы текста социальной рекламы напрямую обращаются к аудитории, персонифицируя аудиторию до одного субъекта («ты», «для себя», настоящее грамматическое время глагола «*пьешь*», «*куришь*», «*дуешь*»). Временная организация текста строится на принципе «здесь и сейчас» («*посмотри вокруг*», «*очнись*»). Выдвижение отрицательной частицы *не* используется для намеренного понижения социального статуса группы, к которой себя причисляет аудитория (*ДЕТИ – Не собираешься СЕМЬЯ – Не собираешься АРМИЯ – Не собираешься*). Создается иллюзия никчемного «прожигания жизни», что поддерживается негативной временной проекцией в будущее («*все что после тебя останется – табличка с 16 цифрами*»).

Доминантную потребность аудитории в данном тексте мы можем лишь реконструировать, она не вербализована последовательно. Следы реконструкции можно усмотреть в последовательном использовании

изъявительного наклонения и настоящего времени глагольных форм, использованных в тексте (тот же принцип «здесь и сейчас»). Такое применение грамматических категорий позволяет авторам текста организовать идентификацию аудитории, реконструированной в тексте, с реальной аудиторией, на которую направлена социальная реклама. Таким образом, мотивом-стимулом деятельности аудитории в данном тексте выступает так же социальная самоидентификация, а основным смыслообразующим мотивом деятельности будет способность получения удовольствия от жизни (своеобразная гедонистическая проекция) (*«ты потребитель», «что ты считаешь ценным? Деньги? Телефон? Крутые шмотки? Машину? Тусовки?»*).

На втором этапе сравнение потребностей позволяет выделить совпадающие потребности аргументатора и аудитории. В данном тексте такой потребностью выступает социальная самоидентификация. Именно на работе с этим совпадением строится третий этап функционирования модели поискового поведения. Аргументатор усиливает социальную самоидентификацию за счет расширения границ социальной группы. Ранее социальная группа аудитории очерчивалась границами гедонистического, потребительского видения мира. Сейчас границы социальной группы расширяются за счет включения в картину мира аудитории понятий «страна», «предыдущее поколение», «последующее поколение» (*«ты думаешь, что не имеешь никакого отношения к России», «ты ее настоящее, прошлое и будущее», «оглянись вокруг – страна умирает», «твоя страна», «те, от кого ты в двух шагах – воевали, строили, изобретали, падали, поднимались и шли дальше ради того, чтобы ты жил. Они построили великую страну»*). Подобное расширение осуществляется также за счет противопоставления *ты* и *они*, данная оппозиция в тексте преподносится как вымышленная, включение аудитории в подобную оппозицию оценивается негативно (*«а ты? Неблагодарная скотина? Или тот, кто может изменить мир?»*). Выстраивается оппозиция другого порядка: *те*, кто действует (или действовал), изменяя мир к лучшему, и *те*, кто ничего не хочет предпринимать. Новая оппозиция поддерживается идеей противопоставления статичности и динамики в коммуникативном пространстве. Статика оценивается негативно, динамика позитивно (см., например, намеренное нагнетение идеи движения *«воевали, строили, изобретали, падали, поднимались и шли дальше», «оглянись», «никто за тебя твою жизнь не проживет»*).

В качестве поддерживающей идеи коррекции картины мира аудитории авторы текста предлагают идею ответственности за будущее

развитие коммуникативного и социального пространства («ты неблагодарная скотина? Или тот, кто может изменить мир? Никто или герой? Последний или первый? Решай сам. Но знай... Никого нет. Никто за тебя твою жизнь не проживет»). Именно на позиции социальной ответственности фиксируется третий этап работы модели поискового поведения. Включенность аудитории в новую расширенную социальную группу снимает значение потребительского отношения к жизни и позволяет аудитории из объекта воздействия в новой модели социально-коммуникативного взаимодействия стать полноценным социально ответственным субъектом («у нашей страны два варианта <...> возродиться или исчезнут»). Четвертый, финальный этап работы модели поискового поведения фиксируется семантикой гордости за включение себя в определенную социальную группу. В тексте данное положение подтверждается высказыванием «Гордись тем, что русский!»).

Как видно из приведенного анализа, способы работы с потребностями аудитории напрямую связаны с коррекцией картины мира. Следовательно, модель поискового поведения может быть рассмотрена в качестве способа формирования когнитивной структуры аргументативного дискурса.

Литература

- Гурочкина А.Г. Аргументативный дискурс парламентских дебатов. [Электронный ресурс]. URL: [http:// filologija.vukhf.lt/712/8%20gurochkina%20new.doc](http://filologija.vukhf.lt/712/8%20gurochkina%20new.doc)
 Качесова И.Ю. Текстовые реализации характеристик поля аргументации // Филология и человек. 2008. № 2.
 Поттер Дж., Уезерел М. Дискурс и субъект. [Электронный ресурс]. URL: [http:// psylib.org.ua/books/_pottu01.htm](http://psylib.org.ua/books/_pottu01.htm)
 Ромат Е.В. Реклама. СПб., 2006.
 Ульяновский А.А. Мифодизайн рекламы. СПб., 1994.

АДАПТИВНОСТЬ СОЦИАЛЬНО ДЕТЕРМИНИРОВАННЫХ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР ИНДИВИДА КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИОАНТРОПОГЕНЕЗА

И.В. Рогозина, К.Л. Лебедева

Ключевые слова: когнитивная структура, концепт, социально детерминированный, социоантропогенез.

Keywords: cognitive structure, concept, socially determined, socioanthropogenesis

Изучение языкового сознания является одним из магистральных направлений современного языкознания, поскольку проблема соотношения языка и мышления продолжает оставаться далекой от своего окончательного решения. Вместе с тем интегративный характер современных изысканий позволяет более углубленно исследовать и моделировать когнитивные процессы, сопутствующие речемыслительной деятельности при рассмотрении индивида в качестве *психосоциальной* языковой личности, приобретающей, перерабатывающей и хранящей знания в *определённом социально-историческом контексте*.

Мысль о том, что для индивидов различных исторических эпох характерны свои представления о человеке и обществе, постулировалась неоднократно. Так, Н.В. Мотрошилова, говоря о трех измерениях человеческого существования, подчеркивает то, что индивид существует и как *социально-историческое существо* [Мотрошилова, 1989, с. 38]. Однако изучение сознания в историческом, аспекте, о котором говорит и Н.И. Жуков [Жуков, 1987, с. 28], на практике представляется затруднительным. Вместе с тем, если онтологический аспект трактовать как изменение когнитивных структур на протяжении ограниченных отрезков времени – жизни двух-трех поколений, то вполне возможно предпринять попытку экспериментально зафиксировать созревающие в индивидуальном сознании социально детерминированные изменения [Рогозина, 2003].

Поскольку современный этап развития российского общества характеризуется коренными преобразованиями, происходящими во всех сферах жизни – политической, экономической и социальной – постольку и языковая личность как решающий фактор социоантропогенеза не может не становиться субъектом и одновременно объектом происходящих перемен [Лебедева, 2007]. В этой связи представляется закономерным предположить, что слом одной общественно-исторической эпохи и становление другой не может не фиксироваться в том или ином виде концептуальной системой индивида как члена языкового сообщества. Возникает вопрос о том, насколько быстро происходит адаптация когнитивных структур индивида в соответствии с изменениями, возникающими в процессе социоантропогенеза.

Коль скоро и языковая личность, и, соответственно, социум как некоторая совокупность языковых личностей становятся объектами социальных изменений, то в первую очередь модификации должны подвергаться те социально детерминированные когнитивные структуры, которые располагаются в центре языкового сознания носителя языка. В частности, такой социально детерминированной когнитивной структурой является концепт *человек*: он представляет собой значимый компонент когнитивного поля индивида [Лукашевич, 2002].

Для моделирования названной когнитивной структуры мы выбрали свободный (ненаправленный) ассоциативный эксперимент. Целью проведения психолингвистического эксперимента явилось выявление тенденций в формировании компонентов мышления индивидов на определенном срезе социально-исторического развития общества, включающее верификацию реальности влияния радикальных социально-экономических изменений на переструктурирование концепта *человек* индивидами, степень пластичности концептуальных систем которых детерминируется принадлежностью к определенной возрастной группе.

В эксперименте приняло участие 100 респондентов, из них 50% – студенты разных специальностей 1–5-го курсов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова и 50% преподавателей пенсионного возраста того же вуза. Наличие двух разновозрастных групп респондентов в качестве участников эксперимента было обусловлено предположением о том, что если возрастная дифференциация в переработке и хранении информации имеет место, то это должно найти отражение в реакциях респондентов. В частности, проведение эксперимента было призвано либо подтвердить, либо опровергнуть психолингвистическую реальность возрастной детерминанты как некоего ограничителя адаптивности концептуальной системы индивида в его способности аккумулировать и перерабатывать информацию в соответствии с изменяющимися реалиями.

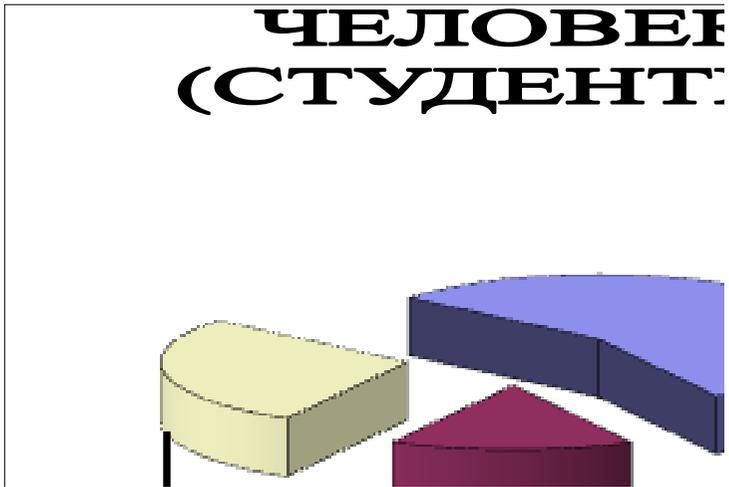
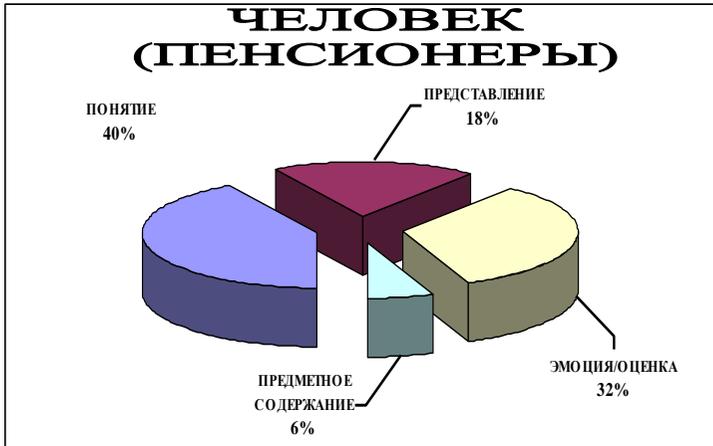
Выбор ассоциативного эксперимента в качестве основной методики исследования обусловлен рядом причин. Во-первых, ассоциативный эксперимент, являясь эффективным средством экстернализации социально-детерминированных фрагментов языкового сознания, позволяет получить доступ к когнитивным структурам носителей языка и моделировать их с целью выявления наличия или

отсутствия каких-либо изменений, обнаруживающих тенденцию к адаптации индивидов к новому этапу исторического развития.

Во-вторых, при проведении ассоциативного эксперимента определяющую роль в речемыслительном механизме человека играет слово: оно способно «выводить на некоторый фрагмент индивидуальной картины мира во всем богатстве его связей и отношений» [Залевская, 2001, с. 115]. Следовательно, этот вид эксперимента представляет собой эффективный способ, позволяющий приблизиться к реальному мышлению, что дает возможность устанавливать неосознаваемые связи слова-стимула с другими словами, репрезентирующими социально актуальные компоненты концепта. Иными словами, свободный ассоциативный эксперимент способен опосредованно выявлять социально актуальные для индивида когнитивные признаки представленных словом-стимулом реалий.

Планируя проведение экспериментального исследования, мы исходили из ряда принципиальных теоретических положений. Вслед за Ю.Н. Карауловым, мы полагаем, что ассоциативный эксперимент, являясь средством овнешнения фрагментов языкового сознания, позволяет исследовать язык, хотя и не зафиксированный в тексте, но готовый к подобной фиксации, поскольку он находится в «перманентно деятельном, динамическом состоянии» [Караулов, 1999, с. 9]. Кроме того, при планировании эксперимента мы также исходили из того, что за словом у человека стоит многомерная симультанная структура, не похожая на словарные дефиниции [Лурия, 1979]. Мы ожидали, что при предъявлении слова-стимула *человек* вербализация возникающих ассоциатов так или иначе обнаружит находящиеся в процессе адаптации социально значимые для индивида элементы этой структуры.

Моделирование реакций, полученных на слово-стимул *человек* в обеих возрастных группах респондентов, не обнаружило резких, принципиальных различий в количественном распределении реакций по компонентам концепта *человек*. Так, если на долю понятия пришлось 56% процентов реакций респондентов-студентов и 40% реакций респондентов-пенсионеров, то соотношение ассоциатов, репрезентирующих эмоцию и оценку в этих группах оказалось соответственно 29% и 32%. Вместе с тем именно эти компоненты концепта обнаружили принципиальные различия в своем лексемном наполнении в двух разновозрастных группах.



Наибольший интерес представляют результаты сопоставления ассоциатов, входящих в понятийный компонент концепта *человек*, поскольку именно они, на наш взгляд, фиксируют социально детерминированные расхождения в своем наполнении в двух сравниваемых возрастных группах.

Так, в группе респондентов-пенсионеров единственной частотной реакцией является *homo sapiens*, что составляет 55% всех реакций-

понятий, в то время как все остальные реакции единичны, включая ассоциат *личность* (1), а реакция *индивид* отсутствует. Когнитивные структуры представителей старшего поколения были сформированы в период, когда господствовало марксистско-ленинское учение о развитии общества, а когнитивное развитие осуществлялось под влиянием целенаправленного идеологического воздействия. Ассоциат *homo sapiens* фиксирует идеологический фрагмент социально-детерминированной когнитивной структуры, поскольку ее формирование осуществлялось через процессы социализации с присущим им в то время акцентом на идеологическом возвышении советского человека. Таким образом, полученные реакции свидетельствуют о ригидности когнитивных процессов в этой возрастной группе.

Однако в реакциях студенческой возрастной группы доминируют другие частотные ассоциаты, на долю которых приходится 68% всех реакций-понятий: *личность* (35,8%), *индивид* (17,9%), *общество* (14,3%), в то время как все остальные ассоциаты являются единичными. Не вызывает сомнений, что исследуемая социально детерминированная когнитивная структура фиксирует ценности, ориентиры и принципы, значимые для молодого индивида в *современных* условиях. Представляется, что детерминантой подобной адаптации является изменение в соотношении «индивид как индивидуальность» и «индивид как член коллектива» в пользу индивидуальности. Уже на этом этапе вполне возможно говорить о наличии тенденции к индивидуализму, или индивидуалистичности, что и проявляется в определенном смещении в наполнении понятийного компонента концепта. Сопоставление возрастоспецифичных когнитивных моделей с неизбежностью фиксирует намечающийся тренд, ассоциируемый нами с генетически детерминируемой способностью к адаптивности концептуальной системы молодых респондентов под воздействием приобретаемого ими социального опыта.

На наш взгляд, результаты, полученные в обеих группах, могут быть интерпретированы следующим образом. Моделируемая социально детерминированная когнитивная структура, с одной стороны, фиксирует *воспроизводство* социального опыта, полученного в отдаленном прошлом возрастными респондентами, а с другой – *развитие*, наиболее характерное для группы молодых респондентов. По сути, когнитивная модель обнаруживает противоположные моменты в своем структурировании – *ригидность и адаптивность*. Ригидность проявляется в том, что воспроизводство отражает момент повторения, устойчивости, а адаптивность – развитие, появление нового. В течение по-

слеоктябрьского периода развития советского общества ставились задачи воспитания личности на коллективистских началах, как члена трудового коллектива. Вектор же постперестроечных социальных изменений заставляет индивида переосмысливать отношение к самому себе и, как следствие, по-иному позиционировать себя в обществе в силу постепенного осознания того факта, что от него самого зависит его собственное будущее, его выживание. Структура концепта фиксирует процесс приобретения индивидом социальных свойств, необходимых для функционирования в изменившихся социальных условиях. Таким образом, на смену «массовидному», деиндивидуализированному homo soveticus приходит человек с ярко выраженной тенденцией к индивидуализму.

Тенденция, демонстрирующая роль эмоционального в познании, наблюдается в специфике наполнения эмоционально-оценочного компонента концепта *человек* представителями двух различных возрастных групп. Несмотря на то, что на долю эмоционально-оценочного компонента приходится практически одинаковое количество реакций в обеих группах (28% и 32%), состав ассоциатов различен. Реакции группы информантов-пенсионеров практически монооценочны. Наблюдается практически безраздельное доминирование положительной оценки: *уникум, высшее создание, непостижимое создание, многоплановое существо, набор высоких качеств, с большой буквы, человек – звучит гордо, сознательный, terra incognita, порядочность, доброта*. Единственной отрицательнооценочной реакцией этой группы респондентов стал единичный ассоциат *обезьяна*.

Однако анализ реакций информантов-студентов обнаруживает иную тенденцию: ассоциаты распадаются на две примерно одинаковые группы реакций положительной и отрицательной эмоции / оценки (соответственно 57% и 43% всех оценок / эмоций). Положительная эмоция / оценка представлена ассоциатами *умный, скромный, добрый, друг, загадка, высший разум* и др. Отрицательная эмоция/оценка зафиксирована в частности такими реакциями как *зло, животное, сатана, обезьяна, глупость* и пр. Очевидно, что эмоционально-оценочный компонент концепта *человек* рассматриваемой возрастной группы, фиксируя отношение «индивид–индивид», указывает на поляризацию эмоций и оценок, отражающую некие изменения в области социального, зафиксированные концептуальной системой молодых респондентов. Полученный результат вполне согласуется с мыслью о том, что в чувственных формах сознания больше человеческого, а в рациональных – политического [Волкогов, 1980, с. 75].

В этой связи чрезвычайно важно подчеркнуть, что процесс познания, тесно связанный с движением и изменением, обусловленным новым типом социального взаимодействия индивидов, с неизбежностью включает в себя противоположные стороны, которые, взаимообуславливая друг друга, существуют в единстве [Муронов, 1996, с. 56]. Познание через призму когнитивных оппозиций предполагает наличие такой биоценочной структуры, которая объединяла бы противоположности в одно целое и в то же время разъединяла их, не позволяя им слиться. Оно задает когнитивную модель, овнешняющую взаимодействие противоположностей, придавая им специфику, отличая их одно от другого.

Рассмотрение адаптивности vs. ригидности социально-детерминированных когнитивных структур позволяет раскрыть познавательную сторону сознания. Активный характер когнитивных процессов отражается в том, что они не сводятся к воспроизведению усвоенных от предшествующих поколений когнитивных структур: происходящие в социальных отношениях изменения фиксируются мышлением индивида в виде *обновляемых компонентов* выработанных ранее когнитивных структур. А эксперимент лишь позволяет реконструировать «тот содержательный процесс, в котором осуществляется связь субъекта с предметным миром» [Леонтьев, 1983, с. 75] или в терминологии В. фон Гумбольдта тот «мир, который внутренняя работа духовной силы» ставит «между собой и предметами» [Гумбольдт, 1984, с. 171].

Таким образом, проведение психолингвистического эксперимента в двух разновозрастных группах и последующее моделирование полученных в ходе эксперимента реакций позволило выявить возрастоспецифичное соотношение ригидности и адаптивности компонентов названных социально-детерминированных когнитивных структур, а также подтвердить наличие единства социального опыта и знания у представителей различных возрастных групп. Присутствие в концептуальной системе респондентов одной возрастной группы компонентов концептов, не представленных или практически не представленных в концептуальной системе респондентов другой возрастной группы, указывает на возрастоспецифичность адаптивности концептуальных систем в целом.

Таким образом, экспериментальное исследование подтвердило предположение о психолингвистической реальности фиксации концептуальной системой индивида результатов интериоризации изменяющейся социально-детерминированной информации в зависимости от

возрастных показателей. Психолингвистический эксперимент выявил когнитивную специфику фиксации социально значимых смыслов и их закрепления в качестве фрагмента социальной картины мира разновозрастных индивидов. Следовательно, можно сделать вывод о том, что структура концепта *человек* фиксирует в «снятом» виде сложный и взаимообусловленный процесс развития языка и общества, или когнитивный итог социоантропогенеза.

Литература

- Волкогонов Д.А. Методология идейного воспитания. М., 1980.
Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М, 1984.
Жуков Н.И. Проблемы сознания. Минск, 1987.
Залевская А.А. Текст и его понимание. Тверь, 2001.
Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М., 1999.
Лебедева К.Л. Человек как объект духовно-нравственного анализа // Современный мир : экономика, общество, культура. Барнаул, 2007.
Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1983.
Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика : эволюционно-прогностический аспект, М.; Барнаул, 2002.
Лурия А.Р. Язык и сознание. М., 1979.
Мотрошилова Н.В. Бытие // Вопросы философии. 1989. № 4.
Муронов А.А. Философские основы воспитания как социального явления. Барнаул, 1996.
Рогозина И.В. Экспериментальное исследование влияния масс-медиа на формирование картины мира // Аспекты исследования картины мира. Барнаул, 2003.

ПРИНЦИП ДИНАМИЧНОСТИ КОМПОЗИЦИОННОГО ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТА

Н.В. Панченко

Ключевые слова: текст, композиция, динамичность, трансформация, изотопия.

Keywords: text, composition, dynamics, transformation, isotopia.

ВСТАВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ

**КАК ПОКАЗАТЕЛЬ РАСЧЛЕНЕНИЯ ТЕКСТА
(на материале русских прозаических
текстов 1980-х–2000-х годов)**

О.В. Марьина

Ключевые слова: вставные конструкции, основное предложение, степень расчленения, показатели расчленения.

Keywords: insertion structures, principal clause, degree of isolation, dismemberment indexes.

Существуют различные подходы к изучению вводных и вставных конструкций. В современной лингвистике имеются исследования, посвященные сопоставлению вводных и вставных единиц в предложении (А.И. Аникин, В.В. Бабайцева, В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев, Ю.М. Златопольский и др.), изучению модальной роли вводных и вставных конструкций (С.И. Бурлак, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, П.А. Лекант, Г.Я. Солганик, В.И. Фурашов, М.М. Чернышова, Н.Ю. Шведова и др.), описанию функций вставных конструкций в предложениях и тексте (Г.Н. Акимова, Н.С. Валгина, В.Т. Гневко, В.А. Шаймиев и др.).

Вставные конструкции рассматриваются как одно из средств выражения в тексте авторского «я» (Н.С. Валгина, В.П. Вомперский, И.Р. Гальперин, С.Г. Ильенко, Н.А. Николина, В.В. Одинцов и др.). Именно благодаря данным синтаксическим структурам говорящий может пояснить, в каком отношении к более широкому контексту речи находится содержание данного предложения, отдельное замечание и т.д. [Алгазина, 1994, с. 97].

В последние 10–15 лет в лингвистической литературе вводные и вставные конструкции исследуются как фигуры расчленения наряду с другими синтаксическими фигурами: парцелляцией, неграмматическим обособлением второстепенных членов, неполными предложениями и неполными конструкциями с прямой речью (Е.А. Покровская); абзацным членением и текстовыми блоками (А.А. Чувакин); парцелляцией, парантезой, сегментацией (Г.Е. Щербань, С.Г. Фоменко) и др. «Вводные и вставные конструкции <...> создают расчлененность текста, являясь средством выражения субъективной модальности, они могут способствовать интимизации повествования. Ту же функцию интимизации выполняют вставки, имитирующие спонтанность формирования и выражения мысли, ассоциативное мышление. Все это способст-

ует созданию дисгармоничной картины мира, алогичного интуитивного постижения, интимизации текста» [Покровская, 2001, с. 151].

Наша работа выполняется в рамках исследования вставных элементов как показателей расчленения. Основанием послужила недостаточная изученность вставных конструкций; отсутствие системных, последовательных описаний признаков расчленения вставных компонентов и предложений, их содержащих. Отмечая, что вводные и вставные конструкции «разрывают» логико-грамматические отношения основного предложения [Златопольский, 1980, с. 57], ученые-лингвисты не говорят о том, что именно влияет на расчленение, за счет чего оно создается.

В данной работе мы рассматриваем только вставные конструкции: они характеризуются незапланированностью (желание сообщить дополнительную информацию появляется в процессе речи и незамедлительно реализуется, нарушая стройность построений), в отличие от «плановости» вводных единиц при включении их в предложение. Вставные конструкции создают фрагментарность, ограниченность, изолированность, «размыкают» непрерывность синтаксических связей предложения. Это и позволяет рассматривать их как один из показателей расчленения в синтаксисе.

Вне зависимости от того, связана вставная конструкция с основным сообщением или не связана с ним, «проявляется важная для синтаксического строя тенденция к расчленению ...» [Акимова, 1980, с. 100]. Соглашаясь с замечанием Г.Н. Акимовой, мы считаем, что степень расчленения основного предложения за счет вставной конструкции может быть различной.

Менее самостоятельными, «оторванными» от содержащего их предложения являются вставные компоненты, начинающиеся с сочинительных и подчинительных союзов и союзных слов, рассматриваемых лингвистами как интеграционные средства связи (В.В. Бабайцева, И.Р. Гальперин, С.Е. Крючков, Л.М. Лосева, Л.Ю. Максимов, А.М. Пешковский и др.). Например: 1. *Когда наверху (то есть, надо думать, на палубе) раздалась шаги, Лисицина не испугалась, а обрадовалась* (Б. Акунин. «Пелагия и Черный Монах»). 2. *Загадка (которой, возможно, и не было?) таилась в ее голосе – то высоком, почти писклявом, то глубоко, грудном, в ее удивительной фотогеничности – всякий раз по иному выглядела она на газетных снимках и в маленьких ролях, которые сыграла позже, оставив работу, в нескольких фильмах, не обнаружив, правда, особенного актерского дарования* (О. Михайлов «Час разлуки»). Вставные конструкции не диссонируют

с основным предложением: они заключают в себе и дополнительную информацию (пример № 1), и передают отношение к ситуации, положению (пример № 2). Средством связи основного и входящего в него предложений является пояснительный союз *то есть* и союзное слово *которой*.

Вставная конструкция может включать в свой состав часть основного предложения: *Растегнув шубку (под ней была белая кофточка с широкой черной полосой на груди) и прижавшись к зеркалу, чтобы пропустить двух работах в ватниках, горячо обсуждавших на ходу какое-то дело (и так махавших при этом руками, что ни дай Бог кому-нибудь было оказаться на пути огромных растрескавшихся кулаков), она увидела почти вплотную свое припудренное лицо с ясно заметными морщинками у глаз* (В. Пелевин. «Вести из Непала»). В данном случае наблюдается структурная и смысловая взаимозависимость включающего и включенного элементов. Главный компонент вставной конструкции является в свою очередь одним из однородных определений, имеющихся в основном предложении. Примечательно то, что имеющиеся показатели осложнения предложения (вставная конструкция и обособленное определение) не связаны с основной сюжетной линией рассказа.

Если вставные конструкции передают невербализованные мысли, чувства, наблюдения и при этом не отличаются от предложения, их содержащего, ни типом повествования, ни эмоциональной, ни стилистической окраской, то мы вправе говорить о тесном взаимодействии данных структур. Сравним: 1. *Северный город, куда меня распределили – мне выпал город, что уж тут поделаешь, я вела себя честно, – был не так уж мал, за двести тысяч жителей, и учителей литературы там хватало* (А. Лиханов. «Благие намерения»). 2. *Наши бизнесмены (гады, заразы, кровопийцы), фермеры (у, паразит, развел свиней под самым носом, когда я как раз на бугре с поллитрой расположился, птиц послушать), врачи (знаем! им только взятки брать да коньяк трескать!), банкиры (нахапает денег и бежать), ученые (от этих просто трясет, не знаю почему, но, право, трясет!)* (Т. Толстая. «Вонуог, мочуик! Pochiol von!»). Вставные конструкции в данных текстовых фрагментах отличаются стилистической, эмоциональной окраской; повествование в первом случае ведется от лица рассказчицы (вставная конструкция дополняют информацию, имеющуюся в основном предложении), во втором – вставной компонент представляет собой несобственно-прямую речь, заключающую в себе весьма резкую оценку современной действительности.

Вставные конструкции могут быть связаны с основным предложением с помощью лексического повтора: *Поэтому-то и наш Лева – **тип**, несмотря на свою принадлежность к вымершей породе. (Любопытно, что вплоть до настоящего времени, и, судя по литературе, особенно после революции, распространилось в просторечии слово «тип» и даже словечко «типчик» в отношении людей, как нам кажется, особенно легко поддающихся формированию времени)* (А. Битов. «Пушкинский дом»). Лексический повтор оценивается исследователями (Л.Г. Бабенко, Г.Я. Солганик, Ю.В. Казарин, А.Ф. Папина, Е.А. Покровская и др.) как одно из основных средств его связности, а не расчлененности.

Вставная конструкция может иметь значение пояснения: *Посредине такой черноты стен, потолка, пола и воздуха, что даже лампа ее не рассеивала, в центре, словно принявшая в себя всю слабую силу керосинового пламени, висела, или вернее, парила икона, а лик на ней (что и привело Селиванова в онемение) был писаной копией того, кто впустил его в дом и кто был некогда Иваном Рябининым* (Л. Бородин. «Третья правда»). Средство связи «что и» и смысловая неполнота вставной конструкции – придаточного предложения – позволяют судить о зависимости вставной конструкции от основного предложения.

На большую расчлененность текста указывают вставные конструкции, вводящие в художественный текст новый речевой слой. Например: *Женечка ловила нас на крыльце и в саду, возбужденно совала уже тысячу раз виденные фотографии: Женечка в гостиной на финском диване, Женечка с двоюродным внуком – новым обожаемым воспитанником, трогательно прильнувшим к ее руке (как ты, Женечка, сказала, его зовут-то? Коко или пуну?), Женечка в столовой за обедом: зеленый лист салата и две травинки* (Т. Толстая. «Самая любимая»). Способность вставных конструкций располагать высказывания в разных смысловых планах повествования позволяет использовать эти единицы в тексте для создания своего рода «ситуаций контраста»: совмещать в одном смысловом блоке и повествование о чем-либо, и отношение к этому самого автора; характеризовать, показывать персонаж с «внутренней» и «внешней» точек зрения и т.д.

Вставные конструкции могут указывать на другого адресанта речи: *1. Началась серия «опознаний», то пугавших, то возмущавших Незвестную («Да какая же это Татьяна!» – «Но я никогда не говорила, что я Татьяна!»)* (Т. Толстая. «Анастасия, или жизнь после смерти»). *2. Люди ставили жестокие эксперименты: посреди разговора вдруг нарочно матерились в ее присутствии, вгоняя ее в краску и за-*

ставляя обратиться в испуганное бегство («Ага! Знает!») (Т. Толстая. «Анастасия, или жизнь после смерти»). В первом случае вставная конструкция заключает в себе диалогическое единство, во втором – прямую речь тех, кто хотел вывести «великую Княжну на чистую воду»).

Вставная(-ые) конструкция(-ии) могут существовать не в составе основного, а как самостоятельное(-ые) предложение(-ия): *Там стояла вечно разложенная тахта, постель обычно убиралась в нижний ящик под матрац. (С некоторых пор прекратились эти уборки постели, зачем?)* (Л. Петрушевская. «В доме кто-то есть»).

Структура вставной конструкции оказывает влияние на степень расчленения текста. Так, большей расчлененностью характеризуются тексты, вставные конструкции которых имеют в своем составе более одной синтаксической единицы: *Пошла к психологу. (У нас бы она пошла к подруге, и подруга ей, наверное, сказала бы: а на что ты, милая моя, с такой фигурой рассчитываешь? Кончай пьянство, садись на диету, не шатайся по значным местам: мужья там не водятся...)* (Т. Толстая. «Золотая середина»). Вставная конструкция – это несколько самостоятельных предложений. Вставочный компонент соотносится уже не с предложением, а с большим контекстом, является составляющим смысловым блока текста и участвует вместе с контактирующим предложением в создании «ситуации контраста».

Расчлененность конструкций тем сильнее проявляется, чем больше их имеется в отдельном предложении: *Архитекторша с упреком наблюдала, как я читала в постели (потеря зрения) и среди ночи пила крепкий чай с вареньем (кариес и перевозбуждение)* (Наталья Толстая. «Моя милиция»). В несобственно-прямой речи, заключенной во вставных конструкциях, содержится оценка того, о чем говорится в основном повествовании – прямой речи.

В одном структурно-смысловом блоке могут сочетаться различные событийно-временные планы повествования. Например: *1. Отбыл восвояси и Андрей, у него были отгулы, у него всегда было полно отгулов, поскольку он, как человек холостой и одинокий, отправляем был то на овощебазу в субботу, то на картошку осенью, то на сено в июле...*

(Люди по-разному устраиваются со своим отдыхом – сделаем отступление от сюжета еще раз: одна женщина двенадцатикратно в год, то есть каждый божий месяц, ходит сдавать кровь – бесплатно, но за отгул, и к бессильной злобе своего начальника уезжает каждую весну в Домбай кататься на горных лыжах, сиречь на

своей крови, и сам черт ее не берет ни там, ни здесь, а кто-то должен за нее эти двенадцать дней вкалывать – ведь работа не стоит!) (Л. Петрушевская. «Смотровая площадка»). 2. *Он и сначала не очень-то приветствовал поездку Артемиды совместно с ним и смирился с этим как с тем обстоятельством, что непорядочно будет ссаживать ее со своего самолета, некрасиво и невежливо. (Вспомним ту характерную особенность Андрюши, что на первый раз – так и быть – он позволял садиться себе на шею, но только на первый раз, словно бы для того, чтобы посмотреть, что будет.)* (Л. Петрушевская. «Смотровая площадка»). Вставные конструкции содержат отступления-размышления повествователя, не совпадающие по времени с основным повествованием.

Осложненные вставные конструкции дают еще большую расчлененность текста. Например: *Благоприятное стечение обстоятельств: встреча на вокзале, немедленный отъезд Анфилогова (в квартиру его сразу же вселилась приехавшая на сессию племянница-студентка, очень цепкая девица с люминесцентным маникюром и подвижными бедрышками, от которой Крылов едва увернулся) – дало им возможность сразу оторваться от реальной жизни, где оба они играли обыкновенные роли и были обыкновенными людьми* (О. Славникова. «2017»). Вставная конструкция представляет собой сложноподчиненное предложение, главная часть которого включает осложняющий компонент – обособленное приложение (*очень цепкая девица с люминесцентным маникюром и подвижными бедрышками*). В данном случае вставная конструкция не столько дополняет основное предложение, сколько заключает в себе новую историю.

Большой оторванностью характеризуются вставные конструкции, включающие сразу несколько осложняющих компонентов: *Я сужу об этом не по себе – вряд ли в двадцать два года, глянув в зеркало, ты увидишь ничтожество хотя бы уже по тому, что перед зеркалом, пожалуй, и мокрый щенок подтягивается и смотрит бодрым глазом, – а по другим, по их взглядам и по их словам* (А. Лиханов. «Благие намерения»). Вставочный элемент (обстоятельные размышления рассказчицы, которые могли бы существовать независимо от содержащего их предложения) осложнен обособленным обстоятельством, однородными членами предложения, вводным словом.

Еще более независимыми от содержания основного предложения являются вставные конструкции, равные абзацу: *Тут и в Левином доме, при всей сдержанности и осторожности, что-то не то зашевелилось, не то лишний раз перемыли посуду и стерли пыль с ваз, разобрали на-*

конец антресоли и снова сложили – какая-то лишняя энергия, дополнительный свет...

(Так в кино потом, много раз, будет, в молчаливом просветлении, герой подходит к окну и распахивать его одним решительным движением, а оттуда – «журчат ручьи, летят грачи, и даже пень...»), но и сам режиссер не будет знать, зачем он это делает каждый раз, как только паралитик опять стал на ноги или, наконец, запустили новую поточную линию по проекту сценариста... – а потому, что, вот с этого времени, стало можно распахивать в фильмах окна.) (А. Битов. «Пушкинский дом»). Выделение нового абзаца традиционно связано с новизной информации, ее важностью в масштабах всего текста, невозможностью дальнейшего представления новых сведений, заключенных в данном предложении, из-за логической несовместимости их с предыдущим предложением. При помощи абзаца выделяются наиболее значимые в структуре целого текста группы предложений, содержащие описание нового этапа в развитии действия, характеристику нового героя, авторское отступление (как в нашем случае) и так далее

В работе отмечено, что степень расчленения основного предложения вставной конструкцией может быть различной и зависит от следующих показателей:

- наличия / отсутствия формальных средств связи между вставным компонентом и предложением, его содержащим;
- их смысловой и структурной полноты / неполноты;
- совпадения / несовпадения по типу повествования, эмоциональной и стилистической окраске;
- единичности / множественности вставных конструкций в составе основного предложения;
- структуры вставной конструкции.

Литература

Акимова Г.Н. Современное употребление скобок (в связи с новыми синтаксическими явлениями) // Русский язык в школе. 1980. № 3.

Алгазина Т.С. Об особенностях употребления вводно-союзных компонентов со значением обобщения // Русский язык в школе. 1994. № 2.

Златопольский Ю.М. Интонационная специфика вставных конструкций в русской речи // Филологические науки. 1980. № 4.

Покровская Е.А. Русский синтаксис в XX веке. Ростов-на-Дону, 2001.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ И СПЕЦИФИКА ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ

Л.А. Козлова

Ключевые слова: лингвокультурное сообщество, этнокультурный компонент, национальная культурная ценность, ключевой культурный концепт, культурная коннотация.

Keywords: linguocultural society, ethnocultural component, national cultural value, key cultural concept, cultural connotation.

Развитие идей антропоцентризма как одной из парадигмальных черт современной лингвистической парадигмы привело к возникновению и интенсивному развитию смежных, интегративных наук, находящихся на стыке двух или более гуманитарных областей знания, объектом которых является человек и общество, человек и этнос, человек и история, человек и культура, человек и его сознание. Это такие науки, как социо-, этно-, психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология и этнолингвистика. Язык и культура рассматриваются сегодня как две семиотические системы, тесно взаимодействующие друг с другом, само существование и развитие которых невозможно без этих взаимодействия и взаимообусловленности.

Признавая взаимонаправленность процессов взаимодействия языка и культуры, в рамках данной работы мы остановимся лишь на одном направлении этого процесса, а именно, на отражении специфики мировосприятия этноса (нации) в семантике единиц различных языковых уровней и в выявлении специфики этого отражения в лексике, фразеологии и грамматическом строе языка.

Метафорическое определение языка как зеркала культуры (культура при этом понимается, вслед за Э. Сепиром, предельно широко, как все то, что «общество делает и думает» [Сепир, 1993, с. 261–262]), предполагает, что в языковых единицах различных уровней находят отражение и своеобразное преломление особенности мировосприятия этноса, национальные культурные ценности и особенности менталитета лингвокультурного сообщества, говорящего на том или ином языке. При этом единицы разных уровней выполняют свои специфические функции в отображении национальной картины мира и культурных ценностей нации и обладают разной степенью культурной чувствительности.

Несомненно, что наибольшей степенью культурной чувствительности обладает лексикон языка и его фразеологический фонд. Не случаен тот факт, что именно с фразеологии началось изучение языка в лингвокультурологическом ракурсе. Как отмечает В.Н. Телия, фразеологический состав языка представляет собой «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996, с. 9]. Как лексикон языка, так и его фразеологический фонд являются своего рода «картой», на которой находят свое отражение особенности географического положения и ландшафта, климата и основного рода занятий людей, относящихся к той или иной нации, и, как следствие этого, значимость тех или иных концептов и их место в ценностной картине мира, являющейся компонентом концептуальной картины мира. Так, например, сравнение английского фразеологизма «It never rains but pours» с наиболее близким русским эквивалентом «Пришла беда – отворяй ворота» наглядно демонстрирует различные источники близких по смыслу фразеологизмов, обусловленные различием культур. Сопоставление конвенциональных сравнений в различных языках также позволяет увидеть существенные различия в выборе реалий, служащих эталоном того или иного качества в разных лингвокультурных сообществах (ср. тощий как щепка (русский язык), как высохшая цикада (вьетнамский), как скелет комара (японский), как лестница (туркменский), как бенберийский сыр (английский) (цитируется по: [Пищальникова, 2008, с. 95]).

При этом фразеологический фонд языка является своего рода хранилищем, в котором отражается не столько современное состояние культуры и содержание определенных концептов, стоящих за фразеологизмом, сколько их содержание в ту историческую эпоху, в контексте которой появился тот или иной фразеологизм. В этой связи фразеологизмы могут и должны служить тем фактологическим материалом, по которому можно изучать эволюцию тех или иных концептов как в рамках одной культуры, так и «поверх границ культур». Так, например, известная русская поговорка «Курица – не птица, баба – не человек» отражает положение женщины в определенную историческую эпоху, а не ее положение в современном российском обществе.

Лексикон языка, напротив, фиксирует не только прошлое, но и настоящее языка и культуры, моментально откликаясь на необходимость именовать новые реалии или давать вторичные наименования старым. Значимость того или иного концепта и стоящей за ним реалии в той или иной культуре обуславливают его «лексическую проработанность», то есть наличие множества его именовании в языке. И, на-

против, если концепт и стоящая за ним реалья не играют значительной роли в культуре этноса, он не находит подробного картирования в языке. Так, например, лингвисты в качестве примера приводят тот факт, что в языке племени *tasadau*, живущем в полной изоляции от остального мира на одном из островов Филиппинского архипелага, отсутствуют слова со значением «враг», «война», «ненавидеть». Подобное отсутствие объясняется тем фактом, что члены этого племени, как свидетельствуют наблюдения, научились жить в полной гармонии не только с природой, но и между собой, а потому данные концепты, не являясь для них актуальными, не получили именованя в их языке [Норман, 1996, с. 58–59].

Специфика культуры имеет различные формы своей манифестации в лексиконе языка. Во-первых, она находит отражение в именовании предметов и явлений, характерных только для определенного этноса и не имеющих аналогов в других культурах, что приводит к существованию т.н. слов-реалий типа русского «самовар», итальянского «пицца», польского «бигус» и т.п. Подобные реалии служат своеобразными материальными знаками культуры наряду с историческими достопримечательностями, памятниками и т.п. Слова-реалии обычно не переводятся, а заимствуются в другие языки вместе с самими реалиями, и их усвоение в таком случае не вызывает каких-либо трудностей. К этой же группе можно отнести слова, именующие реалии внутреннего мира, то есть ключевые культурные концепты. Подобные единицы получили название ключевых слов культуры [Сепир, 1993]. Традиционно к ключевым словам русской культуры исследователи относят такие единицы, как «судьба», «душа», «авось», специфику немецкого менталитета точнее всего отражает слово «*Ordnung*», британской культуры – «*fair game*», американской – «*challenge*», «*privacy*».

Во-вторых, слова, именующие одни и те же концепты, могут отличаться по своему семантическому содержанию и объему, что, в свою очередь, свидетельствует о различиях в содержании и объеме концептов, именуемых данными словами. В качестве примера можно привести слова «счастье» и «*happiness*» и стоящие за ними концепты в русской и американской культурах. Как показывают специальные исследования, данный лингвокультурный концепт имеет сложную структуру и включает целый ряд компонентов, проецируемых в семантику слов – имен концепта и их производных [Воркачев, 2004]. Как показывает анализ словарей, лексема «счастье» включает такие компоненты, как 1) «участь, доля, судьба», 2) «успех, удача», 3) «душевное состояние» (производное от 1 и 2). В семантике производного прилагательного

«счастливый» содержатся значения всех трех семантических компонентов имени «счастье»: счастливый – это тот, у кого благополучно складывается судьба, кому сопутствует удача и тот, кто испытывает счастье. Как показывают наблюдения над употреблением данной лексики, в русском языке наиболее частотным является ее употребление в значении «душевное состояние», причем его причиной часто является не столько удовлетворение материальных, сколько духовных, эмоциональных потребностей (Как было отмечено в одном интервью, нельзя же испытывать настоящее счастье только от того, что ты заработал миллион). В английском языке прилагательное «happy» содержит семантический компонент «satisfied» – довольный, удовлетворенный чем-то (ср: Are happy about my answer? – стандартная фраза, которую можно услышать в американской университетской аудитории).

Причины подобных семантических различий следует искать в области культурных ценностей, в том представлении о счастье, которое исторически сформировалось в данных лингвокультурных сообществах.

Подобные различия можно проследить между такими лексическими единицами, как «друг» и «friend», «свобода» и «freedom», «совесть» и «conscience» и т.п. Различия в семантическом объеме подобных слов, манифестирующие различия в называемых ими концептах, зачастую ведут к трудностям в выборе наиболее точного иноязычного эквивалента. Нередко естественные билингвы, интуитивно ощущая различия в семантическом объеме подобных слов, предпочитают перейти на родной язык, поскольку слово второго языка неточно передает смысл концепта, сформированного в рамках родной культуры и именуемого словом родного языка. Приведем пример подобного употребления: *My table was from my family and was of a very fragrant red wood, not what you call rosewood, but hong mu, which is so fine that there's no English word for it (Amy Tan, p.11).*

Третий способ кодирования культурной информации в семантике лексических единиц заключается в наличии в лексическом значении т.н. «культурной коннотации», под которой понимается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного, квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1996, с. 214]. Как показывают исследования Е.Г. Беляевской, вся коннотация, в том числе и ее культурная составляющая, продуцируется одним источником – концептуальной структурой, лежащей в основе семантики языковых единиц [Беляевская, 2007, с. 47]. Ярким примером различий в культурной коннотации может служить английское прилагательное

«ambitious» и его русский эквивалент «амбициозный». Английское прилагательное имеет положительные коннотации, а его русский эквивалент до недавнего времени имел отрицательные коннотации. Причины подобных различий находятся в особенностях культуры и культурных ценностей. В деятельностном и маскулинном типе культуры, к которому относится американская и британская культуры, поощряется соревновательность, стремление к успеху, что и обуславливает наличие положительных коннотаций в прилагательном «ambitious». Русская культура традиционно относится к культурам бытия, в основе которых лежит желание не столько изменить мир, сколько осознать свое место в нем, а также феминным культурам, которым свойственна низкая степень соревновательности и стремления к личному успеху и благополучию, что и объясняет наличие отрицательных коннотаций в прилагательном «амбициозный». Вместе с тем следует признать, что изменения в социальном строе и менталитете людей, произошедшие в последние десятилетия, привели к изменению культурных коннотаций в данном прилагательном. Большинство представителей молодого поколения россиян относят амбициозность, стремление к успеху, соревновательность к положительным качествам личности, а потому производное прилагательное лишается отрицательных коннотаций.

Хотя грамматика, являясь, по словам В. фон Гумбольдта, является «душой» языка и оказывается ближе всего к менталитету нации и ее мировидению, вопросы этнокультурного потенциала грамматики и ее места в выражении специфики культуры стали разрабатываться лингвистами относительно недавно, в первую очередь благодаря работам А. Вежбицкой [Wierzbicka, 1992; 1997; 2006].

Грамматика языка, как отмечает Л. Талми, выполняет роль своеобразной концептуальной рамки, или каркаса для концептуального материала, выражаемого лексически [Талми, 1999, с. 91–92], но и она представляет собой не набор формальных структур, а отражает в своей глубинной основе особенности мировидения этноса и его культуры, которые нередко находят сложное преломление, и их выявление требует глубокого анализа языковых фактов, в том числе диахронического (потому что многие исторические факты оказываются затемненными и требуют реконструкции) и сопоставительного анализов (потому что многие факты одного языка становятся более выпуклыми лишь при их сопоставлении с фактами другого языка).

Как известно, грамматика любого языка чрезвычайно избирательна в выборе концептов, которые становятся основой грамматического значения и грамматических классификаций языковых единиц. В основе

грамматического значения лежат так называемые базовые концепты: число, время, отношения между действием и его участниками, причинность и т.д. И хотя во многих языках так называемые концептуальные грамматические категории (то есть категории, основанные на базовых концептах) и классификации языковых единиц по грамматическим признакам в основном совпадают, все же и здесь могут быть различия, обусловленные особенностями мировидения и культуры этноса. Так, например, классификация существительных на основе их отношения к категории числа на исчисляемые и неисчисляемые, характерная для европейских языков, как показывают исследования языков другой типологии, оказывается не столь универсальной. Как отмечает Г. Палмер, в языках Банту грамматическая классификация существительных включает такие признаки, как форма и субстанция [Palmer, 1996, с. 14], что показывает значимость данных параметров предметов физического мира при его восприятии и вербализации говорящими на этих языках. При сопоставлении грамматического числового поведения существительных в русском и английском языках также выявляются различия, анализ которых позволяет определить специфику восприятия именуемой сущности в разных культурах, то есть различия мировидения, которые и отражаются в особенностях числового поведения. Так, например, в такие существительных, как «сани», «ворота» в русском языке форма множественного числа отражает тот факт, что в основе их именованья лежит перцептивный признак (эти предметы представляют собой конструкции, состоящие из двух частей), что и могло послужить причиной выбора формы множественного числа для их номинации, в то время как в английском в основе номинации данных предметов нашел отражение не перцептивный, а функциональный признак, что и определяет исходную форму единственного числа данных существительных.

Степень грамматической детализации базовых концептов в разных языках также может быть различной, что обусловлено их значимостью в конкретной культуре. Большая значимость концепта ВРЕМЯ в англоязычной культуре находит свое отражение в том факте, что оно выражается в трех грамматических категориях глагола: времени, вида и временной соотнесенности, каждая из которых специфически интерпретирует данный концепт: категория времени выражает отношение действия к моменту речи, категория вида содержит в своей основе внутреннюю темпоральную интерпретацию действия по линии такого признака, как длительность (процессуальность); в основе категории временной соотнесенности находится значение предшествования дей-

ствия определенному моменту на временной оси или другому действию.

Одной из наиболее культурно-чувствительных, несомненно, является категория модальности, особенно так называемая эпистемическая модальность, выражающая различные оттенки уверенности говорящего в факте совершения действия. По сути дела, многочисленные средства выражения эпистемической модальности используются для выражения постепенности перехода от мнения к факту и необходимости четко проводить различие между первым и вторым (традиция, берущая свое начало от работ Дж. Локка). Именно эта традиция лежит в основе правила сдержанности суждений, необходимости проведения четких различий между фактами и мнениями, стремлении не навязывать свое мнение собеседнику, избегать излишней категоричности, что находит свое языковое воплощение в использовании широкой палитры средств выражения эпистемической модальности, или модальности мнения. По данным сопоставительных исследований, частотность «I think» в английском устном дискурсе составляет 51 на 10000 слов, в то время как частотность его датского эквивалента *ik denke* составляет 9 на 10000 слов, а его немецкого эквивалента *ich denke* – 6 [Aijmer, 1997].

Мы затронули лишь некоторые аспекты, касающиеся этнокультурного потенциала грамматики, но и они, как нам представляется, показывают перспективность дальнейшей работы в этом направлении.

Литература

- Беляевская Е.Г. Культурологическая информация в семантике языковых единиц // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4.
- Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
- Норман Б.Ю. Основы языкознания. Минск, 1996.
- Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. М., 2007.
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
- Талми Л. Отношение грамматики к познанию // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
- Aijmer K. *I think*: An English Modal particle // Modality in the Germanic Languages. Proceedings of the IX International Symposium on Language. Berlin, 1997.
- Palmer G.B. *Toward a theory of cultural linguistics*. Austin, University of Texas Press, 1996.
- Wierzbicka A. *Semantics, culture, and cognition*. N.Y., Oxford University Press, 1992.
- Wierzbicka, A. *Understanding cultures through their key words: English, Russian, Polish, German, and Japanese*. N.Y., Oxford University Press, 1997.
- Wierzbicka A. *English. Meaning and culture*. Oxford University Press, 2006.

СИТУАЦИОННАЯ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ЛИЧНОСТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭТИКЕТНЫХ СРЕДСТВ В АНГЛИЙСКОМ СЕМЕЙНОМ ОБЩЕНИИ

С.А. Рисинзон

Ключевые слова: речевой этикет, семейное общение, директивы, ситуационная обусловленность, личностная обусловленность.

Keywords: politeness, family discourse, directives, pragmatic factor, individual factor.

В семейном общении, как и в любом другом, конвенционально одобрено бесконфликтное речевое поведение, поддерживаемое речевым этикетом (РЭ). Мы считаем речевые действия этикетными, если они способствуют гармонизации речевого взаимодействия коммуникантов, направлены на удовлетворение коммуникативных потребностей партнера, соответствуют социокультурным и прагматическим конвенциям общения. Антропоцентрическая парадигма лингвистических исследований предполагает изучение не только этикетного поведения коммуникантов, характерного для той или иной сферы общения, общих характеристик РЭ какого-либо дискурса, но и этикетного взаимодействия определенных собеседников в конкретной коммуникативной ситуации, личностно обусловленного использования этикетных средств в дискурсе. (подробнее о дискурсе см.: [Сиротинина, 2009; Седов, 2007, с. 6; Кубрякова, 2005, с. 23; Демьянков, 2005, с. 34; Карасик, 2002; Матвеева, 1994, с. 125; Макаров, 2003]). Если в дискурсивном этикетном анализе важны социальные и ситуативные факторы, то в дискурсном (производное от дискурса) – сильнее проявляются ситуационные и личностные [Караулов, 2007; Седов, 2004].

Эмпирический материал составляют пять дискурсов, относящихся к двум ситуациям. Ситуация 1 представлена двумя дискурсами: на прогулке общаются матери и дочери в семьях А и Б (5.182 и 5.253 словоупотреблений соответственно), ситуация 2 – тремя дискурсами (мы включили третий дискурс, так как он дает возможность сравнить этикетное поведение детей разного пола): в процессе приготовления и выпечки печенья, пирожных разговаривают матери и дочери семей А, В, и мать с сыном семьи Г (7.286, 7.263, 7.268). В статье использованы

материалы Шотландского корпуса текстов и речи (Scottish Corpus of Texts and Speech).

Задача этого исследования состоит в наблюдении за этикетными способами снижения давления на адресата в речевых действиях говорящего, часто вызывающих протест адресата и приводящих к конфликту – директивах. Родители и дети используют небольшой арсенал речевых средств, одновременно регулирующих активность собеседника и выполняющих этикетную функцию. Во всех рассматриваемых дискурсах распространены регулятивы, в которых давление на адресата снижается разными способами:

а) формой высказывания, включающей смягчители (mitigators) [Blum-Kulka, 1997] (F1135. (мать) *Oh no/ that's too steep though/, isn't it?*), представляющей косвенное выражение интенции (F1125. (мать) *Are you going to put that in the dishwasher for me?*) или этикетную формулу (F1122. (дочь) *Mummy/ can we go and sit on those stones?*);

б) формой высказывания, обусловленной речевым жанром предложения (F1135. (мать) *//Do you want a// lollipop?*);

в) обозначением коммуникантов, подчеркивающим их солидарность посредством инклюзивного «we» (F1121. (мать) *We'll count aa the mallows//*).

В этих этикетных вариантах РВ коммуникативные потребности адресата в снижении императивности речи учитываются говорящим и реализуются как с помощью шаблонных единиц конвенционального РЭ, широко используемых в институциональной коммуникации, так и с помощью более разнообразных, менее формальных, больше соответствующих непринужденному семейному общению средств дискурсивного РЭ.

Сравнение «щадающих» способов вербального вынуждения собеседника выполнить в разных ситуациях те или иные действия, используемых родителями или детьми из разных семей, позволяет сделать некоторые предположения: а) по нашим наблюдениям прагматические детерминанты – ситуационные факторы имеют приоритетное значение для выбора этикетных средств; б) у каждой семьи и у каждого из говорящих свой «этикетный почерк», своя манера этикетного поведения, даже у пятилетних детей.

Сравнение этикетных средств, гармонизирующих воздействие регулятивов в семье А в двух ситуациях общения, показывает, что решающее влияние оказывают характер обстановки и занятия, с которыми речь тесно переплетена, а также степень различия компетенции (даже у матери и пятилетней дочери она может быть большей или

меньшей). На прогулке различие в уровне компетенции собеседников не так очевидно, и оно не очень часто проявляется. Конечно, знания матери о мире не сопоставимы с информационной картиной дочери, но они гуляют в хорошо знакомом обеим районе, зная, где, кто живет, у кого есть кошка или собака, как их зовут и т.д. Такое относительное информационное равновесие, условная паритетность объясняет высокую регулируемую инициативу дочери. Но в выпечке пирожных она участвует первый раз в жизни (она это отмечает), отсутствие каких-либо навыков и знаний у нее в отличие от высокой компетенции матери подавляет ее коммуникативную инициативу, в этой ситуации она ведомый, опирающийся на опыт матери, и при этом она гордится участием в таком важном и сложном занятии. Поэтому во время прогулки девочка часто употребляет этикетно оформленные регулятивы (50% РВ этого дискурса – 95 РА), самые распространенные из них (49% РВ в ее речи – 47 РА) – вежливые формулы просьбы (F1122. (дочь) *Can I feel the water?* – F1121. *Okay.*). Во время приготовления десерта частотность ее регулятивов уменьшается более чем в два раза (21% РВ этого дискурса – 42 РА), чаще всего (45% РВ в ее речи – 19 РА) это конструкции, в которых указывается на внутригрупповую идентичность ее с матерью (F1122. *Well n-now we will make our mallow cakes/ will we?* – F1121. *Right.*).

Речевое и этикетное поведение матери тоже ситуативно и социально обусловлено. Ситуация 1 отличается востребованностью регулятивов, привлекающих внимание собеседника: во время прогулки мать регулярно (40% от употребляемых ею РВ – 37 РА) обращает внимание дочери на предметы окружающего мира, уделяя внимание развитию ребенка (F1121. (мать) *Look at that birdie up in that tree// Hear?* F1122. *Aye//*), в общении на кухне такие высказывания окказиональны, они в основном используются при объяснении (5% – 8 РА).

В ситуации 2 практическая и, судя по регулятивам, речевая нагрузка матери возрастает (79% от общего количества РВ дискурса – 156 РА, ср. с ситуацией 1: 50% – 92 РА). Руководя действиями дочери, мать в два раза чаще (54 РА, в ситуации 1 – 27, мы не указываем процентное соотношение, так как оно здесь не показательно) использует регулятивы, императивность которых смягчает разными способами (F1121. *//Okay/ you can just mix it aa together//*– F1122. *I'll mix them up//*). Ее желание несколько сбалансировать паритетность участниц разговора реализуется при намного более частом, чем в первой ситуации (26 и 7 РА соответственно), использовании регулятивов, в которых подчеркивается совместное выполнение работы: F1121. *We'll have to melt the*

chocolate first/ okay?). В «кулинарном» общении мать употребляет также намного больше просьб (20 и 1 РА соответственно), в которых воздействие снижено благодаря косвенной форме (F1121. *Do you think you'll be able to do that for me?* – F1122. *I'll do that!*), а также делает дочери больше предложений (19 и 5 РА), дающих адресату право выбора (F1121. *Do you want to pit in the Smarties as well?* – F1122. *No!*).

Таким образом, анализ использования регулятивов, ориентированных на укрепление отношений матери и дочери в двух рассматриваемых ситуациях, показывает, что оно ситуативно специфично.

Сравнение этикетного поведения (на примере регулятивов) во время прогулки матери и дочери в семьях А и Б отчетливо показывает, что у каждой семьи и каждого из коммуникантов свой «этикетный портрет». Сравним выполнение этикетных регулятивных действий в разных семьях, между представителями старшего поколения, затем – младшего. Для анализа личностной обусловленности этикетных моделей поведения коммуникантов, реализацию которых мы наблюдаем в этом общении, важны такие социокультурные факторы, как образование и род занятий: в семье А мать (далее мать А) окончила школу, сдала выпускной экзамен A-level, она домохозяйка, в семье Б мать (далее мать Б) окончила колледж, работает воспитателем (*children's supervisor*).

Несмотря на образовательные и статусные преимущества матери Б, обращает на себя внимание коммуникативная гармония, постоянно поддерживаемая этикетным поглаживанием (о социальном поглаживании см.: [Берн, 1992; Формановская, 1998]) в семье А (общее количество гармонизирующих инициальных и ответных регулирующих реплик составляет 299 или одна реплика на 17 словоупотреблений дискурса). При позитивной тональности обоих разговоров в семье Б такой показатель намного ниже (172). При этом мать Б употребляет регулятивы даже чаще, чем мать А (118 РВ). Речевому поведению матери Б свойственно регулярное предоставление дочери выбора действий, в этом дискурсе зафиксировано 60 ее предложений, адресованных дочери (F1135. (мать) *Right/ you wantin the paper off that sweetie?* – F1136. *Nope!*) (сравните: у матери А – только 5), особое удивление, как у носителя другой речевой культуры, вызвало предложение матери поговорить (F1135. *You wantin to speak?*). Почти с одинаковой частотой обе матери используют регулятивы, смягчающие давление на адресата (мать А – 27 РВ, мать Б – 25 РВ), а также регулятивные конструкции, имеющие косвенную форму выражения (по 1 РВ каждая).

Несмотря на этикетную наполненность речи матери Б, ее дочь проявляет в регулятивах вежливость довольно редко (всего 15 РВ – только 16% от количества РВ в речи другой девочки). Если дочь А хорошо владеет навыками не только вежливого обращения с просьбой (см. выше), но и косвенного регулирования (7 РВ), смягчения регулятивов (5 РВ), предложения какого-либо действия во время прогулки (5 РВ), дочь Б в основном смягчает иллокутивное давление используемых ею регулятивов (7 РВ), гармонизация других высказываний единична. Этикетная социализация детей, видимо, является результатом копирования коммуникативного поведения взрослых [Седов, 2004; Ervin-Tripp, 1976]. Хотя дочь обычно больше времени проводит с матерью, в семье Б дочь использует мало тех этикетных средств, которые мы наблюдаем в речи матери. Такое различие в этикетном поведении матери и дочери привлекает внимание к вопросу о степени влияния речевого окружения и характера ребенка при формировании языковой личности.

Событийность дискурса предполагает и изучение перлокутивного эффекта гармонизирующих общение регулятивов. Поскольку наш материал составляют не видео, а аудиозаписи, то мы могли проследить только вербальную реакцию собеседников. Итоги наших наблюдений в этих дискурсах показали, что согласие адресата чаще получают коммуниканты, которые настроены на коммуникативное сотрудничество и больше при употреблении регулирующих речевых действий проявляют заботу о собеседнике (эффект «отзеркаливания»). Так, чаще согласие дает мать А (на 68% РВ дочери – 72 РА) и реже – мать Б (на 13% РВ дочери – только в двух минидialogах).

Результаты наблюдений за этикетным поведением родителей в семьях А и В в ситуации 2 стали основанием для предположения о существовании или возможности возникновения «этикетной усталости»: на работе, в институциональном общении человек контролирует свое коммуникативное поведение, он вынужден прибегать к этикетным средствам установления и поддержания контакта, социального ранжирования в своей речи и т.п. Поэтому в условиях семейного общения с менее жесткими коммуникативными требованиями и другими прагматическими конвенциями говорящий использует возможность переключения на другой этикетный код: менее формальный и шаблонный, который к тому же может быть менее выражен (но это предположение требует проверки на более обширном материале). Так, речь в семье В, где мать закончила учиться в школе в 15 лет и в период, когда производилась запись речи, была домохозяйкой, отличается такой же высокой этикетной насыщенностью, как в семье А (общее количество гар-

монизирующих инициальных и ответных регулирующих реплик составляет в семье В 385, в семье А 352 или одна реплика на 19 словоупотреблений и на 21 – соответственно). В этой же ситуации в семье Г, где мать закончила учиться в школе в 16 лет и в тот период работала служащей в офисе, этикетные знаки востребованы намного меньше (157 реплики – на 46 словоупотреблений).

Предпочтение родителями одних и тех же этикетных средств гармонизации регулятивов, видимо, обусловлено прагматическими детерминантами. Так же, как и в общении семьи А (см. выше), в двух других дискурсах матери часто стимулируют действия ребенка, употребляя предложения (60 РВ в семье В; 18 РВ в семье Г), смягчая прямое выражение своего желания (54; 15) и подчеркивая практическую и эмоциональную интеграцию с ребенком (37; 10). В отличие от родителей дети выбирают разные этикетные способы построения регулятивов: в семье А дочь акцентирует идентичность активности (данные см. выше), в семье В – делает предложение, как и в речи матери, (16 РВ при общем количестве РВ 34) и в семье Г сын обращается с вежливыми просьбами (30 РВ – 39).

В ситуации 2 положительный перлокутивный эффект также чаще достигают коммуниканты, использующие больше этикетных средств при регуляции поведения ребенка: коммуникация была более успешной в семьях А и В (122 положительные вербальные реакции ребенка или 78% от РВ матери; 123 РВ или 61% соответственно), результаты в семье Г несколько менее успешные (25 РВ или 45%).

В каждой из представленных семей родители реализуют свое представление об уровне необходимой этикетной компенсации использования своей власти и отношений неравенства, которые регулярны и естественны в общении с детьми. При анализе пяти указанных дискурсов возникает вопрос: в общении родителей и детей существует ли социо- и этнокультурная этикетная норма баланса, проявления, с одной стороны, власти, с другой – любви, симпатии, дружелюбия. Какая степень речевого давления, навязывания своей воли ребенку допустима? Возможна ли кодификация подобных норм? Для ответа на эти и другие вопросы требуется дальнейшее изучение этого объекта исследования.

Литература

- Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб., 1992.
 Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст. М., 2005.
 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2002.

- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007.
- Кубрякова Е.С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст. М., 2005.
- Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.
- Матвеева Т.В. Непринужденный диалог как текст // Человек – Текст – Культура. Екатеринбург, 1994.
- Седов К.Ф. Дискурс и личность. Эволюция коммуникативной компетенции. М., 2004.
- Седов К.Ф. К основаниям лингвистики индивидуальных различий // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2007.
- Сиротинина О.Б. Личностное начало в речи. Роль личности в судьбе языка // Личность. Язык. Культура. Саратов, 2009.
- Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998.
- Blum-Kulka S. Dinner Talk. Cultural Patterns of Sociability and Socialization in Family Discourse. NJ, 1997.
- Ervin-Tripp S. Is Sybil There? The Structure of Some Americans English Directives // Language in Society. 1976.
- Ervin-Tripp S. «Ask and it shall be given you» : Children's Request // H. Byrnes Georgetown roundtable on languages and linguistics. Georgetown, 1982. Vol. 35.

ЛЕКСЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «НОРМА»

Н.Д. Федяева

Ключевые слова: норма, семантика, семантическая категория.

Keywords: standard, semantics, semantic category.

Внимание современной лингвистики к категориям несомненно, при этом исследуются как общие свойства категорий, так и отдельные категории с различным статусом (понятийные, когнитивные, семантические и пр.). В результате активных исследований список категорий постоянно увеличивается. Мы считаем правомерным рассмотрение *нормы* как одной из семантических категорий русского языка. Среди прочих свойств семантических категорий – их эксплицитно-имплицитный характер; в статье лексемы русского языка будут сопоставлены на основании выраженности значения нормы. Степень эксплицитности / имплицитности семантики нормы находится в прямой связи со степенью очевидности, осознаваемости соответствующего

значения и определяет методики его выявления, что и нашло отражение в предлагаемой классификации.

Итак, с точки зрения выраженности значения нормы в семантике лексической единицы целесообразно разделить лексемы русского языка на несколько групп.

1. Слова с корнем *норм-*. Слово *норма* заимствовано через немецкий или французский язык из латыни (*norma*), в которой передавало следующий спектр значений: *рамка, линейка; закон, мерило, правило, руководство, устав; критерий; образец*. Ограничительно-императивные смыслы в полной мере унаследованы русским словом. Приведем некоторые словарные дефиниции. *Норма*:

– (Даль) Общее правило, коему должно следовать во всех подобных случаях; образец или пример;

– (Ушаков) 1. Узаконенное установление. || Обычный, признанный обязательным порядок, состояние. 2. Установленная мера, размер чего-н.;

– (МАС) 1. Узаконенное установление. || Обычный, общепринятый, обязательный порядок, состояние чего-л. || Образец, правило. 2. Установленная мера, размер чего-л.;

– (Ожегов) 1. Узаконенное установление, признанный обязательным строй чего-н. 2. Установленная мера, средняя величина чего-н.;

– (Ефремова) 1. Установленная мера, размер чего-л. || Установленная мера производительности труда. || Средняя, обычная величина чего-л. 2. То же, что: норматив. 3. Обычный, установленный порядок, обычное состояние чего-л. 4. Общепризнанное, узаконенное в определенной социальной среде установление; правило поведения людей в обществе. || Образец, пример для подражания. 5. Обозначение на первой странице каждого печатного листа книги ее заглавия или фамилии автора.

Очевидно, что значение правила, предписания осознается носителями русского языка (в том числе лексикографами) как ведущее, базовое. Именно на основании этого значение слова *норма* входит в синонимический ряд «правило» (другие члены ряда – *канон, закон*); это же значение характерно и для других членов словообразовательного гнезда «норма» (значения даны по словарю: [С.И. Ожегов, 1986]): *нормализовать* – 1. подчинить норме. 2. сделать нормальным; *норматив* (спец.) – экономический или технический показатель норм, в соответствии с которыми производится работа; *нормативный* – 1. см. норматив. 2. устанавливающий норму, правила; *нормировать* – устанавливать пределы чего-нибудь, вводить в норму; *нормировщик* – работник, произ-

водящий нормирование чего-нибудь. Все эти случаи представляют императивную интерпретацию нормы.

Вторая группа смыслов, связанная с понятием нормы, может быть отнесена к статистической интерпретации последней: норма – средняя величина; нечто обычное; типичное, массовое проявление чего-либо. В обыденном словоупотреблении этот спектр значений обычно передается не существительным *норма*, а прилагательным *нормальный*; ср.: *нормальный* – соответствующий норме, обычный. Следует отметить взаимодействие смыслов: в качестве должного, правильного нередко выступает именно среднее, типичное.

Итак, базовые смыслы, ассоциирующиеся с понятием нормы, – смыслы должного и среднего – передаются словами с корнем *норм-* прежде всего лексемами *норма* и *нормальный*.

2. Лексемы, в значение которых входит сема ‘норма’. В эту группу входят слова, объединенные наличием в их значениях семы ‘норма’ и истолкованные в словарях русского языка посредством прямого, то есть с помощью лексем с корнем *норм-*, указания на норму. Словарные статьи методом сплошной выборки извлекались и «Словаря русского языка» С.И. Ожегова [Ожегов, 1986]; всего обнаружено около 100 статей.

Сопоставление значений демонстрирует значительные отличия. Так, во-первых, различается статус семы. Если сема задает ядро значения, мы получаем ряд квазисинонимов; ср.: *граница* (ЛСВ 2) – предел, допустимая норма; *квота* – доля, норма чего-нибудь допускаемого; *лимит* (ЛСВ 1) – предельная норма; *правило* (ЛСВ 3) – образ мыслей, норма поведения, обыкновение, привычка; *аномалия* – отклонение от нормы, от общей закономерности, неправильность и др. В других случаях ‘норма’ – важный, но не основной компонент значения; ср.: *переросток* – подросток старше возрастом, чем полагается для чего-нибудь по норме; *ударный* (ЛСВ 3) – передовой по выполнению норм, по производительности труда; *пробка* (ЛСВ 3) – скопление транспорта на улице, людей в проходе вагонов, мешающее нормальному движению, затор и т.п.

Во-вторых, указание на норму в толковании значений слов предполагает обращение к различным смыслам, связанным с соответствующим понятием. В зависимости от смысла нормы все обнаруженные лексемы можно разделить на 4 группы:

а) норма – правило, требование (смысл соотносится с первым значением слова *норма* «узаконенное установление» и представляет императивную интерпретацию нормы): *правило* (ЛСВ 3), *кондиция*,

право (ЛСВ 1), *аномалия*, *вольный* (ЛСВ 3), *этика*, *стоицизм*, *цинизм*, *подобать* и др.;

б) норма – заведенный порядок, обычное, привычное состояние: *регулировать*, *нарушить*, *расстроить*, *помеха*, *застояться*, *пробка*, *прямать*, *разработать* и др.;

в) норма – необходимое, должное количество (этот смысл соотносится со вторым словарным значением «установленная мера, средняя величина», но не совпадает с ним полностью): *квота*, *такса*, *ставка*, *лимит*, *предел*, *граница* (ЛСВ 2), *занизить*, *завысить*, *недоношенный* *полнометражный* *полновесный* и др.;

г) норма – здоровье: *гигиена*, *профилактика*, *жизнеобеспечение*, *оздоровить*, *истощение*, *психованный*, *бзик*, *вывих*, *сдвиг*, *уродство* (ЛСВ 3), *порок* (ЛСВ 3).

Обращение к словам, в значении которых наличие семы ‘норма’ осознается носителями языка, позволяет расширить представления о норме, характерные для русского языкового сознания.

Опираясь на выявленные смыслы – «правило», «порядок», «количество», «здоровье», мы можем значительно увеличить список лексем, в значении которых есть указание на норму. Так, в поле нормы правомерно включить, например, лексемы типа *руководство*, *график*, *требование*, *канон*, *стандарт* (общее значение – «правило, образец»); *обыкновенный*, *средний*, *стандартный* (общее значение – «обычный, заведенный порядок»); *очень*, *весьма*, *довольно* (общее значение – «необходимое количество»); *болезнь*, *беспокойство*, *вирус* (общее значение – «здоровье») и пр. Важно, что вовлеченными в поле оказываются лексемы самые разнообразные: во-первых, различной частеречной принадлежности (что указывает на сосуществование значения нормы и основных типовых значений предмета, признака и действия), во-вторых, различной функционально-стилевой окраски (наличие слов всех основных окрасок – книжное, нейтральное, разговорное – свидетельствует о выходе идеи нормы в различные коммуникативные сферы), в-третьих, различного оценочного потенциала (нейтральные слова констатируют соответствие / несоответствие норме, оценочные – передают ценностное отношение к этому факту).

3. Лексемы, значения которых сформированы нормативными представлениями. Отсутствие семы ‘норма’ в значениях слов не означает нахождение последних вне категории «норма». Категория нормы актуальна для большого числа знаменательных слов: нарицательных существительных, непротивительных прилагательных, глаголов, наречий. Это обусловлено спецификой лексического значения, в котором

«обобщен результат квалификативно-оценочных сфер человеческого познания» [Уфимцева, 1976, с. 33] и зафиксирован «очень обобщенный образчик соответствующего класса естественных или иных объектов» [Арутюнова, 1999, с. 23]. Формирование понятий, лежащих в основе лексического значения, – «длительный процесс отбора типизирующих признаков всей совокупности особей данного вида» [Измайлова, 1982, с. 6]. В этой связи нормативными можно назвать «любые конкретные обозначения предметов, признаков или действий без их соотнесения с антонимичными на основании свойственной каждому из них нейтральной степени интенсивности» [Бельская, 2001, с. 88].

В тех случаях, когда в значение слова не входит сема «норма», но само значение представляет собой норму для данного предмета, признака, действия, мы можем говорить о соответствующей семантической категории как о скрытой.

Скрытые категории характеризуются тонкими смысловыми оттенками, подразумеваемыми, но материально не выраженными признаками [Кацнельсон, 1972, с. 83], «реактивной» способностью [Булыгина, 1997, с. 27]. Скрытые категории «руководят языковым употреблением широкого круга единиц и являются реально существующими в сознании народа невербализованными концептами» [Быкова, 2003, с. 9]. Выявить скрытую категорию возможно через анализ сочетаемости слов, их словообразовательных и грамматических особенностей. Рассмотрим каждый из этих случаев.

1) Контекстные показатели. В русском языке существует немало способов указать на наличие нормы для предмета, признака, действия, а также оценить объект с точки зрения соответствия / несоответствия этой норме. Приведем некоторые примеры:

а) использование определений со значением «истинный, настоящий»: *У нас была самая настоящая свадьба* (= бракосочетание соответствовало представлениям о том, какой должна быть свадьба);

б) использование слов-интенсификаторов: *Я чрезвычайно занят* (= занятость в данный момент превышает нормальную);

в) использование вводных слов со значением степени уверенности: *Он, конечно, герой* (= его поступки в полной мере соответствуют представлениям о героизме);

г) использование моделей отрицания: *Это не выход* (= существуют нормативные представления о выходе, которым не соответствует планируемое развитие событий);

д) использование вопросительных конструкций: *Разве это машина?* (= можно ли этот предмет так назвать, если он не соответствует норме);

е) использование моделей противопоставления: *Он не идет, а бежит* (= его способ передвижения не соответствует норме для ходьбы, но соответствует норме для бега) и др.

Ментальной базой для всех приведенных высказываний являются представления о норме, которые «скрываются» в значениях слов. Примеры д) и е) свидетельствуют о том, что ощущение несоответствия норме одновременно может восприниматься как неправильный выбор слова; поиск новой нормы предполагает выбор нужного слова, адекватного ситуации (заметим, что по результатам лингвистического эксперимента адекватность – один из базовых признаков нормы). Подобная ситуация может быть представлена на примере диалога из пьесы А.П. Чехова «Три сестры».

Наташа. *С именинницей. У вас такое большое общество, я смущена ужасно...*

Ольга. *Полно, у нас все свои. (вполголоса испуганно.) На вас зеленый пояс! Милая, это не хорошо!*

Наташа. *Разве есть примета?*

Ольга. *Нет, просто не идет... и как-то странно...*

Наташа *(плачущим голосом)*. *Да? Но ведь это не зеленый, а скорее матовый.*

В последней реплике Наташа предлагает рассматривать цвет ее пояса, используя другую норму (не для зеленого, а для матового), следовательно, другое слово, и тем самым изменить оценку.

Итак, по контекстным приметам можно установить факт существования нормы и результат соотнесения с ней объекта номинации / характеристики.

2) Грамматические особенности. Наиболее продуктивен поиск категории нормы через обращение к грамматическим особенностям прилагательных и наречий.

Степени сравнения качественных прилагательных и наречий традиционно рассматриваются в связи с семантической категорией интенсивности; при этом положительная степень принимается за ординарный уровень интенсивности, а компаратив и суперлатив интерпретируются как последовательное повышение степени проявления признака. Специфика категории предопределяет внимание именно к случаям несовпадения с ординаром, то есть к случаям, отличающимся от обычного уровня интенсивности. При рассмотрении степеней сравнения в

аспекте категории нормы, напротив, первоочередное внимание следует уделить исходным формам прилагательных и наречий.

Положительная степень – результат скрытого сравнения, при котором признак конкретного объекта сравнивается со стандартом – усредненными представлениями о данном классе. Нормы при этом весьма разнообразны. Так, авторы коллективной монографии «Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность» предлагают следующую характеристику отношения «тип прилагательного – характер нормы». Для параметрических прилагательных нормой является средняя степень проявления признака у представителей класса; для оценочных – требования, пожелания, которым должен удовлетворять объект оценки; для прилагательных со значением необладания – отсутствие признака, наконец для прилагательных со значением цвета и формы – эталонный обладатель последних. [ТФГ, 1996, с. 139–140]. В свою очередь А.Н. Шрамм, исследуя семантику прилагательных, предлагал разграничивать нормы признаков, воспринимаемых и не воспринимаемых непосредственно органами чувств. К первым относятся нормы линейных, весовых, конфигурационных, цветовых, вкусовых признаков, ко вторым – нормы интеллектуальных, этических и других свойств [Шрамм, 1981, с. 40–45]. Измерение степени проявления признака в конкретном объекте предполагает сравнение с нормой, превышение которой обозначается компаративом и суперлативом.

Степень отклонений от нормы может быть различной:

А) Признак выражен в данном объекте в большей или меньшей степени по сравнению с нормой, но при этом сохраняется качественная тождественность. Иными словами, количественные изменения не настолько значительны, чтобы говорить об изменении качества. В таком случае говорящий использует именно формы степеней сравнения; использование форм одного и того же слова – свидетельство сохранения качества. Сходная ситуация может быть обозначена дериватами со значениями степени проявления признака. Отклонение от нормы сводится здесь к изменениям количественным, но не качественным.

Б) Признак объекта настолько отличен от нормы, что требуется поиск другой нормы, как следствие, другого слова. Можно предположить, что, приступая к оценке, субъект имел в виду некое свойство, с нормой для которого и устанавливалось соотношение, но в дальнейшем стала очевидной необходимость поиска другой нормы. Говорящий может заменить выбранное первоначально слово на антоним либо на другое слово соответствующей тематической группы. Отклонение от нормы здесь приводит к изменению ориентира.

Обращение к степеням сравнения актуализирует в данном случае связь категорий «качество», «количество», «норма». Степени сравнения представляют норму как все множество количественных изменений признака, при которых сохраняется качественная тождественность.

Итак, свойство представительных лексико-грамматических классов иметь формы степеней сравнения – одно из проявлений семантики нормы.

3) Словообразовательные особенности. Через обращение к производным можно выявить смыслы нормы, содержащиеся в производящем слове. Русский язык располагает весьма представительным комплексом морфем, которые способны актуализировать семантику нормы. Рассмотрим некоторые примеры, объединенные следующей закономерностью: производящее слово номинирует норму, производное – отклонение от нормы. Как правило, такие аффиксы имеют количественное значение, а норма может быть интерпретирована как необходимое, достаточное количество. Это следующие аффиксы с количественным значением:

а) уменьшительные и увеличительные суффиксы. Выше говорилось о том, что такие производные прилагательные с этими суффиксами по значению напоминают формы степеней сравнения (ср.: *злейший* – *злющий*, *высочайший* – *высоченный* и пр.). Уменьшительные и увеличительные суффиксы позволяют заполнить пустые клетки языковой системы, в которой не у всех качественных прилагательных имеются степени сравнения. Так, многочисленны образования с суффиксами субъективной оценки от цветообозначений (*голубоватый*, *желтенький*, *краснехонький* и др.);

б) увеличительные префиксы (*архи-*, *ультра-*, *пре-* и др.): *неприятный* – норма для неприятного, *пренеприятный* – отклонение от нормы в сторону увеличения плохого;

в) префиксы со значением недостижения / превышения нормы. Для выражения значения действия с количественными характеристиками ниже нормальных в русском языке используется префикс *недо-*, который может быть присоединен к глаголам, разнообразным по семантике и грамматическим свойствам. И словари, и обыденное словоупотребление зафиксировали употребление с префиксом *недо-* глаголов как стативных (*недозреть*, *недопонять*, *недоспеть*, *недослушать*), так и акциональных (*недобить*, *недовезти*, *недолечить*, *недоделать*); как переходных (*недовязать*, *недоловить*, *недомыть*), так и непереходных (*недогореть*, *недолететь*, *недоспать*). Наблюдения над семантикой глаголов с префиксами *недо-* позволяют предположить, что для

носителей языка нормой представляется результативное действие, связанное с полным освоением некоторого объекта. Условиями достижения нормы, как правило, являются время, пространство, количество. Эти же факторы, задействованные не в полном объеме, выступают и причинами недостижения нормы. Норма в целом имеет функциональный характер: это нечто нужное, требующееся, необходимое, полезное.

Для обозначения действия с количественными характеристиками выше нормальных используется антонимичный префикс *пере-*; глаголы с *пере-* в значении «чрезмерность, излишек, преобладание в действии» также весьма многочисленны: *перезреть*, *пересидеть*, *пересолить*, *перемудрить*, *пересмотреть*, *перехвалить* и пр. Важно, что в данном случае сема 'много' вступает в противоречие с семой 'норма', в связи с чем большое количество рассматривается не как изобилие, а именно как излишек, что становится основанием более или менее явно выраженной отрицательной оценки.

Таким образом, ситуации, обозначенные глаголами типа *недово- рить* – *переварить*, *недочитать* – *перечитать* и др., характеризуются отклонением от нормы, а ситуация, обозначенная бесприставочным глаголом, – это ситуация нормы;

г) аффиксы, посредством которых образуются глаголы со значением интенсивности (*уреветься*, *извертеться*, *настрадаться* и подб.); обычная интенсивность обозначена производящим глаголом.

Во всех этих и подобных случаях словообразование – логическое следствие особенностей мировосприятия: норма является тем фоном, на котором осознаются отклонения, соответственно, слова, значения которых сводятся к норме, становятся базой для образования слов с семантикой ненормального. Такое же положение дел наблюдается и при формообразовании степеней сравнения: отправная точка – соответствующая норме положительная степень, которая не имеет специальных показателей, две другие формы призваны зримо обозначить движение от нормы.

Итак, наше исследование выявило актуальность семантики нормы для значительного числа лексем русского языка. Очевидно, что представления о норме превосходят по сложности и многоаспектности толкование базовых лексем *норма* и *нормальный*. В связи с этим один из частных результатов исследования может быть оформлен в виде рекомендаций лексикографам. Так, при толковании первого значения лексемы *норма*, заключающего императивную интерпретацию нормы, следует указать на то, что узаконенность, обязательность норм не всегда имеет юридическую природу, но может быть отражением образа

жизни, неписаных правил поведения: *норма* – *узаконенное установление, зафиксированное правило (юридические нормы, нормы правописания), а также сложившийся принятый и одобряемый обществом способ действий, образ жизни (нормы поведения, общежития).*

Описание второго значения, представляющего статистическую интерпретацию нормы («установленная мера, средняя величина»), правомерно дополнить формулировкой *«количество, необходимое для того, чтобы в полной мере реализовать свойства, функции и пр. (норма веса)».*

Оправданной, на наш взгляд, будет ссылка на статус нормы как ориентира при сравнении. При толковании в этом случае можно использовать квазисинонимы: *норма – критерий, стандарт, образец (поведение далеко от нормы).*

При толковании лексемы *нормальный* целесообразно учесть многозначность производящего слова и толковать *нормальный* как а) соответствующий норме как общепринятым, положенным установлениям, правилам, критериям; *правильный, такой, как должен быть (нормальное поведение, нормальный ответ),* и б) соответствующий норме как средней величине, мере, типичному проявлению чего-либо; *стандартный, средний, как все, не отличающийся от других (нормальная температура, нормальный гражданин).*

Ситуативный характер нормы можно отразить в толковании типа «соответствующий представлениям о норме для какой-либо ситуации, адекватный этой ситуации»: *нормальный рост для модели, поет нормально* (нареч.) *для непрофессионала.*

Кроме того, важно дать толкование с отрицанием, которое задаст полюса семантического пространства: «не сопровождающийся отклонениями от обычного, от нормы, без изъянов; не выходящий за рамки, находящийся в пределах дозволенного, установленного, общепринятого»: *такой поступок нельзя расценить как нормальный.*

Важно также отметить, что для всех этих подзначений характерна положительная оценка нормального – «хороший, считающийся хорошим»: *Как себя чувствуешь? – Нормально.*

В целом наблюдения за словами в аспекте категории нормы позволяют сделать вывод о повсеместности нормирования. Нормативный фрагмент языковой картины мира включает огромное (возможно, бесконечное) число объектов, осмысленных человеком; одним из результатов осмысления является формирование представлений о том, как должно быть, то есть о том, какова норма.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Бельская Е.В. Интенсивность как категория лексикологии : на материале говоров Среднего Приобья : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Быкова Г.Г. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск, 2003.
- Измайлова М.О., Рахманкулов И.Ж. Категория «средняя величина» и ее методологическое значение в научном исследовании. Казань, 1982.
- Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
- Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Уфимцева А.А. Семантический аспект языковых знаков // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.
- Шрамм А.Н. Аспекты семасиологического исследования качественных прилагательных (на материале русского языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Калининград, 1981.

Словари

- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : Современное написание : В 4 т. М., 2003.
- Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
- Словарь русского языка : В 4-х. тт. М., 1999.
- Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка : В 4-х тт. М., 1935–1940.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

ЛЮБОВНАЯ ИНТРИГА КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ «КОЛОНИЗАЦИОННОГО» СЮЖЕТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (на примере текстов XIX века о Ермаке)

О.В. Сиренко

Ключевые слова: сюжет, мотив, Ермак, Сибирь.

Keywords: plot, motif, Ermak, Siberia.

Эпоха романтизма в русской литературной истории ознаменовалась не просто усилением интереса к истории и фольклору, но попытками конструирования своеобразной национальной мифологии, которая в отечественной культуре будет играть огромную роль на протяжении всего столетия. Активное обсуждение в литературной и окололитературной среде разнообразных сюжетов из национальной истории, не случайно совпавшее с расцветом жанра исторического романа [Альтшуллер, 1996; Сорочан, 2008], было связано с бурными событиями в общественно-политической жизни времени – прежде всего с победой России над Наполеоном в 1812 году. Формирующийся репертуар национально значимых исторических сюжетов [Киселева, 1997; Живов, 1999; Шенк, 2007] включал в себя один из важнейших компонентов – известия о завоевании Ермаком Сибири в 1581–1584 годах.

Новое в результате победы над Францией отношение России к Западу [Успенский, 2004, с. 27–48], закономерно предопределило известную коррекцию в отношении к Востоку: упрочившаяся имперская идентичность культуры заставила заново посмотреть на реалии своих колоний, которые со времен В.Н. Татищева принято было отождествлять с американскими владениями европейских держав [Бассин, 2005, с. 277–300].

Несомненно, что определяющее влияние на духовную жизнь первой трети XIX века оказала «История государства Российского» Н.М. Карамзина, которая на долгие годы обеспечила богатым фактическим материалом многих поэтов, драматургов и прозаиков. Одним из наиболее ярких разделов «Истории» был, как известно, помещенный в IX томе рассказ о Сибирском взятии. Именно после выхода этого тома Ермак в качестве одного из национальных героев оказался в фокусе литературного внимания.

Писатели и поэты XIX века создали множество произведений, так или иначе интерпретирующих образ Ермака и процесс завоевания им Сибирского царства. Эти произведения представляют собой корпус текстов, репрезентирующих «ермаков сюжет». Впервые вопрос о «ермаковом сюжете» как целостной литературной реальности был поставлен в статье А.С. Янушкевича, где автор говорит, что «по своей художественной установке он («ермаков сюжет» – *О.С.*) в русском романтизме вполне соотносим с цыганской или кавказской темой как синоним безбрежности, простора и воли» [Янушкевич, 1997, с. 47].

В целом ряде сочинений XIX века о Ермаке обращает на себя внимание любовная интрига, присоединяющаяся к корпусу базовых сведений о казачьем вожде, заимствованных из летописных источников конца XVI – XVII веков. Такое осложнение исходного блока мотивов выглядит тем более нарочитым, что древнерусские памятники почти не содержат близкой по содержанию информации.

В данной статье мы остановимся на одной из составляющих сюжета о Ермаке – мотиве любовной связи с героиней, поскольку именно данный мотив позволяет по-разному интерпретировать образ Ермака. Эту проблему мы рассмотрим на материале трагедии П.А. Плавильщикова «Ермак», книги «Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из разных писателей как российских, так и иностранных» И.Д., трагедии А.С. Хомякова «Ермак» и пьесы Н.А. Полевого «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь».

В науке не раз отмечалось, что для литературного воспроизведения темы колонизации, покорения чужой земли использовался мотив брака. Так, в работах М.Б. Плюхановой и С.Ю. Неклюдова отмечается, что земле издревле приписывалась женская природа [Плюханова, 1995, с. 190–199; Неклюдов, 2005, с. 361–385], поэтому завоевание земли может описываться как символический брак. При этом наиболее репрезентативный эпизод русской колониальной истории, то есть эпизод разгрома Кучума Ермаком и завоевания Сибири, никогда не рассматривался в русле указанной традиции.

Так, уже у одного из первых разработчиков темы, И.И. Дмитриева, в стихотворении «Ермак» (1791) можно найти эротический подтекст покорения Сибири:

*Сибирь, отвергши мой закон!
Пробудь вовек, стоная, плача,
Рабыней белого царя!*

[Дмитриев, 1984, с. 36].

Позже П.П. Ершов развил эту тему в своей поэме «Сузге» (1837), где взятие казаками Сузгуна, дворца, построенного Кучумом для своей жены, связано с овладением женщины – царицей Сузге [Анисимов, 2005, с. 83–88].

Исторические источники не говорят практически ничего о личной жизни Ермака, только в Кунгурской летописи упоминается, что Саргачик, один из татарских князей «привел ему прекрасную дочь свою в честь и в дар, Ермак же не приял и отверг и прочим запретил» [Ремезов, 1989, с. 581], поэтому эта сфера оказалась наиболее притягательной для литераторов в плане развития сюжета и наделения новыми смыслами самой фигуры Ермака.

П.А. Плавильщиков в своей трагедии «Ермак, покоритель Сибири» (1803), обращаясь к теме сибирского взятия, впервые вводит любовный мотив в «ермаков сюжет». Исследователи отмечают влияние «Разбойников» Ф. Шиллера на трагедию Плавильщикова [Стенник 1991, с. 24]. Но Плавильщиков не просто заимствовал у немецкого писателя героя и любовный конфликт, он придал ему другое звучание, что объясняется его обращением к теме колонизации Сибири.

В пьесе большое внимание уделяется проблеме западного влияния, строго говоря, Ермак становится разбойником только по той причине, что хочет открыть обман царю, *«которым вельможи, обольстя его, подтачивают, как жадные черви, его царство»* [Плавильщиков, 2002, с. 240]. Что касается народов Сибири, то в пьесе подчеркивается их героическое начало. Автор как бы сближает русских казаков и коренных сибиряков, проводя при этом линию идеологического разлома не между Россией и Сибирью, что можно было ожидать, а именно между Россией и Европой. Таким образом, воссоединение Ермака и Ирты может прочитываться как символическое воссоединение России и Сибири, так как в финальной сцене Кучум, во-первых, соглашается на брак героя со своей дочерью, во-вторых, добровольно принимает власть православного Бога и русского царя: *«Я покоряюсь Богу, защитнику твоего царя... Научи меня познать Его...»* [Плавильщиков,

2002, с. 280]. Так, в пьесе Плавильщикова «ермаков сюжет» обретает семантический обертон, связывающий его с традицией апостольской агиографии.

В 1807 году в Москве вышла книга «Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из разных писателей как российских, так и иностранных», автор которой обозначил себя инициалами И.Д. Эта книга примечательна тем, что именно на ее страницах любовная интрига отнесена ко времени до похода Ермака в Сибирь. Здесь предметом страсти героя становится его соплеменница, дочь казачьего гетмана и сестра его друга Хорлу Велика. Любовный мотив здесь выступает в качестве завязки и катализатора, благодаря чему начинаются все беды и приключения Ермака, из-за которых он становится разбойником.

На протяжении всего произведения автор акцентирует внимание читателей на варварстве героя и его земляков, противопоставляя их остальному населению России, а описывая поведение Ермака и казаков в Сибири, их благородство и поистине христианское милосердие по отношению к покоренным народам, он как бы подчеркивает их европейское, относительно Сибири, происхождение.

В данном произведении существует две нереализованных любовных интриги, обе они связаны с тем, что татары дважды пытаются породниться с русскими: первый раз – в начале произведения, когда Контаиша сватается к Велике, второй раз – ближе к окончанию, когда татарский князь Иелигай подносит Ермаку не только богатые дары, но и свою дочь, «*желая выдать ее за него за муж*» [И.Д., 1807, с. 187], но Ермак отвергает это предложение и своим казакам запрещает прикасаться к ней. Таким образом, автор «Жизни и деяний Ермака», благодаря данному мотиву, проводит четкую грань между своими, русскими и чужими, татарами¹.

А.С. Хомяков, автор трагедии «Ермак», под воздействием IX тома «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина обратился к «ермакову сюжету» в 1825–1826 годах. В.А. Кошелев отмечает, что эта трагедия была написана под сильным влиянием пьесы «Разбойники» Ф. Шиллера [Кошелев, 2004, с. 71–72]. Действительно, обращает на себя внимание ряд соответствий между пьесой Шиллера и произведением Хомякова: можно заметить, что хомяковскому Ермаку соответствует Карл Моор, Мещеряку – Франц Моор, Ольге – Амалия, Тимофею – старик Моор.

¹Этот мотив восходит к «Истории Сибирской» С.У. Ремезова. Скорее всего, автор был знаком с «Историей Сибири» Г.Ф. Миллера, который использовал данный источник.

Говоря о реализации любовной интриги, стоит отметить, что, введя в произведение эту цепь мотивов, автор, во-первых, рассказал о причинах, заставивших Ермака стать разбойником, а во-вторых, показал, что человек, живущий в России несвободен даже в личной жизни. Из текста трагедии мы узнаем, что Ермак убил опричника, защищая честь Ольги, своей невесты, после этого он должен был покинуть родные места, спасаясь от преследований. Ольга и отец Ермака Тимофей тоже вынуждены были уйти, так как после убийства опричника их стали преследовать, желая отомстить Ермаку за смерть царского любимца. Кроме этого, любовная интрига тесно связана с мотивом отцовского проклятия: воспоминание о любимой соотносится с воспоминаниями о прошлой жизни:

*Вся жизнь прошедшая глазам явилась,
Я видел вновь те счастливые дни,
Когда любим отцом, любимый Ольгой,
Так смело я в грядущее смотрел.*

[Хомяков, 1969, с. 171].

Превращение Ермака в разбойника может быть понято как достижение им такого полюса безнравственности, когда за него запрещено молиться – в доказательство этого можно привести куплет из песни Софьи:

*Но он преступник, он убийца,
О нем и плакать мне нельзя.
Ах, растворись моя гробница,
Откройся, тихая земля!*

[Хомяков, 1969, с. 181].

В христианстве считается грехом плакать и молиться за людей, совершивших смертный грех, поэтому Ольга лишена возможности оплакивать судьбу своего возлюбленного.

По замечанию Ю.В. Манн, «Ермак как историческое лицо был как бы специально предназначен для романтической постановки проблемы рока» [Манн, 2007, с. 322]. Можно заметить, что на протяжении всей трагедии Ермак говорит о том, что скоро должен погибнуть, и даже неожиданная встреча с Ольгой не дарит ему надежды на обретение счастья в любви. Все обстоятельства складываются именно так, что предчувствие Ермака сбывается, и он погибает.

Особый интерес представляет пьеса Н.А. Полевого «Ермак Тимофеевич, или Волга и Сибирь» (1845), потому что автор, введя в текст любовную интригу, дает герою шанс прожить свою жизнь еще раз.

Любовный мотив в данной пьесе представлен трижды: во-первых, это история отношений Ермака и боярской дочери, развивающиеся в те времена, когда Ермак был разбойником, и здесь герой повел себя весьма недостойно, но характерно для грешника – он похитил девушку и бросил ее с ребенком на руках; во-вторых, это показанные на протяжении всей пьесы отношения Андрея и Марии, в-третьих, несостоявшееся родство между татарским ханом и Ермаком, отказавшимся брать его дочь в жены.

Прибыв в Сибирь и завоевав ее, Ермак получает очень заманчивое предложение – половина Сибирского царства и ханская дочь – в обмен на прекращение войны. В данном случае нереализованная любовная интрига выступает в качестве искушения для разбойничьего атамана, но Ермак не соблазняется. Этот отказ связан с тем, что, во-первых, разбойники получают царское прощение до сибирского похода, а, во-вторых, он продиктован традицией – Ермак как состоявшийся национальный герой, переживший мифологическую смерть и мифологическое воскрешение, противостоит искушению стать сибирским царем и отдает покоренную землю в руки царя русского.

Что касается третьей реализации данного мотива – отношений Андрея и Марии – то здесь налицо переключки образа Андрея, оруженосца Ермака, и самого Ермака. Однако если Ермак совершает преступление против своего Отечества, то Андрей – преступник по отношению к своим соратникам, так как он нарушает клятву не быть с женщиной во время похода. Андрей в битве испускает свою вину, получает прощение казаков и надежду на счастливое будущее со своей молодой женой, которая в финале оказывается дочерью Ермака и похищенной им боярской дочери. Таким образом, в пьесе показана эволюция образа Ермака, а сам герой получает шанс в своих детях прожить жизнь заново.

Итак, мы рассмотрели, как авторы начала XIX века реализовали любовную интригу в произведениях, посвященных покорению Сибири. Несомненно, любовный компонент является одной из главнейших составляющих «ермакова сюжета», так как благодаря ему образ Ермака раскрывается в мифопоэтической перспективе. При этом актуализируется и идеологический аспект сюжета. Так, в трагедии П.А. Плавильщикова Ермак представлен человеком, метущимся между долгом и чувством. Он выбирает долг – борьбу за благосостояние Родины, – и судьба награждает его любовью Иргы, дочери Кучума. При этом автор, подчеркивая героизм сибирского народа, тем самым сближая его с подвигом казаков, как бы проводит разграничительную черту

между Европой и Россией, где европейцы показаны как интриганы и враги России. Кроме этого, воссоединение Ермака и Ирты может быть прочитано как символическое воссоединение России и Сибири, а сам сюжет поворачивается в русло апостольского подвига. В книге «Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири...» И.Д. любовная интрига вводится в качестве катализатора событий и относится к той части повествования, которая рассказывает о причинах, побудивших Ермака стать разбойником. А.С. Хомяков в трагедии «Ермак», введя любовный мотив, усиливает роль рока в судьбе героя, который, даже будучи прощенным царем, Отечеством и отцом, не может рассчитывать на счастье в любви: ему уготована смерть. И только в драме «Ермак Тимофеевич...» Н.А. Полевого, где любовная интрига представлена в трех своих вариантах, герой получает шанс на перерождение. Таким образом, любовные мотивы, несмотря на свой, как правило, заимствованный и искусственный характер, приносят важный смысл в историю Ермака в целом.

Литература

- Альтшуллер М.Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. СПб., 1996.
- Анисимов К.В. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX – начала XX века : Особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск, 2005.
- Бассин М. Россия между Европой и Азией : идеологическое конструирование географического пространства // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : Антология. М., 2005.
- Дмитриев И.И. Ермак // Русская историческая поэма конца XVIII – начала XIX века. М., 1984.
- Живов В.М. Иван Сусанин и Петр Великий : О константах и переменных в составе исторических персонажей // Новое литературное обозрение. 1999. № 38(4).
- И.Д. Жизнь и деяния Ермака, завоевателя Сибири, выбранные из разных писателей как российских, так и иностранных. М., 1807.
- Киселева Л.Н. Становление русской национальной мифологии в николаевскую эпоху (сусанинский сюжет) // Лотмановский сборник. М., 1997. Т. 2.
- Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова. М., 2004.
- Мани Ю.В. Поэтика русского романтизма. М., 2007.
- Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 1999. Т. 1.
- Неклюдов С.Ю. Тело Москвы. К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре. М., 2005.
- Плавильщиков П.А. Собрание драматических сочинений. СПб., 2002.
- Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб., 1995.
- Полевой Н.А. Ермак. Драма в пяти действиях. СПб, 1845.
- Ремезов С.У. История Сибирская // Памятники литературы Древней Руси : XVII век. М., 1989. Кн. 2.
- Сорочан А.Ю. Формы репрезентации истории в русской прозе XIX века: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2008.

Стенник Ю.В. Жанр трагедии в русской драматургии XVIII века // Русская литература – век XVIII. Трагедия. М., 1991.

Успенский Б.А. Пушкин и Толстой : тема Кавказа // Успенский Б.А. Историко-филологические очерки. М., 2004.

Хомяков А.С. Ермак // А.С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л., 1969.

Шенк Ф.Б. Александр Невский в русской культурной памяти. М., 2007.

Янушкевич А.С. «Ермаков сюжет» в русской литературе 1820–1830-х годов // Мотивы и сюжеты русской литературы. От Жуковского до Чехова. Томск, 1997.

НИКОЛАЙ МИНСКИЙ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПОРТРЕТАХ СОВРЕМЕННОКОВ

О.Н. Самсонова

Ключевые слова: мемуары, литературный портрет, шарж, парадный портрет, камерный портрет, индивидуальность.

Keywords: memoirs, literary picture, caricature, gala portrait, chamber portrait, individual.

Авторами литературных портретов Николая Максимовича Минского 1880-х, 1890-х и 1900-х годов были поэты, литературные критики и публицисты. В 20–30-х годы XX века он описан также людьми творческих профессий: артистом, политиком, журналистом. Если учесть, что мемуары не чужды субъективности и по фактической точности уступают документу, к тому же окрашены эмоционально, то особое любопытство в воспоминаниях вызывают средства изображения литературных портретов, в частности, портрета раннего и позднего Н. Минского, того, как меняется образ поэта в описании мемуаристов разных поколений.

Живописный словесный портрет есть изображение на стыке искусств, отмечал Ю.М. Лотман. Если рассматривать литературный портрет как жанр искусства «на границе *слово / изображение*», то вполне логично атрибутировать его в соответствии с законами жанра, учитывая композиционные особенности, функциональное назначение и способы изображения [Лотман, 1999, с. 74]. В 1884 году в Киеве Н. Минский стал героем группового фотографического портрета, который впервые был опубликован в журнале «Беседа» в 1903 году. На фото – трое молодых людей: В. Гаршин, И. Ясинский и Н. Минский – общаются, расположившись на стульях. В центре – Ясинский, справа

от него – Гаршин, присевший вполоборота к камере, перекинув ногу на ногу, в динамике беседы. Н. Минский, единственный из троих, оседлал кресло и, опираясь о его мягкую спинку руками, обращен к камере. Любопытно, что в пояснительной заметке к фотографии И. Ясинский характеризует В. Гаршина и Н. Минского двумя штрихами. При этом портрет В. Гаршина более живописен, а Н. Минского – представляет собой скупую зарисовку: *«Всеволод Гаршин – красивый, молодой, знаменитый. <...> Мы все утро провели в живой беседе <...> Всеволод все время смешил нас и фотографа. Один Минский выдержал характер во время сеанса»* [Гаршин, 1934, с. 506]. Н. Минский театрален: он единственный позирует перед камерой и «выдерживает характер» в общении. Возникает образ несколько холодного, но при этом независимого и оригинального человека.

В те же 80-е годы появились два шаржированных портрета Н. Минского. Автором одного из них является поэт Константин Фофанов: *«Его румяные щеки напоминают седалища обезьян. Глаза имеют такое выражение, как точно он наслаждается щелканьем орехов или грызет сухие стручки. Акцент еврейский. Белизна зубов спорит с белизною манжетов. Когда начинает горячиться и вступать в спор, то слегка подергивает шеей и, склоняя набок голову, в сторону противника говорит: “Может быть! Может быть!”, – декламирует, широко шлепая красными губами»* [Сапожков, 2001, с. 157]. Этот шарж единственный из целого ряда «очерков-характеристик в жанре иронического портрета <...> полон «ядовитого сарказма» [Сапожков, 2001, с. 157]. Основной яд сконцентрирован, в презрительном сравнении по внешним признакам лица человека с седалищем обезьяны. В предложении о белизне зубов и манжет чувствуется некая манерность модели, осуждаемая автором шаржа. Натянутость отношений автора портрета и модели диктует выбор красок: претенциозный ослепительно белый и яркий красный (румяные щеки, красные губы); лексики: удачно подобранные глагольные формы (грызет, спорит, подергивает, шлепая) и существительного в значении действия (щелканьем), отчего в целом образ воспринимается в движении.

Динамика стала основной чертой Н. Минского в лаконичной характеристике Петра Перцова: *«Возле Зинаиды Николаевны кружился невысокий, коренастый карпуз с большой головой и вздыбленными волосами. Мне назвали в нем поэта Н.М. Минского ...»* [Перцов, 1933, с. 88]. Глагол «кружился» передает свойственную Н. Минскому способность постоянно находиться в движении, но при этом употребляет с долей иронии в значении: «проявляет симпатию, ухаживает». Об-

разное сравнение с карапузом – казалось, в уничижительном тоне – рисует на самом деле яркую внешность Н. Минского: крепкий, плотного телосложения, но невысокого роста. По фотографиям можно судить, что Н. Минский не был коренастым в общепринятом значении этого слова: «крепкого сложения, невысокий и широкоплечий», возможно потому голова и показалась «большой» [Ожегов, 1964, с. 288]. А «вздыбленные» – всего лишь от природы круто вьющиеся волосы. Мемуарист П. Перцов несколькими «мазками» точно и метко передал свое впечатление о Н. Минском, не вдаваясь в анатомические и психологические особенности создаваемого образа. Обратим внимание на то, что Перцов описывает первое впечатление о Н. Минском не в момент встречи с ним или сразу после нее, а спустя время, уже после того, как отношения (деловые, романтические, дружеские, неприязненные и. так далее) складывались, развивались и после всего закончились. Поэтому на впечатление от первой встречи, а соответственно и на выбор средств выражения в большей или меньшей степени накладывает отпечаток последующее общение с Н. Минским, его более подробное узнавание.

Н. Минский 90-х годов – уже известный, состоявшийся поэт и переводчик, популярный критик и публицист. Зинаида Гиппиус в своем «Дневнике любовных историй» за 1893 год рисует его ярко и неоднозначно. Зрение – не основное чувство, которым руководствовалась З. Гиппиус. Она описывает также свои обонятельные, осязательные и слуховые ощущения: *«Вглядываюсь в чужую любовь (страсть), терплю эту мерзость протянутых ко мне рук и <...> ну, все говорить! Горю странным огнем влюбленности в себя через него. <...> 22 февраля. Держу потому, что другие находят его замечательным, тоже за цветы и духи. В бессильности закрываю глаза на грязь его взоров. <...> После первого, полуслучайного, поцелуя в дверях – я ужасно хорошо влюбилась. Было темно, я провожала его (Минского) в третьем часу. От него недурно пахло духами и табаком. Душится, говорят, таинвайс genre, но я люблю. Скользнула щекой вниз по его лицу и встретилась с его нежными и молодыми губами»* [Гиппиус, 1969, с. 25–46]. Скверные ощущения от прикосновений не любимого, но навязывающегося мужчины З. Гиппиус описывает существительными с негативной семантикой, с явно отрицательной эмоциональной окраской: *«мерзость», «грязь»*. От этого интимный портрет Н. Минского приобретает дьявольски-слащавый характер. Акцентируя внимание на обонятельных ощущениях: *«находят его замечательным <...> за цветы и духи», «недурно пахло духами и табаком», – З. Гиппиус оказывается вовлеченной в ауру душистых ароматов Н. Минского. В начале XX века не-*

мецкий социолог Георг Зиммель писал о том, что духи «увеличивают сферу человека», и тот, кто находится поблизости, «погружается в их аромат и таким образом как бы вовлекается в сферу этой личности» [Зиммель, 2000, с. 13]. Неслучайно приятные для З. Гиппиус запахи способствуют положительной оценке Н. Минского на общем фоне негативного к нему отношения. «Декадентская мадонна» почувствовала привлекательность Н. Минского, а *не увидела* ее, и Н. Минский, в свою очередь, приложил к этому немало усилий.

Следующий портрет, Петра Пильского за 1896 год, так же не избегает обонятельных ощущений, он начинается с деепричастия «веяло»: *«От него веяло и еще некоторым высокомерием, колючей самолюбленностью. Н. Минский кокетничал. Своих литературных гостей он принимал в комнате, обитой кругом сукнами или коврами. Минскому нравилось чувствовать себя оргиистом»,* женщинам *«он импонирует своей осанкой и проповедью замороженной холодности»* [Пильский, 1937, с. 37]. Это тип парадного портрета. Абстрактные категории *веяло, колючей* переводят читателя в область не зрительных, а обонятельных и осязательных ощущений. Разница лишь в том, что ароматы и манера поведения, используемые мужчиной с целью очарования женщин, на других мужчин действуют прямо противоположно. Н. Минский театрален, он играет «отца русского декадентства», тщательно скрываясь за маской «некоторого высокомерия» и «самовлюбленности». Однако Пильский четко находит факт такого сокрытия: *«нравилось чувствовать»,* но не – *«чувствовал себя».*

Страсть к оргиям не оставляет Н. Минского и через десять лет. В 1906–1913 годах он жил в Париже на положении политического эмигранта. Андрей Белый увидел здесь Н. Минского в таком свете, что вынужден был написать: *«Парижского Минского вовсе не связываю с Николаем Максимовичем, или – подлинным Минским»* [Белый, 1990а, с. 158]. В 1906 году в Париже *«как сальцем он (Минский) лоснился, – маленький, толстенький, перетирающий ручки, хихикающий, черномазый, с сединочками; а когда он ушел, не без жути мне Гиппиус: “Видели, как он брюшком передергивал, слюни глотая: несчастный, не правда ли, – сморщенным личиком напоминает он кончик копченой колбаски”. <...> Мы в назначенный вечер заехали к Н. Минскому; жил недалеко от “Плас-Пигалль” (центр кабачков); он нас ждал; он к нам вышел с зонтом, в котелке: треугольным таким коротышкой: “Идемте ж скорей”. В котелке, как грибок, семенил с лихорадцей за нами».* Дальше А. Белый описывает экскурсию Н. Минского по значным местам Парижа. По окончании путешествия *«Минский, нас уса-*

дивши на фьякр, канул в грязной ульчонке во мрак» [Белый, 1990а, с. 158]. В эпизоде Н. Минский предстает сластолюбцем, но с оттенком низкого чертоподобия. Презрительное созвучие с мелким бесом находим в определении *черномазый*, соединяющем в себе несколько значений: «черноволосый и смуглый» и «грязный, испачканный чем-либо» [БТС, 2004, с. 1474].

Особый колорит «интимному» портрету Н. Минского придают уменьшительно-ласкательные суффиксы в существительных и прилагательных *сальцем, маленький, толстенький, ручки, с сединочками, брюшком, личиком, кончик, колбаски, грибок*. Этим подчеркивается не столько мизерность внешнего образа оригинала, сколько незначительность его интересов. Характеристика внутреннего состояния Минского носит уничижительную оценку: «семенил с лихорадцей», то есть шел мелкими (частыми) шагами, испытывая **не** полное чувство «лихорадки», или чувствуя ее **непостоянно** (периодически). К тому же и улица, на которой находится герой, кажется маленькой, никчемной *«ульчонкой»*. От прочитанного эпизода остается впечатление ускользающего образа, миража, так как нет главного – выражения глаз героя. Н. Минский как ортодокс из XIX века осваивает правила юного XX и примиряет на себя модные увлечения нового века, поэтому в довольно пространным описании нет главного, того, что является «зеркалом души».

Характерной особенностью представленных выше портретов Н. Минского является лаконичность и ироничное изображение. Портреты разных авторов выявляют три основных качества личности Н. Минского – оригинальность, динамичность, артистизм. Ни один из авторов не ставит своей целью передать фотографическую точность изображения. В галерее портретов Н. Минского XIX века с симпатией написан лишь один – Г. Слиозберга, короткая зарисовка И. Ясинского нейтральна, остальные – ироничны, с долей сарказма.

Литературные портреты позднего Н. Минского составляют значительный контраст ранним описаниям. Поэта наблюдают молодые люди, обнаружившие театральность, но не оригинальность образа. Е. Мильтон зимой 1923–24 годов, в Англии уловила важную особенность личности поэта: он играет не собственную роль, как это было раньше, а примеряет на себя чужой образ. В сравнении *как носят художники* содержится намек на подражание. Однако рассказ певицы на этом не заканчивается, через год она видит поэта в несколько другом свете: *«Я невольно оглянулась и увидела спешащего, запыхавшегося Минского, и тут меня поразило в первый раз его действительное сходство с британским премьер-министром. Тот же небольшой рост и*

фигура. Такая же голова с гривой седых волос, такие же седые усы, то же странное пальто с пелериной, так называемая крылатка и т.д. Он нисколько не удивился и не обиделся, что его называют Ллойд-Джорджем, а сказал, что он уже привык к этому, так как его часто принимают за Ллойд-Джорджа, и я подумала, что ему это наоборот приятно и что он подходящим костюмом и прической умышленно подчеркивает это сходство» [Мильтон, 1968, с. 154]. В этом описании острота восприятия образа Н. Минского уступает место портрету-сравнению, как будто яркие и оригинальные черты личности поэта смазываются, перестают восприниматься как неповторимые.

То же подражание находит в Н. Минском советский дипломат Иван Майский летом 1925 года: «Н. Минскому было уже 70 лет, но он еще сохранял немало живости. Белая шапка волос, седые густые усы, вечером фрак: издали он походил на Ллойда Джорджа, чем чрезвычайно гордился. За годы эмиграции Н. Минский явно полевел и старался возможно более походить на «советского человека». Это выходило у него не всегда удачно, и иногда я улыбался, наблюдая его усилия, хотя не имел оснований сомневаться в его искренности. <...> В общем, мы все относились к Н. Минскому хорошо, даже с известной нежностью, учитывая его возраст и его искренность в стремлении идти в ногу со временем» [Майский, 1971, с. 31].

Последние костюмированные портреты Н. Минского выполнены в черно-белой гамме. Индивидуальные осо

, а в ее желаниии соответствовать костюму. Остается впечатление, что с экстравагантной и где-то не очень привлекательной внешностью Н. Минский на портрете как будто теряет свое лицо, или ... одевает новую маску так же, как и постоянно меняет свои имена и псевдонимы.

Живя за границей, Н. Минский стремился быть востребованным в Советском Союзе, даже выхлопотал себе советскую пенсию, но не был принят новой Россией. В Берлине, Лондоне и Париже занимался в основном переводами, оригинальных произведений не создал и это, конечно, сказалось на его внешнем облике – исчезла оригинальность, которая так раздражала современников. Однако осталось умение перевоплощаться и темп движений («спешищего», «стремление идти в ногу со временем»).

В 1934 году в Париже Н. Минского навестил Михаил Чарный: «Меня встретил среднего роста довольно плотный розовощекий старичок. Он очень обрадовался, узнав, что я из Москвы. <...> Встречали Зинаида Афанасьевна и Николай Максимович меня и мою жену с той

*приветливостью, которая говорила не только об исконной доброжелательности, но и о живом интересе к молодому поколению, к людям, приехавшим “оттуда”, из нового мира. <...> Николай Максимович добродушно улыбался, интересно рассказывал – чувствовалось, что в молодости он был “душою общества”» [Чарный, 1965, с. 198]. Опять уменьшительные существительные: *улочек, квартирке, старичок*, – но теперь с оттенком уважения к возрасту и умилением непосредственностью.*

Портреты поэта преклонных лет более развернуты, подробны и не столь саркастичны. Их авторы – Е. Мильтон, И. Майский, М. Чарный – люди молодые, плохо знакомые как с Н. Минским, так, возможно, и с его творчеством, поэт для них – кумир прошлых лет. Они относятся с уважением если не к творчеству, то к возрасту писателя, и стараются быть объективными при описании.

В зависимости от отношения автора к модели и цели рассказа определяется жанр портрета (парадный, интимный, костюмированный, шарж). Такое разнообразие говорит не только о творческой манере каждого автора, но и об изменчивости образа натурщика.

Литература

- Белый А. Между двух революций : серия литературных мемуаров : в 3 т. М., 1990. Т. 3.
- БТС – Большой толковый словарь. СПб., 2004.
- Венгеров С.А. Н. Минский // Русская литература XX в (1890 – 1910) : в 3-х т. М., 1914. Т. 1.
- Волынский А. Борьба за идеализм : критические статьи. СПб., 1900.
- Габель М.О. Изображение внешности лица // Избранные труды по теории литературы. М., 1964.
- Гаршин В.М. Полн. Собр. соч. : В 3 т. М.; Л., 1934.
- Гиппиус З. Contes d’amour. Возрождение. 1969. № 211.
- Зиммель Г. Из «экскурса о социологии чувств» // Новое литературное обозрение. 2000. № 4.
- Лотман Ю.М. Иконическая риторика // Внутри мыслящих миров. М, 1999.
- Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971.
- Мильтон Е. Воспоминания о поэте Н.М. Минском // Новый журнал. 1968. № 91.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1964.
- Перцов П. Литературные воспоминания. М.; Л., 1933.
- Пильский П.М. Минский // Сегодня. 1937. № 188.
- Сапожков С. К.М. Фофанов и репинский кружок писателей // Новое литературное обозрение, 2001. № 52
- Чарный М. У Николая Минского // Октябрь. 1965. № 12. С. 197 – 199.

ДРЕВНИЕ ВОСТОЧНЫЕ ВЕРОВАНИЯ В ПОЭЗИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ

(на материале сонетов М. Щербакова, Вс.Н. Иванова)*

И.Ю. Воробьева

Ключевые слова: дальневосточная эмиграция, поэзия, сонетный канон, мифология Китая, философские учения Китая.

Keywords: the Far Eastern emigration, poetry, sonnet canon, Chinese mythology, philosophical doctrine of China.

Культура Востока органично вошла в творчество поэтов и писателей дальневосточной эмиграции. Свой вклад в художественное воссоздание жизни китайцев, их быта, верований, обрядов внесли Вс.Н. Иванов, Н.А. Байков, М. Щербаков, А. Ачаир, В. Перелешин, М. Волин, А. Серебrenников, М. Спургот, В. Логинов, Н. Светлов, А. Паркау и другие¹. Наряду с этим, для представителей литературы дальневосточной эмиграции характерно стремление отразить глубинные ценности восточного миропонимания. Восприятие древней культуры поэтами-эмигрантами, по мнению исследовательницы литературы русского Харбина Иннань Ли, отличается удивительным проникновением в глубины китайского духа [Ли, 2002, с. 278].

Разрабатывая тему Востока, поэты и писатели дальневосточной эмиграции опирались на традиции русской литературы, которой свойственно чувство «всемирной отзывчивости». Восточные мотивы звучали уже в творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова. Они обогатили русскую литературу новыми образами, мотивами, сюжетами. Изучению ориентальных мотивов и образов в русской литературе посвящены работы П. Тартаковского, В.Е. Свет, О.Н. Владимирова². Место и роль темы Востока в творчестве поэтов и писателей Серебряного века в по-

* Статья написана в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. (Проект № НК-71 п/13).

¹ Подборка стихов о Востоке поэтов дальневосточной эмиграции представлена в литературно-историческом ежегоднике «Россияне в Азии». Торонто. 1995. № 5.

² Тартаковский П.И. Русская советская поэзия 20-30-х гг. и художественное наследие Востока. Ташкент, 1987; Свет В.Е. Поэзия Бунина и Восток. Ташкент, 1991; Владимиров О.Н. Проблематика и жанрово-стилевое своеобразие сонета И. Бунина «Могила в скале» // Проблема метода и жанра. Томск, 1991. Вып. 17.

следние годы исследовали Е.Р. Абдуразакова, Г.В. Килганова, Н.В. Кузнецова и др.¹

Глубинные особенности восточного миропонимания стремится постичь в своих сонетах поэт дальневосточной эмиграции Михаил Щербаков². Устойчивый интерес к восточной культуре начал формироваться у поэта в доэмигрантский период. С 1920 по 1922 годы. Михаил Щербаков посетил Фусан, Гонконг, Кэнди, Шимоносеки, Сингапур, о чем свидетельствуют авторские указания к его стихотворениям. В произведениях 1920-1922 годов, среди которых несколько сонетов, отразились впечатления от знакомства с восточной культурой. В стихотворении «Фонтан. Китайская вышивка» (1921) Восток становится объектом эстетизации и поэтизации. Созерцание памятников древней восточной культуры в стихотворениях «Ганеша» (1920), «Японский храмик» (1922) рождает размышления и переживания об уходящем в вечность времени. В сонете «Курильщик» (1921) звучит мысль о духовном превосходстве восточного человека, созерцающего плоды западной цивилизации.

Своеобразной формой художественного освоения восточного миропонимания является сонет М. Щербакова «Женьшень» (1922). Редкость этого растения, его уникальные лечебные свойства, известные в китайской и тибетской медицине с древнейших времен, породили множество легенд, бытующих среди китайцев и других народов Дальнего Востока. Их происхождение теряется во тьме веков. В сонете М. Щербакова воссоздается мир древних сказаний, поверий, связанных с таинственным корнем.

Для человека восточной культуры характерна вера в магические свойства этого корня. Женьшень дарит человеку молодость, существенно продлевает его жизнь:

*... Из недр росток женьшеня
Сбирает старику любовные томленья*

¹ Абдуразакова Е.Р. Тема Востока в творчестве Бориса Пильняка : автореф. дис... канд. филол. наук. Владивосток, 2005; Килганова Г.В. Ориентализм в прозе И.А. Бунина : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 1997; Кузнецова Н.В. Восток в художественном мире произведений Д.С. Мережковского 1920-х годов : автореф. дис... канд. филол. наук. М., 2005.

² Михаил Васильевич Щербаков (ок. 1890–1956) эмигрировал в Китай в 1922 году. Сотрудничал в изданиях «Окно», «Врата», «Понедельник», «Багульник» и т.д. Принимал участие в работе содружества русских работников искусства «Понедельник», занимался переводом с китайского языка.

И смертному двоит дар еный Небом срок.

[Русская поэзия Китая, 2001, с. 585].

Природа оберегает это сокровище от порочных, безнравственных людей. Корень охраняют духи тайги, самый грозный из которых владыка Ван, является в образе тигра: «*Но злобны демоны, владыка-тигр когтист...*». Они способны жестоко покарать недостойного.

Согласно преданиям, отыскать корень жизни способен лишь тот, «*кто волей тверд и помыслами чист*». Собирателями женьшеня зачастую становились люди, не стремящиеся к личному благополучию. Искатели корня жизни порывают с материальными ценностями и благами, подвергают себя многочисленным испытаниям и опасностям, бродя в тайге без оружия, уповая на милость лесных духов. Уединение на лоне природы вдали от мирской суеты дарит духовное обновление и просветление. Мотивы добровольного ухода от презренной и грубой действительности, жизни среди природы являются определяющими в философии даосизма. Черты даосса, его просветленность, отказ от материального мира угадываются и во внешнем облике искателей женьшеня, изможденных, скитающихся по дебрям тайги в поисках таинственного растения. Образ женьшеня предстает в тесной связи с народными сказаниями и даосскими верованиями.

Этим художественный замысел автора не исчерпывается. «Женьшень» в дословном переводе означает «человек-корень». Мысль о подобии корня человеку, проскользнув в первом катрене («пятипалый лист» женьшеня), явственно зазвучала в сонетном ключе: «... *таинственный, подобный людям корень*». На первый взгляд, эта деталь несет образительную функцию. Листья женьшеня похожи на раскрытую ладонь, а его корень напоминает человеческую фигуру: «*весь же он до странности напоминал уродца с перевитыми и скрещенными ногами. Даже его тонкая шейка и сморщенная головка сверху туловища, от которой отрастает ежегодно весной надземный стебель, донельзя напоминали человеческий*» [Щербаков, 2004, с. 102]. Параллель между корнем жизни и человеком возникает не случайно. В сонете традиционно поднимаются вопросы философского порядка. Краткость сонета способствует особой метафоризации, концентрации языкового материала в пределах 14-и строк. Каждый поэтический образ несет повышенную ассоциативную и эмоциональную нагрузку. Внешняя образительная деталь в сонете дополняется философским смыслом, являясь напоминанием о нерасторжимой связи человека Востока с природой, которая осознается русским поэтом как первичная гармония. Шести-стопный ямб, которым написан сонет, а также сведение к минимуму

глаголов действия помогают воссоздать таинственность, спокойное течение бытия как неотъемлемые особенности мировоззрения восточного человека.

Сонет М. Щербаква отличается формальной строгостью, приближаясь к каноническому образцу. Стихотворение состоит из 14 строк с разделением на катрены и терцеты, которые представляют собой законченные синтаксические и смысловые единицы. Катрены перекликаются друг с другом посредством общей рифмы на два созвучия (аББа аББа). В отличие от четверостиший, которые соединены охватной рифмовкой, терцеты написаны на три рифмы и построены по французскому образцу. Причем «закрытым» катренам (аББа аББа) соответствует «открытые» терцеты (ВВг ДгД). Рифмы преимущественно редкие и точные. Автор сохраняет и другие важнейшие требования сонетного канона: традиционный для русского сонета размер (6-стопный ямб), торжественный стиль, который создается благодаря употреблению слов высокой лексики («*помыслами*», «*из недр*», «*томленья*», «*сокрывшим*»), обилию кратких прилагательных («*тверд*», «*чист*», «*злобны*», «*когтист*», «*горек*», «*душист*»).

Следование строгим требованиям сонетного жанра характерно для стихотворений поэта дальневосточной эмиграции Вс.Н. Иванова¹. Основательно изучив историю и культуру Китая, Вс.Н. Иванов убедился в удивительной жизнестойкости древнекитайских верований, которые продолжали существенно влиять на весь уклад жизни китайцев и в XX веке. В соответствии с китайской культурной традицией в сонете Вс.Н. Иванова «Дракон»² изображается один из центральных персонажей китайской мифологии.

Источником художественного вдохновения для автора «Дракона» послужил, по-видимому, веселый и торжественный «праздник фонарей» (дэн цзе), который отмечается в Китае 15 числа первой луны. Знаеток китайского быта и религии И.Г. Баранов так описывает его: «Ночи этого праздника весь Китай бывает залит огнями разноцветных фонарей, украшающих жилища китайцев» [Баранов, 1999, с. 11]. При их создании особое предпочтение отдавалось изображению дракона, ко-

¹ Вс.Н. Иванов эмигрировал в Китай в 1920 году. Редактировал русскую харбинскую газету Гун-Бао. В Китае вышли его книги «В гражданской войне. Из записок омского журналиста» (1921), «Огненная душа» (1921), «Беженская поэма» (1926), «Мы: культурно-исторические основы русской государственности», «Поэма еды» (1928), «Сонеты» (1930), «Огни в тумане. Думы о русском опыте. Сборник статей» (1932) и др.

² Стихотворения «Дракон», «Казнь», рассматриваемые в данной статье, вошли в поэтический сборник Вс.Н. Иванова «Сонеты». Харбин. 1930.

торый воспринимался как персонификация стихии огня. Китайцы праздником фонарей чествовали солнце – неиссякаемый источник жизни, дающий тепло и свет.

Для сонета Вс.Н. Иванова «Дракон» характерна трехчастная структура, то есть развитие мысли по схеме: тезис – антитезис – синтез. В первом катрене акцент делается прежде всего на внешней стороне обряда, образ дракона – один из его атрибутов:

*Фонарь из пузыря. Он тянут белой грушей,
Лениво-матовой, как будто жемчуга.
Над ним же приподнял коричнево рога
Дракон, извившийся своею узкой тушей.*

[Русская поэзия Китая, 2001, с. 211].

Здесь возникает особый цветовой образ: «лениво-матовый, как будто жемчуга». Праздник фонарей иногда называли первым ночным праздником или праздником в честь первого полнолуния. Необычный эпитет рождает ассоциации с серебристым светом луны. Полнолуние, торжество стихии Инь – таинственное время, время гаданий, время, когда было позволено общаться с духами и небожителями.

Так, внешний, бытовой план изображения в стихотворении сменяется мифопоэтическим. Катрены противопоставлены также по типу речи. Сонет движется от нейтрального повествования к обращению. В первом катрене автор является, прежде всего, рассказчиком, а во втором – собеседником («Смотри на формы те, замолкни и послушай...»). Во втором катрене образ дракона связан с мифологическими космогониями. Величественные, суровые, «грозящие драконы» летали на «облаках огромных» в первозданном, рождающемся мире, когда «лишь берега / В потопе поднялись и залегла в лога / Вода, что сброшена вновь проявленной сушей...».

Во втором терцете, выполняющем функцию сонетного ключа, передается синтез реального и мифологического времени в сознании китайца, который воплощает живую, непрерывную связь времен. Через образ мифологического дракона лирический герой стихотворения также приобщается к духовному наследию прошлого, ощущает себя неотъемлемым звеном в огромной цепи поколений.

В стихотворениях Вс.Н. Иванова проявляется общее для поэтов дальневосточной эмиграции стремление постичь духовные основы жизни Китая. В сонете Вс.Н. Иванова «Казнь» отразились особенности восточного мировосприятия, философского отношения к жизни и смерти. В культуре Китая существует развернутая система представле-

ний о жизни души после смерти. Как пишет современный исследователь-китаевед В.В. Малявин, с глубокой древности китайцы верили, что человек наделен двумя видами душ *по* и *хунь*. Тяжелая или плотская душа *по* после смерти остается с телом в могиле. Душа *хунь* бессмертна и после смерти физического тела возносится на небеса [Малявин, 2001, с. 228]. В первом катрене Вс.Н. Иванов создает сложный образ приближающейся смерти:

Широкий меч, как синий полукруг.

К мечу привязаны пурпуровые кисти:

Когда несут – они дрожат, как листья,

Которые ветра по осени метут.

[Русская поэзия Китая, 2001, с. 210].

Внимание автора дважды обращается к образу меча. Нарушение сонетного канона, не допускающего повторения значимых слов, призвано акцентировать внимание на орудии казни. С другой стороны, листья, холодные ветра – это привычные признаки поздней осени. В китайском миропонимании осень, зима ассоциируются с закатом человеческой жизни. Казнь в Китае приводили в исполнение именно осенью или зимой. Вместе с тем, листья, оторвавшиеся от ветки – традиционный поэтический образ, воплощающий неизбежность ухода. Вс.Н. Иванов использует приемы внутреннего параллелизма, скрытой ассоциации, которые выражают закон созвучия подобного и почитаются наивысшей степенью поэтичности в классической китайской поэзии. Напоминанием о смерти являются также статичная поза приговоренного – «сидит» и «недвижимый <...> лик палача».

Один из законов сонета предполагает соотношение катренов тезиса и антитезиса. В сонете Вс.Н. Иванова противопоставление таких понятий, как бренность, кратковременность человеческой жизни и бессмертие души осуществляется на всем протяжении лирического высказывания. Картина, наполненная яркими красками («синий», «пурпурный»), движением («несут», «дрожат», «метут», «струят»), не содержит навеваемого мыслью о смерти настроения. Более того, в ней присутствует оттенок торжественности: «возвышенно» сидящий приговоренный – «сластями и винами почтен».

«Мистическое», как определяет Вс.Н. Иванов, сознание китайца не допускает, что «за чредою дней он встретит только мглу». В стихотворении Вс.Н. Иванова мир вещей, природа, космос – едины: «пурпуровые кисти <...> дрожат, как листья» в порыве осеннего ветра. Так же связаны мир живых и мир потусторонний. Подлинность и кра-

сота потустороннего мира подтверждается присутствием Хуанхе, великой водной артерии Китая:

*...там стоят прекрасные селенья,
Дворцы и пагоды, оз ера, как паренья,
Которые струит весною Хуанхэ.*

[Русская поэзия Китая, 2001, с. 210].

Смерть понимается автором сонета согласно восточным религиозным учениям как начало нового цикла в бессмертной жизни души. «Жизнь вечная везде» – в этом убеждении источник жизнеспособности, духовной бодрости народа.

В стихотворениях «Казнь», «Дракон» Вс.Н. Иванова отразились наблюдения над реалиями жизни китайцев, пронизанные глубокими философскими обобщениями. Допуская некоторые отступления от сонетного канона (переносы из строки в строку, повторения значимых слов, глагольные рифмы, строки неровной длины: 5-и и 6-и стопный ямб), автор неизменно следует его главному закону – диалектичности содержания. Эта особенность жанра оказалась наиболее гармоничной для воплощения художественного замысла Вс.Н. Иванова, который в своих сонетах обращается к осмыслению таких философских категорий, как жизнь и смерть, время – вечное и преходящее.

В произведениях поэтов дальневосточной эмиграции отразилась необычность, причудливость восточного уклада жизни. Не увлекаясь внешней, цветистой стороной этого мира, поэты настойчиво исследуют устремленность восточной души к вечному, беспредельному. Важную художественную функцию в стихотворениях поэтов дальневосточной эмиграции выполняют ассоциации, намеки, которые актуализируют целый пласт мифологических, философских воззрений. Особое место в системе поэтических жанров занимает сонет, который способен, «в краткой форме воплотить мысль любой сложности и чувство любой глубины» [Ярославцев, 2000, с. 18].

Литература

- Баранов И.Г. Верования и обычаи китайцев. М., 1999.
 Ли И. Образ Китая в русской поэзии Харбина // Русская литература XX века : итоги и перспективы изучения. М., 2002.
 Малявин В.В. Китайская цивилизация. М., 2001.
 Мифы народов мира : Энциклопедия : в 2-х т. М., 1980.
 Русская поэзия Китая : Антология. М., 2001.
 Щербаков М. Корень жизни // Рубеж : Тихоокеанский альманах. 2004. № 5.

Ярославцев Г. Тайны танских четверостиший // Китайские четверостишия. Горечь разлуки. М., 2000.

**ОТРАЖЕНИЕ ЯВЛЕНИЙ ПРИРОДЫ
В БАШКИРСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ
И ИХ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОКРАШЕННОСТЬ
(на примере песен, зафиксированных
на территории нынешней челябинской области)**

Н.М. Сиражитдинова

Ключевые слова: башкирская народная песня, мифология, явления природы, родина, Урал, земля, вода, горы, солнце, ритм.

Keywords: Bashkir folk song, mythology, natural phenomenon, Motherland, the Urals, land, water, mountains, the sun, songs rhythm.

Слово-символ, возникнув еще в далекой давности, когда сознание людей еще не освободилось от мифологического мышления, сопровождает их во все времена. Если слово-символ, с одной стороны, концентрирует в себе те или иные образы, связанные с окружающим миром и восприятием этого мира, то, с другой, он связан с «элементом тайного сакрального языка» [Хисамитдинова, 1998, с. 210]. А утверждение А.А. Потебни о том, что «слово само по себе есть уже поэтическое произведение», что в нем «отразились мифологические представления человека» [Потебня, 2003, с. 12] можно применить и к башкирскому народному песенному тексту. Лирическое начало, как утверждают мифологи, в духовной культуре народов можно обнаружить и поныне. В связи с этим заслуживает внимания мысль ученого конца XIX века В. Вундта, на которую ссылается В.И. Еремина, о том, что «оживляющее свойство мифа не исчезнет вместе с исчезновением мифологического мышления как господствующего, в сильно ослабленном виде оно будет жить в любом эстетическом действии» [Еремина, 1978, с. 93].

Проблема взаимосвязи народной песни и мифологии интересует ныне ряд исследователей. Ей, например, посвящены исследования кумыкского фольклориста А.М. Аджиева, якутского ученого Л.Л. Габышевой, а русский фольклорист Л.М. Ермакова посвятила свою работу исследованию древней японской песенной поэзии, наприя-

мую связанную с мифологическими воззрениями их носителей [Аджи-ев, 1971; Габышева, 2003; Ермакова, 1995] и др. Исследователи сходятся во мнении, что в фольклорных произведениях образная мифологическая картина мира остается в течение длительного периода доминирующей идеологией предков.

В башкироведении же данное направление также является предметом внимания. Например, появились исследования по мифологии и топонимии, мифологии и этнонимии [Бухарова, 1998; Сулейманов, 2000; Сиражитдинов, 2000], разработан словарь-справочник «Башкирская мифология» [Хисамитдинова, 2002] и др. Однако проблема взаимосвязей мифа и песни продолжает пребывать вне поля зрения. Поэтому мы предприняли попытку восполнить по возможности этот пробел на примере народных песен челябинских башкир. Для анализа нами выбрано 149 песен, имеющих собственные названия¹. В данной статье мы обращаем внимание лишь на отражение явлений природы в анализируемых песнях и их взаимосвязь с мифологическими представлениями древних башкир.

В башкирских народных песнях «следы» древней мифологии можно обнаружить на уровне их лексического состава. Интересна в этом отношении **лексика, связанная с понятием «ил» («родина»)**. В анализируемых песнях активны лексемы, которые ассоциируются с родиной: «ер» (земля) в прямом значении употребляется 20 раз и лексема «һыу» (вода) – 70 раз. Народ с любовью воспевает свою родину, землю, называет ее «очень и очень красивой» («бигерэк-бигерэк йәмде»): («Песня о летовке», «Урал» и др.); и вода на родине вкусная – «һыуы тәмле», и ходить по горам – «аркаларзан йөрөү» («Иремель», «Солдатская» и др.) – приятно. В противовес даются в песнях и антонимы: моя родина и чужая родина (илгенәм – сит ил) («Саитхужа», «Кулуй кантон» и др.); моя земля и чужая земля (ер – сит ер) («На своей родине мы чужие», «Ишбирде» и др.); своя вода вкусная, а чужая – нет (һыуы тәмле – һыуы тәмһез) («Саитхужа», «Летовка»). Своя родина наделяется эпитетами золотой и серебряный (алтын ил, күмөш ил) («Окопная», «Мадинакай»). Исследователь Г.Х. Бухарова отмечает, что место обитания народа считалось «священным» [Бухарова, 1998, с. 9].

¹ Песни зафиксированы во время фольклорной экспедиции в 1962 году в Челябинскую область К. Мергеном, С. Галиным, Ф. Надыршиной, Р. Шакуром и др., Д.Ж. Валеевым (1993), а также самим автором статьи (полевые записи 1999–2008 годов).

Тюркские народы, в том числе и башкиры, как было отмечено, исповедовали до Ислама тенгрианство, которое уходило своими корнями далеко в недра языческих эпох. Широко известные путевые заметки Ахмеда ибн Фадлана – тому доказательство [Муслимов, 1996, с. 28]. Иногда имя Тенгри использовалось у башкир и в значении «ер» (земля), «күк» (небо), и в значении «ер-һыу» (земля-вода), а в некоторых случаях и в значении культа Родины [Инан, 1998, с. 41, 66]. У башкир испокон веков сохранялась традиция называть место жительства по водному источнику. Встретив незнакомого башкира, спрашивали не адрес, а воду, которую пьют его земляки: «Ты какую воду пьешь?» Ответ звучал таким образом: «Я пью воду из Миасса, там вырос» или «Я пил воду Агидели» и т.д. Данная традиция, безусловно, говорит о том, что у башкир, как и у других тюркских народов, вода была объектом поклонения. Так, например, древнейший башкирский эпос «Урал батыр» начинается с указания водного источника: «...Дүрт яҒын дингез ураткан..» («...Со всех четырех сторон море...») [БНТ, 1998, с. 27]; один из вариантов эпоса «Заятуляк и Маянхылыу» также начинается с указания озера Асылыкуль и реки Дим [БНТ, 1998, с. 178] и т.д. Воду башкиры воспринимали как живое существо. Так, в эпосе «Урал батыр», в народных волшебных сказках присутствует образ живой и мертвой воды. У башкир до сих пор есть обычай, вызванный стремлением заслужить благословение воды – класть в воду монету или камень (преподношение). С этой целью такой обряд в обязательном порядке совершает невестка [БНТ, 1995, с. 416].

Кроме того, у тюрков считалось, что вершина горы – это место, которое приближает человека к Тенгри, поэтому горы и скалы (тау-таш) почитались как священные. Сказанное подтверждается и исследователями. Абдулкадир Инан отмечал, что одним из важных элементов преклонения перед Йер-Су является почитание гор [Инан, 198, с. 66]. В песенном материале активно используется и конкретный образ Уральских гор (23 раза), и просто образ гор (15 раз): **Урал** («Урал», «Старый эскадрон» и др.), **тау** (гора) («Мужчина», «Кисегач» и др.), **бейек тау** (высокая гора) («Бутис»), **тау башы** (вершина горы) («Две березы», «Соловей, голубь» и др.), **арка еркэй** (земля с горными хребтами) («Азаматов», «Эскадрон» и др.), **аркаларзан йһрһу** (ходить по хребту или гребню гор) («Магисаруар», «Иремель») и др.

Култ гор сродни и **культу мертвых**. В древности тюрки над могилой возводили курганы, ставили балбалы, делали на камнях соответствующие надписи. Например, широко известны Орхоно-Енисейские тюркские надписи в честь Культегина. Яркий пример культа горы –

захоронения на вершине Ауш-тау в Учалинском районе Башкортостана. Тюркские народы Южной Сибири – «алтайцы, шорцы и бельтиры на самой высокой горе в честь Тенгри приносили жертвы» [Инан, 1998, с. 69] и др. В анализируемом нами песенном материале активно употребляется фраза-формула «написал свое имя на камне» («Аргужа», «Новый эскадрон» и др.). В значении культа предков, преклонения перед ними звучат также строки из песни «Урал» о том, что «...От Урала до Алтая раскинулись земли наших предков, защищая свою землю-воду, они пожертвовали свои жизни».

Фольклорист Л.Л. Габышева отмечает, что западная сторона у якутов обозначается словом *аргаа* [Габышева, 2003, с. 25]. А в тюркских языках *арка* – это «задняя сторона». В башкирском языке данное слово обозначает «спину» и этим же словом обозначают и горный хребет или гребень горы. В зафиксированных песнях челябинского края данное слово часто употребляется и, на наш взгляд, также является отголоском мифологического сознания древних башкир. По словам Л.Л. Габышевой налицо связь между словом *арка* и *tor* (башк. *түр* – почетное место), которое также по обычаю тюрков располагалось у западной стены. А линию, соединяющую вход с противоположной стороной дома, – «линией непрерывного прихода и ухода, связующей потомков с предками» [Габышева, 2003, с. 25]. У башкир же и поныне распространен обычай: дорогого человека, гостя сажать на почетное место – *түр* в связи с этим произносятся распространенные фразы типа «эйзәгез, түрзән узыҒыз» («айдите, проходите на почетное место»), «кунак урыны – түр» («место гостя – почетное»). Таким образом, приведенные выше лексемы непосредственно связаны с культом гор и культом предков.

Не менее важная особенность в выделенных словах, касающихся гор, также и соотнесение частей горы с частями человеческого тела: *тау бите* (букв.: ‘лицо горы’, в знач. «передняя сторона») («Ирале»); *тау башы* (букв.: ‘голова горы’, в знач. «вершина») («Донъя малы», «Егет»), *тау итәге* (букв.: ‘подол горы’, в знач. «склон», «низина горы») («Заркай»). Данные фразы ярко характеризуют мифологическое мышление башкир в освоении пространства, проецируя названия частей тела на окружающий мир.

В башкирской фольклористике и этнографии также внимание уделяется и верованиям, связанным с культом неба. В монографии Ф.А. Надршиной подробно рассматриваются космогонические легенды древних башкир, согласно которым созвездие Медведицы – это ковш Алпамышы, а по другим – это семь дивов или семь девушек [Надрши-

на, 1986, с. 108–110]. У башкир до сих пор бытует обычай при виде созвездия Большой Медведицы произносить, повторяя семь раз на одном дыхании заклинание-хамак: «Етегэн йондоzzo ете тапкыр кабатлаһаң, сауап була» («Семь раз повторю “Созвездие Большой Медведицы” – искуплю все грехи»).

В анализируемой нами песне «Сираев» данное созвездие путем олицетворения используется для изображения положения героя песни:

<i>...Етегэн дә тигэн ете йондоz</i>	<i>...Созвездие Большой Медведицы,</i>
<i>Арканланьп та куйҒан ат</i>	<i>Словно конь, привязанный к</i>
<i>кеүек.</i>	<i>стойлу.</i>
<i>Кайтармай за ауыл, эй,</i>	<i>Не пускают меня домой, эй,</i>
<i>карттары,</i>	<i>старика,</i>
<i>Етем үскән ете ят кеүек.</i>	<i>Словно я семикратный си-</i>
	<i>рота.</i>

[Сираев].

Положение «благородного райзбойника», как и расположение Большой Медведицы, «статично» – он в тюрьме. По народному поверью, невольник-башкир может и семь раз произносит заклинание Большой Медведице, но его грехи, «словно у семикратного сироты», не смываются.

Лексема «**кояш**» («солнце») в текстах песен ассоциируется с **көн** («день»). Как отмечает Л.Л. Габышева, «в тюркских языках <...> земля, солнечный мир является средоточием жизни: “солнце” и “жизнь” обозначались одним словом “кун” [Габышева, 2003, с. 23]. У башкир есть фразы **көнсыҒыш** (букв.: ‘восхождение дня, восток’), **көнбайыш** (букв.: ‘заход дня, запад’), **көн итеү** (жить), а лексема же «**көн**» также соответствует и космогоним **кояш** (солнце).

В анализируемых песнях непосредственно в значении «жить и вести хозяйство» данная фраза встречается в «Песне солдата»: «...Эй, бер уйлаймын кайтып **көн итергә**...» («...Эй, думаю я вернуться и **жить** дома...»). Так, народная песня склонна использовать в своем лексиконе не прямое значение солнца – «кояш», а его синтез – «көн».

Интересна и весьма содержательна с точки зрения мифопоэтики башкирских песен часто встречающаяся **фраза: «иртәнсәккэй тороп...» («Когда встану я утром рано...»)**. Из анализируемых 149 песен в 14 песнях использована упомянутая фраза («Бадрияң», «Ашкадар», «Загидулла» и др.). Люди, просыпаясь утром, совершали некий обряд с добрым пожеланием на предстоящий день, творили молитву в честь Тенгри, позже, когда установились мусульманские традиции, – утренний намаз; просили благополучия и покровительства. Кроме того,

из текстов песен явствует, что для башкир каждый новый день открывался заново, с ним связывались новые надежды и чаяния. Человек после сна как бы рождался заново для нового дневного испытания. Утро – это каждый раз новая точка отсчета, откуда начинается «кѳн».

К богатой мозаике проявлений мифологического мышления человека, связанного с окружающей природой можно отнести и своеобразный **песенный ритм**.

Нетрудно заметить, что в приемах заговорной магии, в башкирских народных сказках, активную роль играют символические цифры. Так, большое значение в заговорной магии имеет его ритм. Например, при болезни младенца, называемой в народе «ѳс йэн» («три души»), в заговорном тексте (стихе) используются сначала нечетные слоги в порядке убывания до одного, а потом, наоборот, в порядке возрастания от одного слога до семи [Сулейманов, 1995, с. 51].

Исследователь древнетюркского стихосложения Г.Б. Хусаинов, отмечает, что среднестатистический размер древнего тюркского стиха составляет 7–8 сложный размер [Хусаинов, 2004, с. 110]. С.А. Галин отмечает, что в протяжном песенном напеве-речитативе башкир структура стихосложения, в основном, опирается на 10–9 слогов. Однако встречаются и песни с 8–8, 8–7, 7–7 и даже 1–14 сложными размерами [Галин, 1979, с. 234]. Озон кѳй (протяжная песня), как правило, имеет 10–9-сложный размер. Исполнитель при импровизации добавляет в те места, где не хватает должного слога междометия типа «э-эй», «а-ай» или повторно протягивает окончания слов типа «тауышкайым-мы-ы-ы».

Ритм и ритмика челябинских башкирских песен выдерживается в 10–9 слогах, например, песни «Сайка батыр», «Иремель», «Мадина-кай» и др. Ровное количество слогов дает и ровный ритмический рисунок. Но встречаются в песнях и строки с неровным или неодинаковым количеством слогов, которые при начертании слогового рисунка напоминают не только ландшафт, но и некую «кардиограмму» песни. Например, слоги в песенных строках «Урал» а (вариант С. Султанбекова) располагаются в следующем соотношении: 10–9–10–9–10–11–11–12–11–11–10–11–10. Если начертить схему (по вертикали – количество слогов в строке; по горизонтали – строки песни), то отчетливо проглядывается уральский пейзаж: 10–9, 10–9 – это склоны гор, остальные разрезы – хребет горы, а 11–12 – это пик.

«Кардиограмма» же вариантов одноименных песен, имеет тенденцию сохранять определенный ритм. Например, все песни с названиями «Азаматов», «Азаматов кантон» имеют в основе 10–9-

сложный размер, лишь в трех вариантах встречается по одному 11-сложному размеру, который приходится на строфы, повествующие о бренности жизни, и о том, что кони Азаматова возвращаются на родину без своего хозяина. Характерно, что эти самые строфы определяют и лейтмотив песен об Азаматове кантоне.

Среди всех анализируемых нами песен по количеству слогов отличается песня «Эй-хей, кукушка»: 8–8–8–8–8–8–8–8–6. Предпоследняя строка песни, как было указано выше, передает ностальгию по быстро пролетевшей жизни, последняя – печальное и прощальное кукование кукушки. Как бы в унисон словам песни слоговая картина по-своему тонко подчеркивает (...8–6) наступивший закат жизни героя.

Из этого следует, что даже своеобразный ритм в песнях локально изучаемого нами региона создает тональность мифологического мироощущения, отразившегося в поэтическом наследии наших предков.

Таким образом, выделяемые в народном песенном материале челябинских башкир явления окружающей природы, во-первых, служат для создания яркой поэтической картины, во-вторых, привносят в песенный текст мифологическую окрашенность, связанную с поверьями древних башкир, что вкупе и создает национальную песню. Иначе говоря, народная песня состоит из формулы «окружающая природа + человек + слово-символ + ритм», обрамленной степенью мифологичности.

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ Й.Г. ГАМАННА И ПРОБЛЕМА ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Л.С. Аликаева

Ключевые слова: лингвофилософия, Й. Гаманн, герменевтика текста, нарративный дискурс.

Keywords: lingo philosophy, J. Hamann, text hermeneutics, narrative discourse.

«Северный волхв» Й.Г. Гаманн – чрезвычайно оригинальный и парадоксальный мыслитель, которого считают также одним из предшественников немецкого идеализма в философии и литературного движения «Бури и натиска». В его творчестве принято выделывать три

периода активной литературной деятельности: 1759–1763, 1772–1776 и 1779–1784 годы. Однако практически всегда из-под его пера выходили небольшие публикации, «все они были вызваны особенными поводами, опубликованы вовсе не по собственной инициативе и тем более не для заработка», все они были «воистину публикациями по случаю, полными ссылок на конкретных персон и конкретные места, полные связей с сиюмоментными явлениями и переживаниями, одновременно полные и намеков на мир книг, в котором он жил» [Roth, 1821, I, VIII].¹

В числе основных областей интересов Гаманна следует отметить язык, познание и самопознание, природу человеческой личности, сексуальность, отношение человечества к Богу. Поводом для размышлений на ту или иную тему для Гаманна часто становились публикации современников, на которые он давал едкие, иной раз пародийные рецензии. В них он обыгрывал терминологию и сам стиль изложения рецензируемого автора и насыщал их тонкими аллюзиями, намеками, риторическими фигурами. Свои работы Гаманн нередко подписывал разнообразными, весьма вычурными псевдонимами – Сократ, Аристокл, Провинциал, Швабский священник, Абельяр Вирбий, Рыцарь Розенкрейцер, Адельгунда, Сивилла, Северный Волхв², Экс-Мандарин Мьен-Ма-Гоам и др. Эти псевдонимы позволяли ему, очевидно, еще более успешно пародировать аргументы своих оппонентов и доводить их до абсурда, нужного Гаманну. Кроме того, по мнению Розенкранца, тем самым Гаманн пытался соответствовать вкусам и моде той эпохи, в которой тайны, секретные ордена, Калиостро и Сведеборг, месмеризм были объектом крайнего интереса. Он своим знакомым и друзьям дает соответствующие прозвища: Катарина Беренс – его Аспазия, Й.Г. Гердер – его Декан (намек на Дж. Свифта), Й.К. Лафатер – его Иоанн, Г.Х. Якоби – его Ионафан, Х. Буххольц – его Алквиад. В заголовках его трудов мелькают самые разные сюжетные параллели, взятые им из античной классики, иудаистской литературы, сказаний, либо придуманные им (например, письмо к ведьме Кадмомбор).

Стиль своих работ Гаманн еще 27 июля 1759 года в достаточно резком письме к И. Канту сравнил с прыжками саранчи: «Каждое животное в мышлении и написании имеет свою походку. Один движется прыжками, как саранча; другой – взаимосвязанными движениями, как уж по колее ради надежности, в которой так нуждается его строение.

¹ Здесь и далее: римскими цифрами обозначены тома из Roth Friedrich V., Wiener Gustav Adolf (Hrsg). Hamanns Schriften und Briefe. 9 Bde., 1821-1843.

² Это прозвище дал Гаманну Карл Фридрих фон Мозер, а Гаманн его похватил [Simon, 1967, с. 246].

Один идет напрямик, другой – наискось» [Roth, 1821, I, с. 442]. Тем самым он подчеркивает преимущества своего общения с читателем перед строгой логикой Канта: используя различные приемы, он побуждает читателя думать дальше, извлекать больше из текста. В письме к другу И.Г. Линднеру Гаманн приводит еще одно описание своего стиля письменной речи: «То на горы, то на холмы я прыгаю, как проворная серна, и поднимаю пыль. Вы знаете, что образ моего мышления бес- связан и так же, как и моя манера писать, мало следует как бык за плугом» [Roth, 1821, I, с. 48]. Ему же он сообщает в конце 1759 года о скором выходе своих «Сократических достопримечательностей», говоря: «Я не дорос до истин, принципов, систем. Крохи, фрагменты, фантазии, причуды» [Roth, 1821, I, с. 497].

В своей последней опубликованной при жизни работе «Листовка никому, распознаваемому, касательно обнажения и преобразования одного проповедника» (1786/1787) Гаманн отвечает на критические выпады в свой адрес со стороны «Всеобщей немецкой библиотеки», выстраивая свою «метакритическую парадигму» (*metakritisches Paradigma*) [Roth, 1825, VII, с. 118]. Одно из них касается его языка, поэтому, перечислив все свои основные труды, Гаманн восклицает: «То, что я написал, я не могу отрицать, но должен лучше уж сам признать, как единственный правомочный свидетель этой истины. Лишь она одна одинакова для оценки и улучшения ушедших дел и фактов. Надо ли мне самому становиться своим собственным обличителем и судьей касательно того способа, каким я писал? <...> Поскольку без попыток нельзя ни проверить и сформировать таланты, ни распознать их недостатки и слабости, то и искушение писать является само по себе в той же малой степени профессией, в какой и грехом» [Roth, 1825, VII, с. 93].

Правда, лишь немногие из современных ему читателей были готовы к подобному «чтению с погружением», «плаванию» в контекстах, большинство современников воспринимало его труды в контексте просвещенческой парадигмы того времени, отвергало его сложные, требовавшие глубокого культурного декодирования рассуждения. Но Гаманн неоднократно утешал себя надеждой: «Легко можно преодолеть сердечные муки, вызываемые непониманием и связанным с ним гонением со стороны современников, предвкушением силы грядущего поколения» (предисловие к «Крестовым походам»). Критикам же (в частности, Канту и Беренсу) он советует не смеяться над его «очками силы эстетического воображения», поскольку ими он вынужден вооружать «глупые очи своего разума» [Roth, 1821, I, с. 443–444].

Все эти обстоятельства объясняют те невероятные сложности, с которыми связаны интерпретация и самое понимание его работ и то обилие публикаций о Гаманне, первая, по всей вероятности, из которых относится к 1812 году [Reichardt, 1812]. Тем не менее строгое хронологическое исследование научного наследия Гаманна не оставляет места для спекуляций относительно «неясности» его трудов, за исключением тех фрагментов, смысл которых ускользает от современного читателя из-за потери тонкого и интимного контекста того месяца (и даже дня), когда Гаманн писал свой труд.

В научной литературе можно встретить суждение, что для Гаманна каждая публикация представляла собой ристалище, на котором он состязался с читателем, испытывая глубину интуиции последнего. Такая позиция была избрана Гаманном заведомо и осознанно, поскольку, как он полагал, «писатель, который спешит быть понятым ныне или завтра, рискует быть неверно понятым послезавтра».

Именно Гаманна можно считать создателем термина «*метакритика*», который отражает весь стиль его размышлений с опорой на мнение оппонента (во всяком случае, Гердер, которому иногда приписывают авторство этого термина, использовал его впервые в 1799 году, между тем как в манускриптах Гаманна он фигурирует как минимум на двадцать лет раньше) (см.: [Dickson, 1995; 1998; Feist, 1996; Kawanago, 1993/94; Knoll, 1989, с. 1190–1191]). Метакритика Гаманна сочетала основательную герменевтическую критику (в частности, рационалистических позиций Просвещения) с самокритикой. Любой философский вопрос предполагает диалог также, как знание предполагает знание себя и знание другого. Отвлекаясь от характерного для XVIII века противопоставления чувства и разума, Гаманн сравнивает первые с желудком, а второй – с кровяными сосудами, настаивая на их взаимозависимости. Это определяет **особое место, которое пристало Гаманну в истории философии языка XVIII века**: не быть ни материалистом, позитивистом, эмпириком, ни идеалистом, рационалистом. Единство разума и чувств выступает у Гаманна как *communicatio idiomatum*. Этот термин, который в христианской теологии означал способ соединения божественного и человеческого в Христе, Гаманн сопоставляет с «обычным языком» (*ordinary language*).

Важное качество, отличающее стиль мышления и научного творчества Гаманна, – это стремление объединить рассуждения о совершенно разных предметах (Боге, познании, человеческой сексуальности и т.п.) в единый контекст, который, правда, трудно назвать системой взглядов. Гаманн неоднократно подчеркивает калейдоскопичность че-

ловеческого мышления и знания, он настаивает на существовании массы противоположностей, противоречий в них, анализирует персонификацию («просопопею»), чтобы разобраться в них. Немаловажную очищающую роль должен играть в этом процессе язык, поскольку именно на нем основаны разум и философия, он способен **примирить эстетическое и логическое начала человека**. Язык выступает как посредник между Богом и человеком, он обладает «генеалогическим приоритетом» перед разумом и мышлением.

А. Рудольф, анализируя в своей монографии «Фигуры сходства» различные приемы аналогии, применявшиеся, начиная с древнегреческой античной философии и до И. Канта, отмечает это как характерную черту стиля Гаманна, важную аргументативную и стилистическую характеристику его текстов [Rudolph, 2006]. Семантика каждого понятия, по мнению Рудольфа, охватывает у Гаманна сопряжение (*Verähnlichung*), установление соответствия, совпадений, а также притчу и метафорическую картину. Это справедливо, однако, только, когда Гаманн рассуждает об аналогиях. Но когда он их применяет сам, то использует их в том же пропорциональном порядке, что и у Платона и Аристотеля. «Запутанность» текстов Гаманна объясняется именно этим обстоятельством, а сами тексты представляют собой «аналогично упорядоченные симметрии». К тому же Гаманн прибегает постоянно к ситуативно связанным образам, ключом к которым чаще всего является аналогия с образами и аллюзиями в предыдущих работах. Он постоянно оперирует эпитафиями на латыни, древнегреческом и древнееврейском, пересыпает текст цитатами и стихотворениями античных авторов, которые ленивому или невежественному читателю не дают важных ключей к пониманию изложенных в труде Гаманна идей, но открываются во всем блеске тонкому, начитанному и образованному читателю, «умеющему плавать» (согласно любимой цитате Гаманна из Сократа).

В качестве примера можно привести здесь выражение *gelehrte Republik*, которое постоянно встречается в критических публикациях Гаманна. Его декодирование обеспечивается хронологическим анализом публикаций: Гаманн чеканит это будущее клише-мишень для своих выпадов, отвечая на критику своих работ в «Гамбургской газете из царства разума и учености». Совокупность критиков-просвещенцев превращается для него – по метонимическому переносу с названия газеты и с учетом политического строя в Гамбурге – именно в «ученую республику». Такой способ чеканить понятия весьма характерен для Гаманна в целом.

Что же касается сложности интерпретации Гаманна, то наиболее точно объяснил ее Гете: «Если невозможно присоединиться к его глубине, бродить с ним на его высоте, охватить те образы, которые витали у него перед глазами, извлечь смысл даже одной смутной цитаты из бесконечно обширной литературы, то вокруг нас становится еще более мрачно и темно, чем более мы его изучаем, и эта тьма с годами будет все более сгущаться, поскольку его намеки были преимущественно направлены на конкретные особенности, господствовавшие в тот момент в жизни и литературе» [Goethe, 1948, с. 515]. Даже то обстоятельство, что Гете располагал рукописями с собственноручными глоссами Гаманна с указанием на источники его цитат, никак не помогало понять до конца смысл его работ. И поэтому каждый раз, открывая «сивиллины листки» Гаманна, Гете полагал, что находит нечто новое, поскольку «присущий каждой цитате смысл многообразно трогает нас и волнует» [Goethe, 1948, с. 515].

Об этом же писал Г.В. Гегель, который полагал, что труды Гаманна не написаны в каком-то своеобразной стили, а они и есть этот стиль [Hegel, 1956, с. 221]. Более того, «во всем, что вышло из-под пера Гаманна, эта личность столь пронзительна и столь превалирует, что читатель практически повсеместно обращает свой взор более на нее, чем на то, что следовало бы считать содержанием» [Hegel, 1956, с. 221]. Несмотря на представления о Гаманне как иррационалисте, активно борющемся с Просвещением в своих трудах, Гегель полагал, что Гаманн «помещает себя в центр проблемы разума» [Hegel, 1956, с. 270]. Более того, Гаманн, по мнению Б. Либрукса, вообще впервые выдвинул отношения между философией и языком на первый план размышлений своей эпохи. Проблема разума для Гаманна не могла быть поставлена в отрыве от языка, она неразрешима в том виде, в каком ее поставили сторонники Просвещения (разум как абстрактное, «чистое» явление). Однако он описывает глубокую религиозность Гаманна как «твердью, в коей он уединяется» [Hegel, 1956, с. 239].

Правда, Гегель критически оценивал способность читателей понять сложный целостный текст Гаманна, поэтому он и инициировал антологию его работ, а не собрание сочинений [Simon, 1967, с. 12]. Это было продиктовано желанием продемонстрировать те «жемчужины», которые, как полагал Гегель, и были главным достоинством идейного наследия Гаманна. Не зря и Гаманн неоднократно писал о публике как о Протее. Мы никак не можем согласиться с мнением Гегеля, поскольку сами «жемчужины» Гаманна невозможно оценить и понять вне хронологически выверенного контекста всех его работ.

Важно отметить, что для понимания всей полемики, которую ведет Гаманн с современниками, крайне существенна его дихотомия «человека во Христе» и «естественного человека» (просвещенца), которые относятся друг к другу как бодрствующий человек ко спящему глубоким сном и видящему сны и даже как к лунатику: «Глубокий сон более всего походит на смерть, безо всякого размышления, без какой-либо деятельности. У спящего могут быть более живые представления, чем у бодрствующего, он может более видеть, слышать, думать, чем тот <...> , будучи создателем новых предметов, великих обстоятельств. Всё для него истинно, и, однако, все есть обман» [Roth, 1821, I, с. 418]. Другая аналогия сторонника Просвещения с лунатиком еще более красноречива: «Лунатик – это в полном смысле портрет практичного, деловитого человека, который говорит, действует со всей осторожностью, осмысленностью и связностью, совершает опасные предприятия с большей уверенностью, чем он мог бы или стал бы делать с открытыми глазами» [Roth, 1821, I, с. 418].

В целом «человек во Христе» определяет все то, о чем пишет Гаманн, даже если предмет, на первый взгляд, не связан напрямую с религией. Но для Гаманна с нею связано все абсолютно, поэтому так важно приблизиться к его трактовке языка постепенно, пользуясь его собственными подсказками, оставленными нам в его истории собственного приближения к Богу.

Литература

- Dickson Gwen Griffith. Johann Georg Hamann's relational metacriticism: Berlin (u.a.), 1995.
- Dickson Gwen Griffith. Hamanns relationale Metakritik, oder: Geselligkeit ist das wahre Principium // Bayer Oswald (Hg.) Johann Georg Hamann : Der hellste Kopf seiner Zeit. Tübingen, 1998.
- Feist Udo, Dickson, Gwen Griffith. Johann Georg Hamann's relational metacriticism. Berlin, New York, 1995 // Theologische Literaturzeitung, 1996. № 10.
- Goethe J.W. von. Dichtung und Wahrheit // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Band 10. Hamburg, 1948.
- Hegel Georg Wilhelm Friedrich. Hamanns Schriften // Hegels Sämtliche Werke. Bd. XI : Berliner Schriften. Hamburg, 1956.
- Kawanago Yoshikatsu. Kritik und Bewahrung. "Metakritik" als philologisch-hermeneutische Haltung gegenüber der Tradition // Language/Information/Text, The University of Tokyo, Graduate Division of International and Interdisciplinary Studies, Language and Information Sciences. 1993/94. Vol. 1.
- Knoll Renate. Hamann und die Anbetende Kirche. Tübinger Einführung // Landau- S. u.a. (Hg.): Ratio. FS für R. Röhricht. Waltrop, 1989.
- Reichardt Johann Friedrich. Kant und Hamann // Urania, Taschenbuch für Damen auf das Jahr, 1812.

Roth Friedrich V., Wiener Gustav Adolf (Hrsg). Hamanns Schriften und Briefe. 9 Bde., 1821-1843.

Rudolph Andre. Figuren der Ähnlichkeit. Johann Georg Hamanns Analogiedenken im Kontext des 18. Jahrhunderts, Tübingen, 2006.

Simon Josef. (Hg.). Johann Georg Hamann. Schriften zur Sprache. Frankfurt am Main, 1967.

ЭВОКАЦИЯ ОБОНЯТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале рассказов А.П. Чехова)

Н.А. Куликова

Ключевые слова: запах (одорант), знак, вербализация, коммуникация, эвокация.

Keywords: smell (odorant), mark, verbalization, communication, evocation.

В структуре речекоммуникативного акта (Говорящий (Автор) – Текст – Слушающий (Читатель)) текст рассматривается как сообщение или «канал связи» между субъектами коммуникации, когда понимание текста возможно при учете динамических процессов внеязыковой действительности, ведущих к возникновению текста. Данное обстоятельство выдвигает исследование категории художественной эвокации, объединяющей проблемы языка и художественного текста, затрагивающей вопросы воспроизведения и соотношения художественного текста с миром действительности.

На современном этапе эвокация рассматривается как «напоминание», отсылка к читательскому опыту [Василенко, 2007, с. 83]. Развитие эвокационных исследований доказывает продуктивность использования методики эвокационного сопоставления, что позволяет сделать вывод о возможностях исследований, ориентированных на человека, когда в качестве объекта эвокации выступают другие тексты, ситуация действительности, а также ментальные образы, возникающие на основе восприятия ситуации действительности.

Ощущение, как факт отражения свойств предметов объективного мира, возникает при их непосредственном воздействии на органы чувств. Соответственно числу органов, воспринимающих раздражения, различают пять основных групп ощущений: зрительные, слуховые,

осязательные, обонятельные, вкусовые. Обонятельные феномены можно рассматривать с двух позиций: во-первых, с позиции физиологического проявления запаха и его восприятия, во-вторых, с позиции языкового выражения результатов процесса восприятия. Именно вербализованный запах находится в центре исследования одорического компонента художественного текста, его отношения к внетекстовой действительности, связанного с процессом передачи и обработки информации.

Для осуществления речекоммуникативного акта необходимо, чтобы некий субъект сначала воспринял запах и сформировал собственный обонятельный образ. Предположим, что в саду расцвел жасмин. Субъект воспринял запах жасмина как знак, при помощи которого передается информация: в саду растет жасмин, наступило время года, когда жасмин зацветает. При этом у Субъекта восприятия формируется образ, имеющий следующие составляющие: во-первых, качество запаха (запах оценивается как тонкий, резкий, приятный или неприятный); во-вторых, сфера применения запаха (эстетическая, утилитарная и др.).

В процессе речевой коммуникации информация о запахе передается при помощи языковых средств: Субъект восприятия – Говорящий, при помощи знаков естественного языка передает собственные обонятельные образы. Слушающий воспринимает вербально выраженный обонятельный образ и соотносит его с собственными образами, возникшими на основе личных ощущений. Обонятельные образы Говорящего и Слушающего могут частично не совпадать, однако в целом в результате процесса эвокации языковые средства призваны «напомнить» Слушающему образы, возникшие на основе личного восприятия.

Так, если Слушающий имеет опыт восприятия запаха жасмина, то при одном упоминании о запахе жасмина воссоздаст собственный образ, связанный с этим запахом. В случае когда Слушающий не имеет опыта восприятия такого запаха, речевые усилия Говорящего не приводят к пониманию обонятельного образа.

В творческой деятельности запах является предметом осмысления и интерпретации. Ситуация восприятия запаха, при которой у воспринимающего субъекта формируются обонятельные образы, вербализованные Говорящим в коммуникативном процессе посредством художественного текста, а затем воспринятые Читателем текста, содержат эвокационные сигналы, вызывающие воспоминания о запахе, воссоздающие определенный обонятельный образ. Эвокационные сигналы – лексемы с семантикой запаха (*запах, аромат, благоухание, вонь, смрад, пахнет, источает, благоухает, воняет*). Такие лексемы являются ми-

нимальными носителями информации о запахе, указывающими на наличие обонятельных образов в художественном тексте.

По мнению Риндисбахера, перед лингвистикой стоит вопрос о недостаточности терминологии для передачи обонятельных ощущений [Риндисбахер, 2000, с. 86]. Несмотря на ограниченный круг лексем, обозначающих запах, в прозе А.П. Чехова активно эвоцируются разнообразные запахи. Материал чеховской прозы позволяет обнаружить и рассмотреть варианты языкового выражения запаха в художественном тексте.

Следуя за компонентным анализом структуры некоторых типов предложений со значением восприятия, предложенным Г.А. Золотовой [Золотова, 2001, с. 214], представим базовую модель лингвистически выраженного одорического образа, в которой учитываются источник запаха (что пахнет), содержание запаха (чем пахнет), способ распространения (как пахнет), место распространения запаха (где пахнет), качественные характеристики запаха (как пахнет) и субъект восприятия (кто ощущает запах). Рассмотрим предложенную модель на примере:

Мой друг, граф Корнеев, стоит позади, у самой церковной двери, за ктиторским шкафом, и продает свечи. Он прилизан, примазан и испускает из себя наркотический, удушливый запах духов (Драма на охоте, Т 3, с. 317).

Источник запаха – «мой друг, граф Корнеев», содержание запаха – запах духов, способ распространения – «испускает», качественная характеристика запаха – «наркотический, удушливый». Место распространения запаха – вокруг графа и субъект восприятия выражены опосредованно.

Удушливый (стесняющий, затрудняющий дыхание) запах духов указывает на неумелое использование духов графом. Корнеев не пользуется духами постоянно, он «прилизан и примазан» по особому случаю. В соответствии с представленной моделью, в описании средств эвокации запаха выделяются четыре существенных момента.

Во-первых, представление о запахе является предметным, и передается прежде всего через название конкретного предмета, от которого он исходит или которому он свойственен. Разнообразие обонятельных восприятий велико, при этом язык не дает каждому из запахов собственное название:

Погода – так себе. То и дело дождь, что наводит на купующих и куплю деющих некоторое уныние. Воздух великолепен. Московские

запахи отсутствуют. Пахнет лесом, ландышами, дегтем и как будто бы чуточку хлебом (Ярмарка, Т. 1, с. 247);

Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гуще (Толстый и тонкий, Т. 2, с. 250).

Из материала видно, что предметы пахнут «сами собой», создавая обонятельную атмосферу вокруг персонажа, в доме, в саду, в деревне, на городской улице и пр.

Во-вторых, номинации, обозначающие запах, как правило, не содержат в себе оценочной характеристики, за исключением слов с яркой отрицательной семантикой (*кислятина, угар, помои*). Оценочность – степень интенсивности и качество запаха – передается при помощи предикатов и актантов:

Ночь была хорошая, тихая. Тонкие ароматы носились по воздуху и нежно заигрывали с его лицом (Барьяня, Т. 1, с. 264);

Хозяин чиркнул спичкой, навонял серой и осветил стены, украшенные премиями «Нивы», видами Венеции и портретами писателя Лажечникова и какого-то генерала с очень удивленными глазами (Невидимые миру слезы, Т. 3, с. 47);

Над городом стоят зловонные туманы, а туманы эти состоят из микроорганизмов, производящих болезни... (Встреча весны, Т. 1, с. 141).

В нашем понимании интенсивность связана с категориями количества и качества и выражает оценку, связанную с интерпретацией данных категорий в отношении к субъективному и объективному: интенсивность запаха отражает не столько реальную меру явления, сколько представление о ней субъекта. Указание на субъективную интерпретацию помогает Слушающему наиболее адекватно оценить созданный образ.

В-третьих, наиболее частотный и нейтральный глагол «пахнет» может быть использован для фиксации как приятных, так и неприятных запахов:

Она говорила в одно и то же время с матерью и целовала брата в его колючие усы, от которых пахло прокисшим вином, гладила его по плечи, по щекам и жалась к нему, как перепуганная собачонка. (Цветы запоздалые, Т. 1, с. 393);

Одета она была в черное и старательно причесана, и пахло от нее свежими духами: очевидно собиралась в гости или ждала к себе кого-нибудь (Жена, Т. 7, с. 463).

Глаголы с семантикой запаха имеют определенную степень интенсивности: сильный неприятный – «воняет», сильный приятный – «благоухает». Глаголы, не имеющие семантики запаха (обдаёт, издаёт, стоит и др.), а так же нейтральный глагол «пахнет» приобретают оценочность только в контексте. Такой прием помогает Говорящему сохранить нейтральное отношение к ситуации восприятия:

Несмотря даже на то, что от Лимонадова сильно пахло жженными перьями, а на Финогенове были чужой фрак и сапоги с кривыми каблуками, он был доволен. Они нравились его дочке, веселили ее, и этого ему было достаточно! (Трагик, Т. 2, с. 185).

И наконец, запах в прозе Чехова описывается с позиции воспринимающего субъекта – в соответствии с тем впечатлением, которое запах производит на субъекта восприятия. Субъект восприятия часто имплицирован, его существование вытекает из лексического значения глагола: «Если предложение сообщает о восприятии, существует субъект этого восприятия, и язык находит различные способы указания на него» [Золотова, 2001, с. 218]. В связи с этим запах характеризует и объективную сторону обозначаемого явления, и эмоционально-психическое состояние субъекта восприятия.

Базовая модель эвокации запаха, с точки зрения способа реализации, является полной. Представленная модель в художественном тексте функционирует в виде вариантов: неполной модели, минимальной модели, сверхполной модели, существование которых обусловлено особенностями передаваемых обонятельных образов.

Неполные модели предполагают отсутствие какого-либо компонента структуры, характерного для базовой модели. Имеющихся компонентов достаточно для выражения заложенного смысла:

Воздух, сладострастно знойный и душный от запаха гелиотропа, еще более раскаляется от слов любви и песен. Сады, леса и воды, тихо засыпая, внемлют соловью... Любви, любви! (Отвергнутая любовь, Т. 2, с. 15);

Еще достаточно холодно, под навозом еще снег, деревья мертвы, но уже пахнет весной и, укладываясь на ночлег, шумно кричат грачи (Шуточка, Т. 5, с. 24).

Неполнота модели проявляется в отсутствии способа распространения и источника запаха. В первом случае отмечается запах гелиотропа (небольших цветов, собранных густыми соцветиями, издающих ва-

нильный аромат), которым насыщен воздух. Этот запах не имеет обычного движения (*пахнет, исходит, издает*) поскольку запах знойный, душный, раскаленный, поэтому он не движется. Во втором примере трудно сказать, что именно имеет запах весны: снег, воздух, деревья или что-то еще.

Минимальная структура одорической модели отмечается в случае отсутствия основных компонентов, присущих для базовой модели. Семантика запаха передается только при помощи эвокационных сигналов (минимальных языковых средств):

Был тихий вечер. В воздухе пахло. Соловей пел во всю ивановскую. Деревья шептались. (Скверная история, Т. 1, с. 220).

В приведенном примере эвокационный сигнал запаха «пахло» указывает на то, что в тексте имеет место какой-то запах, у которого нет ни источника, ни содержания. Качество запаха Слушающий домысливает исходя из контекста и личного обонятельного опыта.

Сверхполная модель выражается в дополнении базовой модели избыточными средствами, указывающими на особенность ситуации восприятия:

Марк вытолз из своей коморки недаром. Сегодня день именин княжны, и он должен отворять дверь визитерам и выкрикивать их имена. В передней пахнет не кофейной гущей, как обыкновенно, не постным супом, а какими-то духами, напоминающими запах яичного мыла. В комнатах старательно прибрано (Раз в год, Т. 2, с. 135).

Для базовой модели достаточно указания на то, что «в передней пахнет какими-то духами». Сверхполная модель позволяют описать не одну, а две ситуации восприятия: как в доме пахнет обычно и как пахнет в особенном случае. Два описания запаха в одном одорически значимом компоненте позволяют дифференцировать ситуации обыденности и торжественности. Избыточная характеристика, построенная на основе приема отрицания: пахнет не кофейной гущей и не постным супом, указывает на особенность (один раз в год) ситуации восприятия запаха.

Представленная модель эвокации обонятельных образов и функционирование ее вариантов позволяет сделать вывод о том, что в художественном тексте обонятельный образ реализован языковыми средствами, требующими сопоставления с запахами-образами, возникающими в процессе восприятия. Языковое выражение запаха выступает в роли знака, помогающего Читателю «вспомнить» личный обонятельный опыт, при этом понимание и интерпретация представленных обра-

зов возможны при условии существования контекста (фрагмента или целого художественного текста).

Текст художественного произведения представляет собой многомерное смысловое пространство, обеспечивающее коммуникативную деятельность Говорящего и Слушающего. В текстах А.П. Чехова для эвокации запаха используются средства и модели, позволяющие создать своеобразную знаковую систему – вторичную реальность. В этом случае репрезентация обонятельных ощущений становится способом передачи информации и создания художественного образа, ориентированного на личный опыт Читателя.

Литература

Василенко Т.Н., Ожмегова Ю.В., Савочкина Е.А., Сим О.А., Чувакин А.А. Новые возможности лингвоэвокационных исследований // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3.

Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 2001.

Риндисбахер Ханс Д. От запаха к слову: Моделирование значений в романе Патрика Зюскинда «Парфюмер» // Новое литературное обозрение. 2000. № 43(3).

Чехов А.П. Собрание сочинений в 18 томах. М., 1976.

Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: Основы эвокационного исследования. Барнаул, 1995.

Чувакин А.А. Об условиях функционирования текста // Человек – Коммуникация – Текст. Барнаул, 2002.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ «ВОСПОМИНАНИЯ» В РАССКАЗАХ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ

Н.В. Савицкая

Ключевые слова: смысловое поле, воспоминание, индивидуализация, иллюзорность, непрочность, временной блок.

Keywords: semantic area, reminiscences, individualization, illusority, fragility, temporal block.

Анализ пространственно-временной организации рассказов Т. Толстой позволяет говорить о концептуализации в них сферы воспоминаний. Это является частной реализацией такой авторской осо-

бенности художественного времени, при которой происходит его индивидуализация, то есть пребывание определенного героя в его собственном времени, ход которого подчинен не общему космическому закону, а исключительно внутреннему маятнику души героя.

Смысловое поле «воспоминания» чрезвычайно актуально для многих героев произведений Т. Толстой. Оно становится настолько значимым, что прошлое заменяет ему настоящее и будущее и герой существует в этой иллюзорной парадигме, ежеминутно переживая в памяти то, что уже давно в реальности пережито.

«Здесь совершенно равноправно могут сосуществовать и образы реальной действительности, и элементы прошлого опыта индивида, воспроизведенные в несколько искаженном виде с помощью механизмов памяти, а также самые разнообразные, чисто фантастические построения. Все эти элементы могут перемешиваться и сочетаться друг с другом самым причудливым образом» [Зобов, 1974, с. 21].

Компоненты поля «воспоминания» представлены в рассказах Т. Толстой разнообразно с помощью ключевых для их выражения и понимания знаков. Указанное поле обладает рядом признаков, которые позволяют дифференцировать его в смысловой системе текстов Т. Толстой, и имеет некоторые черты, определяемые «действительностью, отраженной в сознании автора» [Болотнова, 1992, с. 14]. «В объективации данного поля ведущая роль принадлежит языку <...> как одному из важных компонентов речевой коммуникации [Болотнова, 1992, с. 16] между сознаниями автора и читателя. «Данные особенности определяются свойствами языковых средств» [Падучева, 1986, с. 121].

1. Ядро смыслового поля «воспоминания» в произведениях Т. Толстой составляют смыслы непрочности, зыбкости, иллюзорности. Они репрезентированы определенными языковыми средствами.

1.1. Сравнительными оборотами и лексемами, имеющими семантику сравнения: «*Платье похожее, как у Сони*» (Здесь и далее выделено нами – Н.С.) [Толстая, 2007, с. 5]; «*Сморкаешься, сморкаешься без конца, как Соня*» [Толстая, 2007, с. 5]; «... в голове остается только след голоса, бестелесного, как бы исходящего из черной пасти телефонной трубки» [Толстая, 2007, с. 5].

Языковые средства подчеркивают определенную связь прошлого с настоящим, выраженную избирательно, в виде отдельных слабых воспоминаний – «платье», «манера поведения». Общий поток воспоминаний, связанный с определенным человеком, с каждым днем все дальше уходит в прошлое, и в памяти людей, когда-то знавших его,

остаются только отдельные фрагменты, по тем или иным причинам оказавшиеся важными, значимыми: « *И Александра Эрнестовна, милая Шура, реальная, как мираж, плывет, улыбаясь, по дрожащему перелуку за угол, на юг <...> плывет, тает и растворяется в горячем полдне*» [Толстая, 2007, с. 64].

В данном случае сравнение выражено сочетанием слов, являющихся, по сути, оксюмороном. Существительное «мираж», употребленное в лексическом значении ‘обманчивое видение, нечто кажущееся, призрачное’, указывает на противоположность означенного феномена какой бы то ни было реальности. Этим сочетанием слов автор акцентирует существование особого пространства и времени воспоминаний, в котором бытуют герои рассказа «Милая Шура» – Александра Эрнестовна и ее возлюбленный Иван Николаевич.

1.2. Обилием глаголов и прилагательных с семантикой избирательности, остаточности, а также неувимости и непрочности воспоминаний.

«*Жил человек – и нет его. Только имя осталось – Соня*» [Толстая, 2007, с. 5]. Глаголом в сочетании с модальной частицей «только», имеющей семантику выделения, ограничения, подчеркивается мимоletность и бренность человеческой жизни, после ухода из которой от уникальной, ценной самой по себе личности с ее мыслями, мечтами, намерениями и поступками остается – страшно подумать! – только имя. Но вместе с тем здесь утверждается и определенная значимость умершего человека для тех, кто был с ним знаком, ибо имя его осталось в их памяти.

«*А смеющаяся компания порхнула прочь и, поправ тугие законы пространства и времени, щебечет себе вновь в каком-нибудь недоступном закоулке мира и, может быть, покажется вновь на одном из поворотов пути...*» [Толстая, 2007, с. 6].

Глаголы «порхнуть» и «показаться» связаны с семантикой быстрого, кратковременного появления и мгновенного перемещения, акцентируя смысл неувимости воспоминаний, приходящих на память согласно недоступным рациональному пониманию законам. Выбор лексем указывает на эфемерность воспоминаний. Вместе с тем подчеркивается их парадоксальная самостоятельность, независимость от вспоминающего.

«*Там, в Крыму, невидимый, но беспокойный, взад-вперед по пыльному перрону ходит Иван Николаевич, волнующийся, недоумевающий...*» [Толстая, 2007, с. 62]. Указание точного места происходящего и употребление глагола «ходить» в настоящем времени делает для чи-

тателя возможным восприятие героя как живого, в то время как ему доподлинно известно, что Иван Николаевич давно умер. Но все же он (или его образ) где-то существует, возможно, в воспоминаниях его бывшей возлюбленной Александры Эрнестовны. Но *«тысячи лет, тысячи дней, тысячи прозрачных непроницаемых занавесей»* [Толстая, 2007, с. 59] разделили когда-то любивших друг друга людей, и теперь уже Александра Эрнестовна мало что помнит о нем. Поэтому существует он в неких условных времени и пространстве, о которых уже шла речь выше, – *«там, по ту сторону пространства и времени»* [Толстая, 2007, с. 59].

1.3. Употреблением форм глагола несовершенного вида и обилием наречий краткости: *«Соня хорошо **готовила**. Так что это **всегда** поручалось ей»* [Толстая, 2007, с. 6]; *«Стало **быть**, Соня **шла** А как она сама **одевалась**? Безобразно! Под челюстью огромный висячий бант блузки торчит из твердых створок костюма, и рукава **всегда** слишком длинные...»* [Толстая, 2007, с. 8].

Указанные лексико-грамматические особенности подчеркивают такой признак воспоминаний, как их избирательность, фиксацию в памяти только того, что неоднократно повторялось в прошлом, а поэтому произвело на человека впечатление и вызвало эмоциональный отклик. Кроме того, акцентируется относительность значения наречия «всегда», отсылающего к незыблемому постоянству, к вечности.

1.4. Неопределенными местоимениями, усиливающими ощущение нечеткости границ воспринимаемых объектов: Она носила *«**что-то** синее, полосатое, до такой степени к ней не идущее!»* [Толстая, 2007, с. 8]. В данном случае местоимением «что-то» заменяется название одежды, которое в силу определенных особенностей утрачено памятью. Значимым для повествователя является только цвет и некоторые эстетические характеристики одежды, все остальное либо не запомнилось, либо не является актуальным в данный момент, поэтому и обозначено с помощью неопределенного местоимения.

*«Соня служила **каким-то там** научным хранителем, **что ли**»* [Толстая, 2007, с. 9]. В приведенном фрагменте местоимения не только создают ощущение неясности, смутности воспоминаний, но и характеризуют отношение говорящего к вспоминаемому герою – определенное пренебрежение, легкое превосходство.

*«Нет, я плохо помню. **Какой-то** стакан, **какие-то** письма, **какая-то** шутка»* [Толстая, 2007, с. 10]. Троекратное повторение местоимения подчеркивает непрочность воспоминаний. Кроме того, в очередной раз автором ставится вопрос о переоценке системы челове-

ских ценностей. То, что когда-то было чрезвычайно важным и значимым для человека, теперь неизменно сопровождается характеристикой «какой-то».

«Знаете, **что-то такое** в воздухе было – обоим ясно» [Толстая, 2007, с. 53]; «Кто сейчас помнит **какие-то детали?**» [Толстая, 2007, с. 10]; «Год шел **что-нибудь такое тридцать третий...**» [Толстая, 2007, с. 11].

Неопределенные местоимения указывают на стирание в памяти человека конкретных деталей под грузом времени и сохранение их в виде чего-то неуловимого.

2. Обязательным компонентом смыслового поля «воспоминания» в рассказах Т. Толстой является смысл постоянства незримой связи прошлого и настоящего.

2.1. Данный смысл актуализируется на уровне коммуникативной организации текстов с помощью образа повествователя-медиатора, ведущего разговор о прошлом с неким собеседником. Именно повествователь является той фигурой, которая представляет собой воображаемый мост из прошлого в настоящее. Этой цели служит обилие обращений, вкрапленных в поток повествования в виде своеобразных перебивок, которые играют роль незримой связки между героями прошлого, и теми, кто существует в настоящем.

«А как она сама одевалась? Безобразно, **друзья мои, безобразно!**» [Толстая, 2007, с. 8].

Структура высказываний подобного типа дает основания предположить, что говорящий обращается к невидимым для читателя собеседникам, которым, собственно, и рассказывает эту историю. С той же степенью вероятности можно утверждать, что непосредственным адресатом обращения выступает сам читатель. «Образ читателя присутствует в сознании автора на разных этапах порождения текста, определяя коммуникативную стратегию» [Болотнова, 1992, с. 3]. Этому в немалой степени способствует предлагаемая Т. Толстой диалогичная форма коммуникации, при которой читатель становится собеседником.

«**Ну вообразите себе:** голова как у лошади Пржевальского...» [Толстая, 2007, с. 8]; «Потом вот эту, **знаете ли, требуху...**» [Толстая, 2007, с. 9]; «А он вот как только посмотрит и **ни-че-го не говорит! Ну, вы понимаете?**» [Толстая, 2007, с. 53]; «Да за пятьдесят лет почти никого в живых не осталось, **что вы!**» [Толстая, 2007, с. 10].

Организацию двунаправленной коммуникации обеспечивают формы повелительного наклонения глагола («вообразите»), содержа-

щие побуждение собеседника к действию, а также вопросительные предложения, предполагающие прямой ответ. Таким образом, связи прошлого с настоящим служит своеобразная «диалоговая» манера повествования.

2.2. Кроме того, выражению вышеупомянутой связи служат лексические единицы, представляющие два условных временных блока «тогда» – «теперь».

«Должно быть, добавили и отчество, но теперь оно уже безнадежно утрачено» [Толстая, 2007, с. 7].

В приведенном высказывании временной блок «тогда» выражен глаголом прошедшего времени «добавили», а блок «теперь» представлен одноименным наречием. Кроме того, в приведенном высказывании присутствует пара контекстуальных антонимов, служащих смысловой реализации тесной связи блоков: «добавили» (то есть когда-то отчество было) – «утрачено» (теперь, в настоящем времени его нет). Появившийся вопрос, кем именно утрачено отчество героини, «вытягивает на поверхность» образ повествователя-медиатора, в памяти которого, вероятно, отчество существовало, а теперь «безнадежно утрачено» [Толстая, 2007, с. 7].

«Но и зима позади для Александры Эрнестовны – где же она теперь?» [Толстая, 2007, с. 55].

В цитируемом фрагменте изображается бесконечность жизненно-го пути героини, для которой, несмотря на наступление зимы (метафора старости, а, следовательно, приближающейся смерти), продолжается движение в условное время и пространство, где уже нет земного бытия, а существуют только воспоминания.

«Этот ли мышинный хвостик шестьдесят лет назад черным павлиньим хвостом окутывал плечи?» [Толстая, 2007, с. 55]. Временной блок «тогда» обозначен здесь предельно четко и связан с недолговечной влюбленностью героини, когда она была молода и ослепительно красива. Контраст между временными блоками усиливается с помощью контекстуальных антонимов, называющих женскую прическу: «черный павлиний хвост» (тогда) – «мышинный хвостик» (теперь). Лексические единицы-наименования прически создают бинарную оппозицию прошлого и настоящего как времени расцвета, молодости, красоты и заката, старости, уродливости.

«Куда обращены ее мокнущие бесцветные глаза? В этих ли глазах утонул – раз и навсегда – настойчивый, но небогатый Иван Николаевич?» [Толстая, 2007, с. 55]. Высказывание продолжает сопоставление старости и молодости, означенных прилагательным «бесцветные

(глаза)» и глаголом «утонул». То, что в молодости являлось пленительным, полным очарования и покоряло сердца людей, теперь потеряло цвет и поражено болезнью. Через изменение облика глаз (зеркала не только души, но и возраста) вновь акцентируется общепризнанный смысл всепоглощающего времени, под жерновами которого безжалостно перемалываются красота, здоровье и молодость.

Таким образом, смысловой состав поля «воспоминания» в рассказах Т. Толстой предельно широк и разнообразен. Особенности данного поля состоят в преобладании смыслов иллюзорности, смутности, неясности, избирательности, фрагментарности, связи прошлого с настоящим, выраженные в виде бинарной оппозиции «тогда» / «теперь». Актуальные для автора смысловые узлы выражаются с помощью определенных языковых средств, придающих текстам особый колорит.

Литература

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992.

Зобов Р.А., Мостепаненко А.М. О типологии пространственно-временных отношений в сфере искусства // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. М., 1974.

Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1986.

Толстая Т.Н. Ночь. М., 2007.

РУБЛЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ: К ВОПРОСУ О ПРАГМАТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ

А.А. Чуруксаева

Ключевые слова: прагматика, стилистика, экспрессивный синтаксис, рубленый стиль, фигуры.

Keywords: pragmatic, stylistic, expressive syntax, cut-style, figure.

Функционализм современной лингвистики диктует необходимость рассмотрения каждого языкового / речевого явления в коммуникативно-деятельностном, в том числе в прагматическом, аспекте. При этом приоритет отдается тем фактам языка, у которых степень воздействия на аудиторию / адресата выше других, поскольку существенной

характеристикой современного процесса общения становится его эффективность.

С этих позиций целесообразно обратить внимание на такие явления экспрессивного синтаксиса (а также теории элокуции и стилистики), как *рубленный стиль*, *рубленая проза* и насыщающие их и / или структурообразующие *рубленые конструкции*, поскольку они в состоянии не только привлечь внимание аудитории / адресата, но также обеспечить запоминание и узнавание текста и соответственно его автора в дальнейшем. Мы предлагаем рассматривать эти понятия в рамках тенденции к сегментации, действующей в современном русском литературном языке.

Отмечаемая с конца XIX века тенденция к расчленению, а после и к сегментированию¹, то есть к расчленению в мысли и слове, происходящему в точках наиболее сильных синтагматических связей синтаксической цепи, порождает изменения в облике текста (уходят в прошлое объемные абзацы-предложения, как в прозе Л.Н. Толстого, синтагматические осложнители сменяются несинтагматическими, более частотными становятся предложения из пяти-семи слов, абзацы из двух-трех таких предложений; активнее употребляются специальные средства сегментирования – фигуры и т.д.).

Есть и еще одна, не менее важная причина трансформации синтаксиса современного русского литературного языка – необходимость облегчения зрительного и психологического восприятия текста и его содержания. Современный читатель все больше приучается получать информацию порционно. Это диктуется изменившимся ритмом жизни, новыми технологиями и их ограничениями – числом знаков в смс; стремительностью сетевого общения, обусловленной ценой за каждый мегабайт и живой реакцией «по ту сторону»; перерывами на рекламу практически любой передачи, «клиповостью» сознания человека XXI века.

Рубленный стиль и рубленая проза как его воплощение являются реализацией тенденции к сегментированию и исторически отражением таких изменений – лингвистических, психологических, культурных и др. Известный критик, литературовед, публицист Л.А. Аннинский, исследуя роман «Как закалялась сталь» Николая Островского, писал: «Рубленая проза – это кусочки, обрезки, осколки; у них острые, не притертые края. Ритм – вихревой, скачущий, элементы стиля не сра-

¹ См.: Чуруксаева А.А. Тенденции современной прозы : от «Войны и мира» к SMS // Катановские чтения – 2005 : Тезисы докладов. Абакан, 2005.

щены, а содвинуты, между ними мелькает бездна, и от этого постоянного ощущения незаполненной бездны и беспредельности – непредсказуемый, неуравновешенный, возбужденный, экзальтированный ритм. <...> Сказитель, рассказчик, отдельный человек – не может заполнить своим духовным бытием распахнувшуюся вокруг него бездну революционной эпохи, бездна зияет сквозь мозаику его восприятия, и, стремясь охватить неохватное, рассказчик спешит, сочленяет несочленимое, наращивает узор мозаики – монтирует» [Аннинский, 1971]. Ту же самую ситуацию наблюдаем в 90-ые годы XX в., и в первое десятилетие XXI века, когда социальные, экономические, политические, культурные потрясения разбивают прежде целостную картину мира, превращают ее в мозаику переломного времени, смены эпох.

Факты, свидетельствующие о зарождении рубленого стиля, относятся к середине XIX века. По свидетельству К. Душенко, это выражение «существовало уже в 1840-е годы и восходит к французскому “stile hash” – “рубленный (отрывистый) стиль”...» [Душенко, 2005, с. 180]. Автор в своем справочнике «Цитаты из русской литературы от “Слова о полку...” до наших дней» приводит упоминание рубленой прозы в произведениях В.Г. Белинского, А. Герцена, Ф.М. Достоевского; отмечается также, что М.П. Погодин писал рубленой прозой. Действительно, в приведенном примере наблюдаем короткие абзацы-предложения, в целом не характерные для синтаксиса 1845 года:

Завоевание, разделение, феодализм, города с средним сословием, ненависть, борьба, освобождение городов – это первая трагедия Европейской трилогии.

Единодержавие, аристократия, борьба среднего сословия, революция — это вторая.

Уложения, борьба низших классов <...> будущее в руке Божией.

Истории Западных Государств, повторю, представляют одни и те же явления, только с немногими отличиями, смотря по количеству, качеству, соразмерности и прочим отношениям ингредиентов начала.

Обратимся теперь к Русской Истории, и посмотрим, представляет ли она эти главные характеристические явления Западных Историй.

С первого взгляда мы примечаем, что у нас, в начале ее, нет решительно ни одного, по крайней мере в том виде: нет ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы...

От чего такое различие?

(Погодин М.П. Параллель русской истории с историей европейских государств относительно начала).

То же самое наблюдаем и у В.М. Дорошевича, журналиста XX века, получившего титул “Король фельетона”, в том числе и за необычный слог – так называемую “короткую строку”:

Возьмите самого захудалого француза. И тот стремится что-нибудь новое, свое, не сказанное еще сказать.

А у нас только и думают, как бы написать, сказать “как все”, повторить “что-нибудь хорошее”, двадцать раз сказанное.

Такая мыслебоязнь!

Только этой шаблонностью, которая разлита кругом и давит как свинец, и объясняется, например, успех у нас декадентства.

Это естественный протест против преснятины в мысли, литературе, искусстве.

Цинга у общества от этой пресной пищи!

(Дорошевич В.М. Русский язык).

Дефиницию рубленого стиля встречаем, например, в работах В.П. Москвина. Цитируя «Наблюдения над синтаксисом языка газеты» Д.Э. Розенталя, автор пишет: «Рубленый стиль – нагнетание “коротких предложений, представляющих собой как бы мазки, из которых создается общая картина”» [Москвин, 2007, с. 660]. Попутно В.П. Москвин отмечает нецелесообразность применения рубленого стиля в устном выступлении, поскольку «Короткие рубленые фразы иногда досаждают читателю не меньше длинных» (цитата из «Писателя в газете» М. Кольцова).

Л.А. Аннинский оценивает рубленый стиль с положительной стороны: это находка для художника, поскольку «дробит текст на маленькие кусочки, дробит движение на мгновенные точки, дробит портрет на частичные детали, каждый раз заставляя нас изумляться соединению этих частиц и целое: в лицо, облик, поступок» [Аннинский, 1971].

Учитывая специфику восприятия современного человека, можно с уверенностью предположить, что успешными в воздействии на него окажутся именно такие сегментированные, адаптированные к «выхватыванию» фрагментов, порционному усвоению, передаче «неровностей и разрывов» естественного человеческого мышления, тексты.

Рассмотрим те элементы, специальные средства, которые в какой-то мере создают рубленый стиль – рубленые конструкции. Это общее название для ряда фигур и явлений экспрессивного синтаксиса, которые выполняют одинаковую функцию по усилению выразительности и достижению результативности речи, а также строятся на основании

одного принципа. Таким принципом мы предлагаем считать принцип сегментации (для единообразия оформления терминов и указание на родственную связь с тенденцией к сегментированию), выделяемый нами в рамках частного синтаксического принципа расчлененности, введенного Г.Н. Акимовой.¹

Как рубленные конструкции, сегментирующие, принудительно разрывающие текст (либо создающие такое впечатление, например, перечислительные ряды), мы рассматриваем: парцелляцию, абзацирование (предлагаемый нами термин для отграничения экспрессивного абзацного деления от логического выделения абзацев), усеченные высказывания (прозиопеза, интерзиопеза (термин И.В. Пекарской), апозиопеза), а также цепочечные фигуры и случаи внутрисловной, комбинированной (сочетание рубленных конструкций со средствами графического оформления: курсивом, рамочками, позиционированием на странице и проч.) и контаминированной сегментации (явление наложения двух и более фигур комплекса рубленных конструкций)².

Сегментирование помогает выделению художественной детали, подробности, акцентированию какого-либо действия пошагово, от одной его фазы до другой. В связи с этим мы выделяем три специфические функции рубленных конструкций:

- отражение речемыслительного процесса:

ноябрь, 1

*о чем я думаю? о мальте
думать о мальте – это как стоять за спиной у человека, еще не
знающего, что ты вернулся
смотреть, как он переставляет книги или моет тарелки
ты стараешься не дышать и ждешь, когда он обернется, но он
уже почувствовал тебя и нарочно не оборачивается
ты знаешь, какое у него сейчас лицо
время становится точь-в-точь как плавающий снег в стеклянной
игрушке
у стекла такая приятная тяжесть и внутри марципановый до-
мик*

(Элтанг Лена. Побег куманики).

¹ Чуруксаева А.А. Сегментация в ряду принципов организации элокутивных средств // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации. Абакан, 2005.

² Чуруксаева А.А. «Рубленая проза»: проблема определения понятия // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Серия 5. Филология : Языкознание. Абакан, 2007. Вып.8.

В этом фрагменте аналогично «Запискам сумасшедшего» В. Ерофеева писательница передает поток сознания безумного героя через абзацирование; особенностью является отсутствие заглавных букв и знаков препинания в конце предложения;

- алгоритмизация действия:

Мой внутренний радар ловит непонятный сигнал.

Ускоряя шаг, спускаюсь по пустынной улице.

Набережная. Тысячи людей. Я лихорадочно осматриваюсь на ходу.

Останавливаюсь. Музыка. Смех. Шум воды.

Воды!

(Гладков О. Любовь стратегического назначения).

В данном фрагменте наблюдаем контаминацию абзацирования и номинативных цепочек; реализуемые функции – алгоритмизация действия (*спускаюсь, останавливаюсь*) и детализация обстановки (*музыка, смех, шум воды*);

- детализация восприятия пейзажа / портрета / обстановки и пр.

З и м н а : Ни о чем не думай. Тебе нравится рассматривать волны? Рассматривай. Волны. Птиц. Сосны.

(Арбузов А.Н. Счастливые дни несчастливого человека).

Для детализации пейзажа (того, на чем предлагается сосредоточить внимание герою) используется парцелляция.

Для современной ситуации характерно смещение акцентов в употреблении рубленых конструкций: под действием тенденции к сегментированию из художественного стиля они переходят в публицистический, разговорный, захватывают новые сферы, например, рекламную.

В статьях «золотого пера педагогики» А. Цирульниковы и знаменитого литературоведа Л. Аннинского, чьи работы встречаем, например, в журнале «Дружба Народов», рубленые фигуры являются привлекающим внимание читателя элементом индивидуально-авторского стиля. Среди доминирующих – абзацирование и апозиопеза, их сочетания, блестяще структурирующие мысль публицистов и передающих живые интонации их речи, в том числе и мысленной.

1. Апозиопеза, функция отражения речемыслительных процессов (в том числе передача задумчивой интонации живой речи):

Взгляните на свою ситуацию. Возможно, она чем-то напоминает какую-то из тех, которые мы обозначили. От культурного центра

далековато. Но ведь и не пустыня... Время от времени, а народ встречается.

(Цирульников А. Путешествие за традицией).

2. Апозиопеза, функция детализации пейзажа:

Я оставил вещи в гостиной и походил по территории: парк, горка, шумит ручей... Баскетбольное кольцо KETLER, прикрученное к дереву. Флаг со скрещенными шпагами. Цветочная клумба...

(Цирульников А. Благоприятность в первом поколении).

3. Апозиопеза + абзацирование, функция отражения речемыслительных процессов:

Заманивает президента, Жванецкого... Учителям говорят: господа, вы должны найти людей, которые придут сюда и что-то расскажут. Находим египтолога, едем к нему в университет, и он им что-то рассказывает и показывает какие-то вещи...

Насыщение людьми, успешными.

(Цирульников А. Благоприятность в первом поколении).

4. Апозиопеза + абзацирование, функции детализации события и отражения мыслительного процесса:

Слово «версия» часто звучит на уроке.

Гутцайт по-ученически тянет руку. Это здесь никого не удивляет. Сергей Эдидович: «Давайте я докажу от противного». Елена Иванова: «Пожалуйста, Сергей Эдидович. Этот метод мы еще не рассматривали...»

Он выходит к доске и доказывает: предположим то-то, из этого следует то-то и то-то, но этого не может быть, абсурд.

А в жизни, думаю я?..

Нет, ребята, конечно, не дворовые...

...Диалог, диаскоп, диаметр... «Не может никто объяснить, что такое “диа”?» – «Два». – «Нет, насквозь». – «Проходящий насквозь».

Гутцайт: «А по-английски “диа” – дорогой...»

(Цирульников А. Благоприятность в первом поколении).

5. Абзацирование + апозиопеза + парцелляция, функция детализации события:

Однажды я услышал, будто какой-то новый русский открыл школу – современную версию Царскосельского лицея. Подумал: мало ли в жизни бывает...

Потом стали попадаться факты.

Афиша о благотворительном концерте М.М. Жванецкого в пользу школы им. А.М. Горчакова (знаменитого министра, школьного учителя Пушкина).

Восстановленный в Павловске зал, где дирижировал Штраус...

*Ресторан мецената-предпринимателя, в котором обедал Путин.
А при ресторане – столовая для бомжей.*

Деревня, то ли купленная, то ли построенная новым Мамонтовым и заселяемая мастерами разных профессий. Говорили, что этот человек собирается создать там образовательный центр.

Доктор наук, петербургский профессор, променявшая заманчивое предложение вице-губернаторства <...> на школьное директорство.

Случайные, разрозненные факты складывались в цепочку. Кто-то делал точные, умные шаги. И я решил съездить в Павловск...

(Цирульников А. Благотворительность в первом поколении).

Где же это мы находимся?

В России. *В Павловском парке и примыкающей к нему Мариентальской долине. В бывшем Еленинском квартале, как назывался он в начале прошлого века. Культурно-образовательный заповедник, его еще нет, он в проекте, но уже начал реализовываться.*

Они хотят, чтобы тут возник образовательный центр. И мы в нем образовывались, ну, как нормальные люди.

(Цирульников А. Благотворительность в первом поколении).

Три предложенные аннотации демонстрируют комбинированную сегментацию (абзацирование, заглавные буквы вместо строчных):

Ночь перед КАРНАВАЛОМ.

Ночь, в которую – как испокон веку верят люди – случается МНОГО СТРАННОГО...

*В эту ночь запертые случайно в концертном зале красивого го-
тического городка японец, европеец и русский нотный мастер пере-
живут УДИВИТЕЛЬНЫЕ мистические приключения – и встретятся с
СОВЕРШЕННО НЕВЕРОЯТНЫМИ существами, которые инее в си-
лах породить даже САМАЯ ПРИЧУДЛИВАЯ фантазия.*

А ведь сам КАРНАВАЛ еще только НАЧИНАЕТСЯ!..

(аннотация, В.М. Шепило. Ночь на площади Искусств).

Персонажи научно-фантастического романа...

*Они живут в книжной реальности, никого не трогают, починя-
ют ракеты... И вдруг – как гром среди ясного неба – страшный слух:
автор решил ПЕРЕДЕЛАТЬ ИХ КНИГУ!*

Кого оставят?

Кого сократят?

Кого и вовсе перепишут до неузнаваемости?

Начинаются хаос, интриги и брожение умов!..

(аннотация, Я. Разливинский. По ком звонит колокольчик).

Обреченный мир.

Мир, который рассыплется в прах под копытами Всадников Апокалипсиса.

Мир, свыше приговоренный к гибели.

Но – что, если в высший приговор вкралась ОШИБКА, и заметил ее тот, кому надлежит ПРИВЕСТИ ПРИГОВОР В ИСПОЛНЕНИЕ?

Что, если ВСАДНИК АПОКАЛИПСИСА попытается СПАСТИ обреченный мир?!

(аннотация, А.В. Соловьев. Всадник на холме).

Абзацирование и апозиопеза в рекламе телефона Panasonic служат разделителем между «вначале» и «теперь»:

Вначале

было слово...

Теперь

его хорошо

слышно

(Московский бизнес-журнал, № 4, март 2007, с 13.)

Можно отметить типичное использование рубленой конструкции для разъяснения слогана:

Ваш Brother – истинный японец

...умеет ладить с людьми

(реклама МФУ Brother,

Московский бизнес-журнал, № 4, март 2007, с. 3)

Цепочка наречий, выделенная в новый абзац, подчеркивает характеристики лекарства:

Маалокс.

От изжоги и боли в желудке.

Быстро. Надежно. Длительно

(Лиза, № 12, 2007, с. 27).

Целый текст, воспроизводящий мысли человека до и после принятия рекламируемого препарата, построен на абзацировании, в первой части дополненном апозиопезой. Функция отражения речемыслительной деятельности в данном примере позволяют читателю приблизиться к рекламному персонажу, отождествить себя с ним и, соответственно, убедиться в том, что лекарство «работает».

Омерзительная погода.

Неохота на работу.

В голове гудит...

Просто задыхаюсь.

Может, прилечь тут?

*Что-то мне жарко...
Не могу глотать...*

*Погода, вполне ничего.
Скоро пятница.
Голова свежая.
Дышать легко.
Какая удобная лавочка!
Приятная зимняя прохлада.
Хочется петь.
И все благодаря Coldrex*

(реклама средства от простуды, Лиза, № 12, 2007).

Однако не всегда и не везде рубленые конструкции в частности и рубленый стиль в целом употребляются последовательно, грамотно, эффективно. Современные пособия по риторике, стилистике, культуре речи чаще всего предлагают номенклатурное перечисление имеющихся специальных средств, мало времени уделяя тому, как их использовать. Между тем способность «узнать в лицо» фигуру или троп еще не гарантирует умения его употреблять самостоятельно, так же как и навыки классифицирования фразеологизмов не означают, что, покинув учебную аудиторию, студент начнет их употреблять в своей повседневной речи постоянно и к месту.

Как один из вариантов решения проблемы, современные учебные планы и программы по филологии включают наличие специальных дисциплин, чья задача сократить указанный разрыв теории и практики и обучить студентов навыкам целесообразного и уместного использования элокутивов при составлении различного рода текстов.

Так, например, в 2004 году в рамках системных занятий по речеведению, которые стали традиционными в учебно-научной деятельности Лаборатории лингвокультурологической коммуникации института филологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, И.В. Пекарской, доктором филологических наук, профессором, читался спецкурс «Элокутивная система русского языка», где студентам предлагались различные упражнения, результатом которых должны были стать небольшие тексты, построенные с использованием изученных ранее фигур, в том числе и рубленых конструкций.

Мы полагаем, что небесполезным будет выпуск сборника упражнений по овладению рублеными конструкциями, предваряемого словарем, минимальная структура статей которого будет выглядеть следующим образом:

- термин (синонимы, если есть) – дефиниция (варианты дефиниции, комментарии);
- уровень функционирования – текстовый/нетекстовый (предложенческий);
- специфика функционирования (то есть описание собственно выполняемой функции, сферы применения, частотности и др.);
- возможность (целесообразность) контаминации / комбинирования с другими элокутивами, в том числе и рублеными конструкциями.

В систему упражнений целесообразно включить такие, как:

- 1) узнавание фигуры в тексте;
- 2) сопоставление идентичных по содержанию, но различных по оформлению текстов (с рублеными конструкциями и без) и объяснение их прагматического эффекта;
- 3) трансформацию предложений и текста (то есть сегментирование текста при помощи рубленых конструкций);
- 4) создание предложений и текстов на заданную тему с применением рубленых конструкций.

Задания следует видоизменять в зависимости от профессиональной ориентации студентов, а заключать изучение – созданием полноценных текстов, которые могут пригодиться в дальнейшей профессиональной деятельности обучающихся.

Итак, рассматривая проявления действующей в современном русском литературном языке тенденции к сегментированию, а именно рубленый стиль и рубленую прозу, мы обращаем внимание на прагматические возможности конструкций их образующих и указываем возможный путь для эффективного овладения ими и целесообразного применения, что является актуальным и соотносится с требованиями функциональной лингвистики.

Литература

Аннинский Л. Обрученный с идеей («Как закалялась сталь» Николая Островского). М., 1971. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/OUTSIDE/OSRTOVSKY.HTM>

Душенко К. Цитаты из русской литературы от «Слова о полку» до наших дней. М., 2005.

Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. М., 2007.

О СООТНОШЕНИИ МОДУСНО-ДИКТУМНЫХ ПОЗИЦИЙ В СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПОХВАЛЫ

С.В. Волюнкина

Ключевые слова: речевой жанр, похвала, пропозиция.

Keywords: speech genre, the praise, proposition.

С точки зрения теории семантического синтаксиса речевое высказывание делится на субъективную часть, выражающую позицию субъекта речи, – это модусная рамка высказывания, и на объективную, несущую знание о действительности и называемую диктумом. Впервые введенные в лингвистический обиход швейцарским ученым Ш. Балли понятия модуса и диктума [Балли, 1955, с. 44] в дальнейшем стали неотъемлемыми компонентами изучения смысловой организации предложения. Активное развитие речевых жанров лингвистики в последние десятилетия привело к тому, что диктумное содержание было осмыслено как один из важнейших конститутивных жанрообразующих факторов [Шмелева, 1997, с. 89].

Диктумное поле оценки в исследуемом речевом жанре похвалы не может быть изучено в полной мере без учета модусной рамки высказывания. «Высказывание, каким бы элементарным оно ни было, состоится в том случае, если в нем информация о мире, объективной действительности соединится с информацией субъективной – идущей от говорящего и момента общения» [Шмелева, 1994, с. 6]. Такое понимание модусно-диктумной организации высказывания диктует необходимость исследования жанровой структуры похвалы во взаимосвязи двух ее содержательных частей.

Похвала – это тип речевого высказывания, посредством которого выражается положительная оценка действий и поступков адресата или результатов его деятельности, а также оценка связанного с человеком вещно-событийного мира, его неодушевленного окружения. Ключевым для рассмотрения жанра похвалы является понимание ее типологической принадлежности к оценочным речевым жанрам. Рассмотрим пример:

Девушка (встретив приятельницу): *Тань, ну что, я ведь устроилась на работу. Уже два дня работаю.*

Приятельница: *Да ты что?! Молодец! Вот как надо на работу устраиваться – за неделю! А я уже два месяца хожу – и ничего.*

(Язык Красноярска, архив автора, ноябрь 2005).

Как следует из определения жанра и приведенного диалога, отличительной особенностью оценки в похвале является необходимость предваряющих ее и очевидных автору высказывания усилий со стороны объекта (человека), ведущих к его положительным результатам. Этот факт «заслуженности» положительной оценки непосредственным образом связывает похвалу с рациональностью как базовым критерием данного жанра. Похвала апеллирует прежде всего к разуму, а не чувствам. Ценным и удовлетворяющим условиям похвалы считается то, что разумно, полезно, правильно с точки зрения говорящего, и шире – общественного этического мнения.

Таким образом, при реализации речевого жанра похвалы существенной оказывается не только собственно оценочная формула (*Молодец! Умница! Герой!* и под.), но и разумные доводы, аргументы, дополняющие и объясняющие оценочное высказывание (... *что боролась до конца!* ... *что не бросил в беде!* ... *что помогаешь маме!*¹ и др.). «Аргументация исследуется в речи и рассматривается как форма языка, которая предназначена для того, чтобы убедить в приемлемости выраженного мнения» [Гудкова, 2001, с. 5].

Основываясь на приведенных выше рассуждениях, можно построить семантическую модель похвалы:

<i>Собственно оценка</i>	+	<i>Аргументы оценки</i>	=	<i>Похвала</i>
<i>Молодец!</i>		<i>Так убралась, отмыла всю комнату!</i>		

Данная модель представляет собой некий инвариант, который в настоящей речевой практике может быть реализован полностью либо частично, с импликацией того или иного из обозначенных элементов. Кроме того, типично использование противоположного по сравнению с приведенным порядком следования ее содержательных элементов; ср. с предыдущим:

Заведующий обращается к преподавателям на очередном заседании кафедры: *Уважаемые коллеги! Мы с вами сделали большую работу – обеспечили кафедру рабочими программами. Мы все – **молодцы!***
(Язык Красноярска, архив автора, декабрь 2006).

¹ Представленная в примерах изъяснительная конструкция выбрана нами для наглядности аргументирующей составляющей похвалы. Конструктивные варианты языкового воплощения аргумента, дополняющего оценку, очень разнообразны.

В примере похвала заведующего кафедрой – *молодцы*, – адресованная присутствующим и себе в том числе, предварена кратким изложением «истории», которая, по сути, является аргументом положительной оценки: *сделали большую работу – обеспечили кафедру рабочими программами*.

Исследуемые в данном случае неофициальная и полуофициальная сферы общения в обстоятельствах прямого контакта и при соблюдении разговорного режима, как известно, одной из своих характеристик имеют краткость речевых выражений. Это связано с тем, что при непосредственном речевом и визуальном взаимодействии многие обстоятельства и явления очевидны коммуникантам, имеющим к тому же «некоторый общий запас знаний» [Ширяев, 2003, с. 543]. Данные условия становятся причиной использования лишь одного из двух структурных элементов содержательной модели похвалы:

Отец, заглянув в комнату сына, обнаруживает его выполняющим домашнее задание: *Молодец! Продолжай!*

(Язык Красноярск, архив автора, октябрь 2007).

Разговорный вариант реализации похвалы в данном случае не требует дополнительных разъяснений со стороны автора оценки относительно причины похвалы. Адресату ясна ее мотивация благодаря невербальным коммуникативным средствам (жестам, мимике) и фоновым знаниям участников общения.

Точно так же говорящий может использовать имплицитную форму выражения оценочного элемента, ограничившись языковой репрезентацией действий и поступков объекта похвалы и выражением собственных «безоценочных» суждений, то есть аргументативной частью семантической модели жанра:

Девушка (сестре): *Читала твою статью – хохотала до слез! Все больше убеждаюсь, что тебе надо писать!*

Сестра: *Да, пишу я лучше, чем говорю.*

(Язык Красноярск, архив автора, март 2006).

Пресуппозитивной составляющей высказывания является оценка *Интересная статья!* или *Хорошая статья!* Имея в виду именно этот смысл, автор, однако, избегает прямого его выражения, делая его имплицитным. Одновременно, фактически в функции аргументов, он использует сообщение и совет, прибегая к приему «маски» жанра. Формальная смена типа высказывания при имплицитной репрезентации оценки – типичная черта реализации похвалы в ее сокращенном варианте.

В результате исследования семантической модели похвалы, включающей собственно оценку и аргументационную базу, определено и соотношение ее модусно-диктумных позиций. Так, собственно оценка в содержательной модели высказывания представляет собой субъективное отношение говорящего к предмету речи, то есть модус похвалы, в то время как аргументы, призванные дополнить субъективную оценку разумными доводами и логическими объяснениями, то есть мотивировать данную оценку, составляют ее диктумную часть.

Приведенные ранее примеры собственно оценки в структуре похвалы (*Молодец! Умница! Герой! Настоящий человек!*) демонстрируют, что ее модус состоит в выражении квалификативной категории оценочности. Диктумная константа высказывания представлена соответственно событийными пропозициями, описывающими действия, поступки, события, и логическими пропозициями качественной характеристики; ср. примеры:

1. *Хорошо, что ты помог ей подготовиться к экзаменам.*
2. *Ты хорошо выполнил контрольную работу!*

Из примеров видно, что оценка, выражающая похвалу, в целом высказывания может быть представлена как наречной формой, составляющей его модус (пример 1), так и аналогичной формой, прикрепленной, однако, в качестве квалификатива к предикату действия в диктуме высказывания (пример 2). При этом не исключен вариант одновременного использования того и другого ресурса:

Молодец, хорошо выполнил контрольную работу!

Рассмотрим более подробно организацию диктума похвалы. Согласно целеустановке похвалы на выражение положительной оценки действий и достижений одушевленного лица либо обращенности ее к неживым объектам окружающего мира формируется и типология диктумной части анализируемых высказываний, которая включает две групповых единицы: диктум действия и диктум состояния / качества. Каждая из названных групп обладает определенными специфическими именно для нее особенностями реализации. Рассмотрим их подробнее.

Похвала как оценка деятельности одушевленного лица реализуется через событийные пропозиции различных действий: физических, ментальных и социальных. Ключевыми свойствами, характеризующими объективное содержание оценочных высказываний данной группы, являются динамика, развитие и изменение. Рассмотрим пример:

Девушка (соседке по общежитию): *Ты так хорошо накрасилась сегодня! Глазки подчеркнула, молодец!*

(Язык Санкт-Петербурга, архив автора, ноябрь 2006).

В представленном сюжете положительно оценивается физическое действие объекта. Как показывают наблюдения, соответствующая пропозиция является одной из самых востребованных при описании мотивации положительной оценки в бытовой сфере. Именно такие высказывания, как правило, реализуют сочетания с собственно оценочной лексикой, составляющей модус содержательной структуры похвалы: *Молодец!*

Похвала может быть реализована и через событийную пропозицию ментального действия:

Преподаватель (студентам): *Молодцы! Видите, как много примеров из жизни смогли привести! И учебники не понадобились!*

(Язык Красноярска, архив автора, октябрь 2005).

В представленном примере объектом оценки стал результат мыслительной деятельности студентов, что выражено как событийной пропозицией, так и основным показателем похвалы – оценочным квалификатором объекта *Молодцы!*

Третью группу событийных пропозиций похвалы составляет группа, которая описывает социально ориентированные действия героев:

Дочь (матери) во время посещения летнего лагеря: *Я со многими тут подружилась. Нам очень-очень весело.*

Мать: *Молодец, что познакомишься, общаешься! Надо быть коммуникабельной, общительной, заводить друзей новых, самой подходить и знакомиться.*

(Язык Зеленогорска, архив автора, июль 2007).

Группу событийных пропозиций похвалы данного типа составляют высказывания, в диктумной части которых оцениваются высокие коммуникативные способности лица, его умение общаться, устанавливать новые контакты.

Кроме трех перечисленных групп, составляющих основу диктума похвалы в адрес одушевленного разумного лица, в ходе исследования выделились еще две, значительно уступающие предыдущим по частоте использования, но не менее интересные для анализа жанра. В первую очередь это группа высказываний, положительно характеризующих действия с психическим основанием:

Девушка (подруге): *Свет, пойдем завтра с нами на «Столбы»? (имеется в виду экскурсия в природный заповедник «Столбы», расположенный в окрестностях г. Красноярска).*

Подруга (шутливо, изображая старушку): *Ой, Олесь, ну, это, как же я?! Ну ты подумай, ну с моим радикулитом и склерозом, ну какая я*

столбистка?! Шутка! То есть правда! Не-е-е, не пойду. Буду дописывать работу, а то сегодня на меня уже оказывали моральное давление соответствующие органы...

Девушка (смеясь): *Ой, **рассмешила!** Молодец! Не теряешь присутствия духа! Так держать! Занимайся своей работой, а в том, что все твои идеи гениальны, я не сомневаюсь!*

Подруга: *Спасибо! Я буду стараться оправдать доверие!*

(Красноярск, сентябрь 2007).

Умение вести общение в оптимистичном ключе, поднять настроение себе и аудитории очень высоко ценится в современном обществе, поэтому лицо, выражающее положительные эмоции, настраивающее на эту волну окружающих, пользуется популярностью, получая в свой адрес похвалу.

Еще одной относительно редкой по частоте использования группой, реализующей похвалу действию индивида, является группа высказываний, в которой оценке подвергается его речевая деятельность:

Девушка (коллеге по работе): *Таня, я вчера очень расстроена была, когда отказала тебе. Приноси мне диск, я все тебе запишу.*

Коллега: *Ничего. Ты очень корректно все объяснила, что возник конфликт из-за этой программы, что не переписываешь ее никому и т.д. Я уже переписала у знакомой.*

Девушка: *Уже? Жаль. Я бы тебе сейчас переписала.*

(Язык Санкт-Петербурга, архив автора, октябрь 2006).

Речевые действия адресата оцениваются по самым разнообразным параметрам, которые должны находиться в определенной зависимости от требований коммуникативной ситуации (соответствовать моменту речи) или же являться постоянными выразительными характеристиками речедеятеля, как в следующем примере заочной похвалы:

(Беседа в автомобиле между близкими друзьями во время междугородней поездки).

Девушка, преподаватель русского языка (приятелю, о радиожурналисте): ***Как метафорично выразился журналист – «Перекресток стал невольным свидетелем аварии»!***

Друг: *Как твоим студентам с тобой, наверное, тяжело! Бедному журналисту с утра достается...*

Девушка: ***Так я же без всякой иронии, – наоборот, похвалила его, что он молодец, красиво сказал о такой обыденной ситуации.***

(Язык Красноярска, архив автора, июль 2007).

Таким образом, аргументативная база похвалы, имеющая в виду действия индивида различные по своей природе, на языковом уровне

соответственно представлена событийными пропозициями физического, ментального и социального действия. Намного более редко в неофициальном и полуофициальном общении аргументом похвалы становится описание психических и речевых действий субъекта.

Другую группу аргументирующего диктума похвалы представляют пропозиции, отражающие состояния, качества, постоянные характеристики, более или менее статичные по своей природе. В отличие от предыдущей, данная группа мотиваций в равной степени касается как одушевленных объектов, так и неживого мира предметов и явлений окружающей среды.

Естественно, что если похвала направлена в адрес одушевленного лица, то оценке подвергаются положительные качества личности. Сама оценка происходит в границах логических пропозиций качественной характеристики. Преобладающими в данном случае являются пропозиции, характеризующие существование одушевленного лица в том или ином качестве:

Молодой человек (приятельнице): *Лена, фотографируй нас.*

Девушка: *Я с удовольствием, только не умею на вашей технике. Где и что здесь нажимать?*

Молодой человек: *Вот здесь, одна кнопка.*

(Девушка фотографирует. Молодой человек просматривает снимки).

Молодой человек: ***О! Да ты – профессиональный фотограф! Молодец!***

Девушка: *Скажешь тоже...*

(Язык Санкт-Петербурга, архив автора, сентябрь 2006).

Эти пропозиции характеризуют объект – в данном случае индивида – на основании различных способностей, присущих ему: кулинарных талантов (*Прирожденная повариха!*), ментальных качеств (*Настоящий интеллектual!*), душевных / психических свойств (*Добрейшей души человек!*), физических достоинств (*Богатырь! Вот это сила!*) и многих других. Важнейшим признаком реализации похвалы в данном случае будет прямое, наблюдаемое в ситуации общения действие человека, повлекшее за собой похвалу. Отсутствие этого обстоятельства позволит квалифицировать высказывание только как комплимент.

Второй диктумный тип похвалы, выраженный логическими пропозициями, представляют высказывания, объектом оценки которых является неодушевленный объект – предмет, вещь, явление или собы-

тие. Логическая пропозиция качественной характеристики здесь выполняет функцию описания неживого объекта:

(Разговор выпускниц филологического факультета относительно возникшей языковой проблемы).

Девушка (подруге): *По-моему, это в Белошапковой есть. Помнишь еще такой учебник, а?*

Подруга: *А как же! Конечно, помню: замечательная такая умная книжка.*

(Язык Красноярска, архив автора, сентябрь 2005).

В случае характеристики неодушевленного окружения человека логические пропозиции качественной характеристики описывают функциональные достоинства объекта или эстетические качества его экстерьера.

Итак, в результате проведенного исследования было установлено, что семантическую структуру похвалы составляет, кроме собственно оценки, изложение доказательств и доводов – аргументов похвалы. Одним из базовых свойств аргумента является его ориентация на «разумность реципиентов и их способность рационально оценивать аргументы, принимать или отвергать их» [Иванов, 2003, с. 80]. Это условие и определяет столь важную роль аргументации в содержательной модели похвалы, которая, повторяясь, основывается на разумности и полезности оцениваемых действий и предметов.

Модусно-диктумная организация предложения, реализующего похвалу, подчинена двухчастной структуре самого ее содержания, где субъективное отношение к объекту выражается посредством собственно оценки, а диктум похвалы включает описание действий либо состояний и качеств одушевленных и неодушевленных объектов. Данное противопоставление представлено различиями в пропозитивном выражении похвалы: через событийные пропозиции выражается динамика и развитие оцениваемого лица, с помощью логических производится оценка статичных предметов, явлений или константных по своей природе свойств личности. Среди событийных выделены пропозиции физического, психического, ментального и социального действия; логические пропозиции качественной характеристики содержат характеристики физической, ментальной и социальной природы. Исследуемую бытовую сферу отличает редкое использование пропозиций, характеризующих речевые действия героев.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Гудкова К.В. Логико-семантический и прагмалингвистический анализ аргументации в рубрике «Letters to the Editor» // Бог. Человек. Мир. СПб., 2001. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.rchgi.spb.ru/Pr/bchmir.htm](http://www.rchgi.spb.ru/Pr/bchmir.htm)

Иванов Л.Ю. Аргументация // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

Ширяев Е.Н. Разговорная речь // Культура русской речи : Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003.

Шмелева Т.В. Семантический синтаксис : Текст лекций из курса «Современный русский язык», 1994.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.

РЕКЛАМНАЯ И НАРРАТИВНАЯ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЖУРНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

О.А. Сим

Ключевые слова: дискурс, составляющие дискурса, реклама, нарратив, поглощение.

Keywords: discourse, discourse components, advertising, narrative, merging.

Последние несколько лет обозначили тенденцию увеличения внимания к исследованиям дискурса, дискурсивных стратегий, видов дискурса и т.п. Думается, что такой интерес служит более полному раскрытию особенностей функционирования этого явления, разноаспектному пониманию его структуры и анализу содержания. В рамках данной работы мы предлагаем проанализировать составляющие журнального дискурса и выдвигаем следующую гипотезу: составляющие дискурса, пропорции которых относительно равны, склонны к взаимопоглощению, то есть значительно уменьшению доли одной из составляющих в пользу другой.

Журнальный дискурс выявлен на основе жанровой оппозиции и является разновидностью дискурса массовой коммуникации как современного широкозначного понятия высокой степени абстракции (Е.С. Кара-Мурза, Э.А. Лазарева и др.). Журнальный дискурс представляет собой совокупный объем информации прагматической направленности, который заключен в рамки выпуска журнала. Он включает журнальные тексты – статьи (нарративная составляющая) и поликодовые рекламные тексты (рекламная составляющая). Согласно видам

журнала, журнальный дискурс подвержен классификации, что позволяет нам уточнить объект исследования – журнальный дискурс женской прессы. Единицей исследования служит разворот журнала, так как мы полагаем, что именно в такой форме его воспринимает читатель(-ница). Пример 1 [Cosmogirl, 2007] демонстрирует пропорциональное разделение нарративной и рекламной составляющих – каждая занимает площадь формата А4/А5 (в зависимости от формата выпуска). Такое разделение компонент представляется нам наиболее сбалансированным с точки зрения представления информации, но осложняющим восприятие каждой из компонент дополнительными смыслами. Нарративная компонента содержит рассказ девушки о своей жизни, в то время как рекламная составляющая продвигает идею нового телешоу. Возникает вопрос разграничения составляющих журнального дискурса. Отсутствие четкой границы между дискурсией и нарративом было отмечено Ж.Женеттом: «... в дискурсе почти всегда есть некоторая доля повествовательности, в повествовании известная доза дискурсивности». В данной работе речь идет о художественном произведении, где «наррация фактически не вышла за рамки дискурса от первого лица, который без усилий и искажений поглотил ее, не перестав быть самим собою. Напротив, любое вторжение дискурсивных элементов внутрь повествования переживается как отход от строго нарративного построения» [Женнет, 1998, URL]. Несколько иначе обстоит дело с журнальным дискурсом, который, в отличие от художественного текста, не имеет крепких внутренних связей между элементами. Скорее компоненты журнального дискурса сосуществуют и, намеренно или случайно соседствуя в рамках единицы дискурса, формируют образное и смысловое единство, воспринимаемое реципиентом. Другими словами, локализация, например, рекламной компоненты дискурса оказывает непосредственное влияние на расположенный рядом нарратив. Визуально границей между компонентами служит линия сгиба журнала, нарушение которой позволяет нам выдвинуть гипотезу поглощения компонент. В примере 1 эта граница не нарушена, но сформированное намеренно или случайно образно-смысловое единство выражает следующую идею: в то время как изображение девушки гармонично коррелирует с изображением слева, где изображены тинейджеры, заголовки компонент дискурса противоречат друг другу. Get Real (Стань настоящим (*перевод мой.* – *О.С.*) и The Naked Brothers Band (Музыкальная группа «Голые Братья» (*перевод мой.*– *О.С.*) в рамках единицы дискурса воспринимаются как призыв к вступлению в ряды «Братьев», когда на самом деле Get Real – это название рубрики, где девушки рас-

сказывают о своих проблемах и достижениях, а The Naked Brothers Band – название группы, которой посвящен телесериал. Таким образом, сосуществуя в рамках единицы дискурса, нарративная и рекламная компоненты способны формировать абсолютно новые образы, так как взаимодействуют между собой.

Что касается категории поглощения, то в лингвистике ее определение служит фонетическому аспекту: «исчезновение звука под ассимилятивным воздействием соседнего» [Словарь лингвистических терминов, URL]. В нашем исследовании категория поглощения определяется как процесс передачи признаков одной из компонент дискурса другой его компоненте, в результате чего происходит ассимиляция последней. Впоследствии граница между компонентами дискурса размывается, и содержание гомогенизируется. Указанный тезис может быть доказан, если проследить, как признаки одной из компонент переходят к другой компоненте. Признаками рекламной составляющей дискурса являются рекламность и рекламные максимы. Рекламность рассматривается как рекламная направленность речи автора, призывающей к совершению покупок. Эта направленность находит отражение в лексической, грамматической и образной структуре компоненты дискурса. Употребление лексики со значением новизны и уникальности (*New Show, Premiere*) вкупе с яркими цветами, изображением героев шоу и указанием точного времени премьеры (прагматический аспект), а также эллиптические конструкции (*Television Movie Premiere*), характерные для рекламных слоганов и заголовков, – все это позволяет определить часть дискурса справа от визуальной границы как сугубо рекламную его компоненту. Максима – от лат. **maxima sententia** – высший принцип. Это «краткое изречение, формулирующее нравственное житейское правило в четкой форме» [БСЭ, 1981, с. 241]. Выделяют три рекламные максимы – повеления, навязчивости и неповторимой привлекательности [Лазарева, 2002, с. 186]. Как отмечает Ж. Бодрийяр в своей работе «Система вещей», «от информации реклама перешла ко внушению, затем к незаметному внушению» [Бодрийяр, 1998, URL]. Максима повеления выполняет функцию внушения. Максима неповторимой привлекательности заявляет о неповторимости и красоте каждого потенциального покупателя благодаря рекламному продукту.

Также следует различать рекламную компоненту, где информация эксплицитно выражена и легко классифицируется как рекламная и феномен «скрытой» рекламы. Традиционное определение понятия таково: «Скрытая реклама – использование в радио-, теле-, видео-, ау-

дио- и кинопродукции, а также в иной продукции и распространение иными способами скрытой рекламы, то есть рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителем воздействие на его восприятие, в том числе и путем использования специальных видеовставок (двойной звукозаписи) и иными способами» [Словарь лингвистических терминов, URL]. В отличие от него, мы понимаем скрытую рекламу как компоненту журнального дискурса, не обозначенную как реклама, но несущую в себе рекламный посыл, завуалированный нарративной формой – историей из жизни, советом по уходу за собой, описанием, что носит знаменитость и где это можно приобрести и т.п.

Пример 2 [Cosmogirl, 2007] демонстрирует модель в одежде определенной марки, указание, сколько она стоит и Интернет адрес магазина. Какое-либо обозначение того, что это рекламная информация, отсутствует. «*Printed chiffon dress, H&M, \$60, hm.com*» (платье из шифона с узором, бренд H&M, цена \$60, Интернет адрес магазина hm.com (перевод мой.– О.С.). «Скрытая» рекламная информация играет значительную роль в процессе поглощения нарративной составляющей. Мнение модели в рекламной компоненте представлено как цитата, что присуще нарративной компоненте. «*This dress made me smile the minute I put it on. I felt like a '70s child. I wanted flowers and my dog*» (Как только я надела это платье, я стала улыбаться. Я почувствовала себя ребенком 70-х. Мне не хватало только цветов и собаки (перевод мой.– О.С.). Ключевые слова максимы навязчивости– назойливый, навязчивый, настойчивый, включающие в себя признаки действия «надоедать», «приставать», «настаивать», «заставлять». Эти признаки ключевых слов максимы экстраполируются на составляющие ее смысловые сферы. Сформированы две основные сферы максимы навязчивости: «Я все решаю за вас» и «Я идеальный» [Лазарева, 2002, с. 187]. Таким образом, мы уточнили признаки рекламной составляющей журнального дискурса и тот факт, что нарративная компонента, в свою очередь, способна передавать свои признаки (например, повествовательность) рекламной составляющей.

Следующим важным аспектом нашего исследования является подтверждение гипотезы работы о взаимопоглощении компонент журнального дискурса. Процесс поглощения рекламной компоненты нарративной составляющей журнального дискурса отражен в следующем фрагменте: статья, нарушая визуальную границу между компонентами, уменьшает объем рекламной составляющей примерно наполовину. Это означает, что восприятие такой единицы дискурса будет более полным, детальным и концентрация внимания реципиента повышена. Более

того, эффективность указанной единицы дискурса увеличивает тот факт, что рекламная компонента подкрепляет тему нарративной составляющей. Заголовки *The Single GIRL's Guide to X-mas* (Как провести Рождество. Руководство для одинокой ДЕВУШКИ) в нарративе и *GIRLS -get cheaper car insurance from Sheilas' Wheels* (ДЕВУШКИ – получите страховку на машину по более низкой цене от компании Sheilas' Wheels– (перевод мой. – О.С.)) в рекламном фрагменте поддерживают друг друга, так как обращаются к одной аудитории и предлагают советы / скидки. Поликодовые фрагменты обеих компонент представляют собой единый сюжет – девушки в красивой одежде в ожидании совета / предложения о скидках.

Поглощение нарративной составляющей журнального дискурса обычно выражено нарушением визуальной границы компонент и вытеснением нарративной составляющей. Данное явление характерно для определенных частей журнального дискурса в целом, а именно – ядра сугубо рекламного дискурса. Понятия *ядро* и *периферия* заимствованы нами из работ по теории поля, что предполагает определенные смыслы, заложенные в них данной теорией. Теория полевой структуры получила развитие в трудах В.Г. Адмони, где указаны главные характеристики полевой структуры – полнота и интенсивность признаков в центре структуры и их разреженность и ослабление на периферии (см.: [Адмони, 1964; 1988]). Понятие поля, в свою очередь, было заимствовано из физики, где интерпретируется как «особая форма материи, система с бесконечным числом степеней свободы» [БСЭ, 1981, с. 1022]. «Принцип «центр – периферия – постепенные переходы – пересечения системных объектов» коренится в языковедческой традиции. Отношение «центр – периферия» трактуется как универсальное свойство языка, лингвистическая универсалия» [Проблемы функциональной грамматики, 2005]. Под *ядром* рекламного дискурса мы понимаем непрерывную последовательность единиц дискурса рекламного содержания, выраженных конкретными рекламными высказываниями. Как правило, нарративный дискурс не взаимодействует с ядром рекламного дискурса, что свидетельствует о его вытеснении. Что касается *периферии* рекламного дискурса, рекламная компонента взаимодействует с нарративной составляющей, причем это взаимодействие разнопланового характера. Поглощение нарративной компоненты происходит тогда, когда содержание единицы дискурса приобрело характерные рекламные черты (рекламность, максима неповторимой привлекательности).

Нарративная компонента может быть угадана за строками, которые продолжают рассказывать историю расставания (*You know what,*

Mark? You were right. I am too good for you. Знаешь что, Марк? Ты был прав. Я слишком хороша для тебя (перевод мой. – О.С.)). Эти слова / мысли приписаны девушке перед зеркалом. Но и этот намек на существование истории подчинен прагматической интенции рекламной компоненты и подкреплен слоганом ниже (CharlesWorthington. Goes to your head. CharlesWorthington (название косметики). Влияет на ваши мысли (букв.: ‘заходит в вашу голову’) (перевод мой.– О.С.)). Такой намек на нарративность, повествование прослеживается и в информации ниже, где обычно указаны дополнительные преимущества рекламируемого объекта «*Our gorgeous New Salon Shine Results styling range creates the look you want with brilliant shine. It’s enough to make him regret dumping you in the first place. For fabulous salon tips go to charlesworthington.com*» (*Наша великолепная линия средств для укладки New Salon Shine Results – образ, который вы желаете, вкупе с ослепительным сиянием. Этого вполне достаточно, чтобы заставить его пожалеть о том, что он вас бросил. Отличные советы специалиста на charlesworthington.com* (перевод мой.– О.С.)). Указанный пример иллюстрирует способность рекламной компоненты подчинять своей интенции нарративную составляющую, поглощая ее.

Таким образом, способность компонент журнального дискурса к взаимопоглощению представляется очевидной, учитывая передачу признаков и характерных черт каждой из компонент. Этот факт свидетельствует о гомогенизации содержательной структуры единиц дискурса, а в перспективе – о гомогенизации журнального дискурса женской прессы в целом. Данное утверждение основывается на 1) способности и склонности компонент дискурса к взаимопоглощению, 2) распространении феномена «скрытой рекламы», занимающей значительную часть периферии рекламного дискурса и 3) разноплановом взаимодействии информации рекламного и нарративного характера в рамках единицы дискурса.

Литература

- Адмони В.Г. Основы теории грамматики. М. ; Л., 1964.
 Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
 Бодрийяр Ж. Система вещей. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/13.php](http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Bod_SisV/13.php)
 Большая Советская Энциклопедия. М., 1981.
 Женетт Ж. Повествовательный дискурс. Границы повествовательности. Фигуры : в 2 т. М., 1998. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: [http:// philologos.narod.ru/texts/jenette-narr.htm](http://philologos.narod.ru/texts/jenette-narr.htm)

Лазарева Э.А. К вопросу о специфике рекламного текста // Человек – коммуникация – Текст. Барнаул, 2002. Вып.5.

Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. СПб., 2005.

Словарь лингвистических терминов / под ред. О.С. Ахмановой. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.libria.ru/20/](http://www.libria.ru/20/)

Источники

Cosmopolitan UK. December. 2007.

CosmoGirl US. December. 2007.

ИНОСТИЛЕВЫЕ ВКРАПЛЕНИЕ В НАУЧНОЙ РЕЧИ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СТИЛЯ

М.Р. Аликаева

Ключевые слова: функциональный стиль, научный стиль, взаимодействие стилей, иностилевые элементы.

Keywords: functional style, scientific style, linguistic styles interaction, other elements.

Изучение текстов различных жанров научного стиля показало, что в отличие от официально-делового стиля научные тексты не являются монолитным образованием как в языковом, так и в речевом отношении. Стиль постоянно взаимодействует в рамках парадигм: книжное – некнижное, объективное – субъективное. Интересно, что наименьшее влияние на научную речь в языковом плане оказывает официально-деловой стиль, хотя оба стиля образуют ядро книжных стилей. При изучении взаимодействия этих близких по основным прагматическим характеристикам стилей было выявлено, что допустимым и возможным оказывается лишь взаимодействие на уровне жанровой структуры, которая у научных документов становится все более жесткой. За годы развития науки как особого рода институционального дискурса кристаллизировались такие жанровые формы, как монография, диссертация, статья, автореферат, реферат, тезисы, учебник, аннотация, рецензия – как наиболее часто встречающиеся жанры. Причины, по которым не происходит взаимовлияния на уровне языковых средств, очевидно, кроются в том, что различия между данными стилями невелики и проявляются только на уровне специальных стилиевых средств, таких

как клише официально-делового стиля, устаревшие канцеляризмы, научные термины, союзы логического и временного следования, номинативные синтаксические конструкции официально-делового стиля, безличные и пассивные синтаксические конструкции в научной речи, модальные конструкции со значением долженствования и необходимости, модальные конструкции со значением предположения и вероятности [Аликаев, 1999]. Противопоставленные таким образом языковые средства остаются доминирующими в своих стилях, что обуславливается отчасти их яркой стилевой маркированностью и отсутствием контекстов для их смешения.

Особой областью взаимодействия научного и официально-делового стиля является пограничная сфера: область научной информации, с одной стороны, и научная документация, с другой. Научно-информационные тексты довольно близки деловым, так как в силу предъявляемых к ним требований краткости, сжатости, отличаются довольно жесткой формулярной композицией и значительным количеством синтаксических структур, в которых используются средства речевой компрессии. К последним относятся обособления различного типа: причастные и деепричастные обороты, атрибутивные обороты и приложения. Для научной речи более характерны сложные предложения с выраженными подчинительными отношениями. В сфере научной документации используется специфическая научная лексика, предъявляются требования наличия выводов и обобщений в текстовой структуре. Однако наличие указанных смежных областей не приводит к более тесному взаимодействию, а, как представляется, ведет к более яркому размежеванию жанровых форм, а вслед за ними и стилей [Котюрова, 1994, с. 35–41; Лаптева, 1968, с. 126–185; Озерова, URL].

Наиболее ярко проявляется взаимовлияние публицистического и научного стилей. Причина этого процесса кроется, как представляется, в том, что публицистика максимально ориентирована на адресата речи, и этот прагматический показатель постепенно все более проникает в научную речь. Научный дискурс характеризуется принадлежностью к институциональному типу именно вследствие того, что участники научного общения (автор и адресат) четко следуют предписанным им ролям. Дискурс современных СМИ стремится к постоянному обновлению потому, что субъекты общения – и автор, и его аудитория – нацелены на определенные эмоциональные переживания [Карасик, 2000а, с. 25–33; Карасик, 2000б, с. 5–20].

Эмотивный компонент постепенно начинает проникать и в научное общение, что объясняется личной заинтересованностью автора научного исследования в верификации и авторизации сделанных им научных открытий. Психологи постоянно отмечают важность эмоциональной составляющей в различных типах творчества, а научная деятельность, без сомнения, характеризуется высокой степенью креативности. Поэтому скрывающийся под безликой маской «исследовательского коллектива», «представителя научной общественности» автор научного текста склонен время от времени показывать свое истинное лицо, демонстрировать определенные качества собственной личности, и язык предоставляет ему эти средства.

Влияние публицистики на научную речь проявляется особенно ярко в таких жанрах, как учебник, учебное пособие, лекция, монография, статья. Учебно-научный подстиль, как отмечают многие исследователи, находится в зоне пересечения научно-популярных жанров, общественно-политической публицистики и академических текстов, а статья и монография в максимальной степени воплощают авторское начало научного труда, поэтому наиболее яркие проявления иностилевых проникновений мы обнаруживаем именно в этих жанрах (см. об этом: [Аликаев, 1999]). Еще одной зоной пересечения двух указанных стилей являются определенные тематические области: научные тексты по политологии, социологии, макроэкономике часто сближаются с аналогичными по теме текстами современной журнальной публицистики. Подобно тому, как отдельные научные области так называемых точных наук постепенно сближаются с техникой, как наиболее реальной областью применения научных результатов, так и общественные науки оказываются все ближе социальным технологиям, инструментом реализации которых являются современные СМИ.

Проникновение публицистических элементов в научную речь осуществляется наиболее ярко на языковом уровне: на уровне синтаксиса речь может идти об использовании вопросительных предложений, эллиптических конструкций и парцелляции; на уровне грамматики, это употребление личного местоимения, не характерного для научного стиля; на уровне лексики это употребление эмоционально окрашенной и оценочной лексики и фразеологии, использование общественно-политической лексики, традиционной для СМИ, на уровне речи это использование аллюзий к другим, ненаучным, текстам, использование таких тропов, как метафора и сравнение. Указанные средства используются в научной речи для актуализации отдельных фрагментов содержания и облегчении восприятия, установления контакта с адреса-

том текста, как замена объективной аргументации авторскими оценками. Последнее не соответствует этическим нормам научного дискурса, однако используется отдельными авторами за неимением настоящих аргументов.

Проведенный анализ влияния публицистики на научный стиль позволяет нам утверждать, что наиболее часто в научных текстах мы встречаем не характерные для него синтаксические конструкции, которые в настоящее время можно признать вполне приемлемыми для научной речи. Это объясняется тем, что научный стиль постоянно «ищет» все новые средства актуализации различных смысловых фрагментов, так как содержательная сложность научных текстов в сочетании с объективностью и точностью постоянно требует все более эффективных способов передачи научной информации, и в этом плане именно публицистика с ее богатым арсеналом средств и способов актуализации становится источником заимствования для научного стиля.

Влияние разговорной речи на научные тексты менее очевидно, оно обнаруживается лишь в редком присутствии разговорной лексики, которая, как мы полагаем, проникает в научную речь не самостоятельно, а под влиянием публицистики. Других форм проникновения разговорной речи в научную нами отмечено не было, а те случаи, на которые было обращено наше внимание следует квалифицировать не как тенденцию, а как недостаточную сформированность дискурсивной компетенции автора текста, речевую и стилистическую ошибку.

Если же поднять вопрос о воздействии художественной речи на научную, то следует иметь в виду, что первая, на наш взгляд, составляет не стилистическую разновидность, противопоставленную другим стилям, а использование языка в особой функции. Именно поэтому мы считаем, что художественная изобразительность как главный признак совершенно невозможны в научной речи, так как в данном случае возникает противоречие с базовыми категориями, реализованными в научной речи: точность, объективность, однозначность, неэмоциональность и так далее.

Следует обратить внимание на еще одну важную закономерность: различные формы иностилевых проникновений в научную речь определенным образом зависят от типа текста. Так в текстах-описаниях, которые в равной степени характерны для всех стилей речи, наиболее четко отмечается воздействие единиц официально-делового стиля, в частности, использованные клишированных форм, номинативных конструкций с нанизыванием падежей. Очевидно, это связано с тем, что описательные формы текста в научной речи имеют явную тенденцию к

компрессии, сокращению, формализации дефиниций. Различные способы актуализации содержательных фрагментов текста, а также способы выражения авторских эмоций и оценок, попытки использования контактоустанавливающих средств отмечаются чаще всего в текстах-рассуждениях: умозаключениях, доказательствах. Наверное, именно эти фрагменты требуют максимальной коррекции восприятия, поэтому авторы и прибегают здесь к использованию элементов языка и речи, характерных для публицистики.

Повествование как особый тип текста не характерен для научной речи, но при этом он представлен в отдельных текстах. Именно вследствие своей невысокой частотности повествовательные фрагменты и не подверглись серьезной обработке в границах научной речи; не были выработаны специфические средства передачи отношений временного следования, характеристик способа действия и подобных. Нельзя сказать, что именно в повествовательных текстах наблюдается влияние разговорной и художественной речи на научный стиль. Такое предположение допустимо лишь потому, что повествование является, наряду с описанием, основными композиционно-речевыми формами художественного текста, повествование также частотно во многих жанрах разговорной речи – беседа, рассказ, история и др. Скорее следует отметить, что в научных повествованиях происходит нейтрализация стилизованных средств языка, стилистически окрашенные средства отступают на второй план, а на первый план выходят стилистически нейтральные средства.

Таким образом, максимальное влияние на научные тексты современная публицистика, менее значительно, но ощутимо влияние деловых текстов.

В период глобализации, которая осуществляется и по научным каналам, важное влияние на научную речь оказывают складывающиеся нормы и правила межкультурной коммуникации в сфере науки, которая осуществляется в основном на английском языке. Приведем отдельные примеры научных статей на английском языке, которые подтверждают высказанную точку зрения.

1) The second type may be termed a «dynamic» representation, or a «manipulable» world model. The content of this type of memory could be used to «play around with» in order to test different and new combinations of stored representational elements with the goal to find a, potentially new, solution to a given problem. In other words, such a world model allows to manipulate its content deliberately; the representation is «context-free». In this case the knowledge system should represent the mechanism underlying

the content to be stored. Examples for the first type are associative memories, or lexicon-like AI systems. Manipulation of information, the second type, is usually performed by symbol-based AI systems [Cruse, 2003, p. 135].

2) Nevertheless, such technical variations as these, along with the relatively simple illustrations presented throughout this paper, do not highlight a key attribute of the RISE paradigm: the ability to create, for a single source image, multiple image sequences depicting transformations to and from numerous end-points, random or otherwise. Returning to the notion of images as points in a multidimensional image space, the basic idea would be to approach a given image of interest from not one but several paths and, for each path, to determine the points of perceptual onset and offset. In effect, onset and offset points would be recast instead as surfaces, and it is reasonable to expect that these surfaces may not have simple (e.g., spherical) geometries. In this manner, using finely-sampled trajectories to and from numerous, diverse end-points, one should be able to describe the complex structure of these perceptual thresholds, as well as the effects of such phenomena as priming and neurological deficits on these threshold surfaces. (That said, in a recent replication of Experiments A and B, using image sequences based on the same objects but generated using different random seeds, it was nevertheless reassuring to find no significant differences in the overall results described above) [Sadr, Sinha, 2004, p. 259].

Мы привели в пример два фрагмента из различных статей. В первом фрагменте автор тяготеет к межличностному дискурсу, используя эмотивные средства языка, характерные более для публицистического текста; во втором тексте мы можем наблюдать обратное явление – сжатое, неэмоциональное формализованное изложение, в котором используются конструкции, широко употребительные именно к деловым документам. Показательным является авторство обоих текстов: автор первого текста – носитель английского языка, авторы второго текста – билингвы, освоившие профессиональный английский в ходе специального обучения.

Но если в статьях проявляются обе тенденции, то в монографиях чаще мы сталкиваемся с влиянием публицистики, авторы текстов чувствуют себя более свободными в способах экспликации мыслей, выборе слов и конструкций, примером чему может явиться следующий текст:

3) Archaeology can provide two bodies of information relevant to the understanding of the evolution of human cognition – the timing of developments, and the evolutionary context of these developments. The challenge is

methodological. Archaeology must document attributes that have direct implications for underlying cognitive mechanisms. One example of such a cognitive archaeology is that for spatial cognition. The archaeological record documents an evolutionary sequence that begins with ape-equivalent spatial abilities 2.5 million years ago and ends with the appearance of modern abilities in the still remote past of 400,000 years ago. The timing of these developments reveals two major episodes in the evolution in spatial ability, one 1.5 million years ago and the other one million years later. The two episodes of development in spatial cognition had very different evolutionary contexts. The first was associated with the shift to an open country adaptive niche that occurred early in the time range of Homo erectus. The second was associated with no clear adaptive shift, though it does appear to have coincided with the invasion of more hostile environments and the appearance of systematic hunting of large mammals. Neither, however, occurred in a context of modern hunting and gathering [Wynn, URL].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что основными тенденциями развития научного стиля следует признать взаимовлияние научной речи и деловых документов, с одной стороны, научной речи и публицистики, с другой.

Литература

- Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик, 1999.
- Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2000а.
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : Сб. науч. тр. Волгоград, 2000б.
- Котюрова М.П. Смысловая структура русского научного текста и ее экстралингвистические основания : Функционально-стилистический аспект : автореф. дис. ... д-ра филол.наук. Свердловск, 1989.
- Котюрова М.П. Некоторые функционально-семантические категории научного текста // Разновидности текста в функционально-смысловом аспекте. Пермь, 1994.
- Лаптева О.А. Внутрестилевая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
- Озерова Н.Г. Межстилевое взаимодействие в русском и украинском языках. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.niurr.gov.ua/ukr/dialog_1999/ozeroва.html](http://www.niurr.gov.ua/ukr/dialog_1999/ozeroва.html)
- Cruse H. The evolution of cognition – a hypothesis // Cognitive Science. 2003. Vol. 27.
- Sadr J., Sinha P. Object Recognition and Random Image Structure Evolution // Cognitive Science. 2004. Vol. 28. P. 259-287.
- Wynn T. Archaeology and cognitive evolution. [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.bbsonline.org/perl/user?username=bbs6223](http://www.bbsonline.org/perl/user?username=bbs6223).

**ИЗМЕРЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАССТОЯНИЯ МЕЖДУ
ЛЕКСЕМАМИ «КОЛИЧЕСТВО – ЧИСЛЕННОСТЬ – ЧИСЛО»
НА ОСНОВЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ
ИХ АССОЦИАТИВНЫХ ПОЛЕЙ**

Н.В. Цепелева

Ключевые слова: ассоциативное поле, семантическое расстояние, диффузность, синонимы.

Keywords: an associative field, semantic distance, diffusion, synonyms.

Вопрос об измерении семантического расстояния, которое существует между словами в рамках семантического поля, в современной лингвистике изучен не достаточно. Известно, что необходимость появления самого понятия семантического поля была связана с неудовлетворительным описанием системных отношений в лексике с опорой на понятие «лексико-семантическая парадигма», накладывающей строгие ограничения на характер связи между словами. И.М. Кобозевой было предложено следующее понимание семантического поля: «...совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева, 2000, с. 99]. Связи между словами внутри семантического поля носят коррелятивный характер и основываются на полном или частичном совпадении словесных означаемых. Семантическое взаимодействие означаемых при отсутствии между ними жестких границ приводит к взаимопроникновению означаемого в сферу других означаемых, коррелирующих с данным в рамках семантического пространства поля, то есть к диффузности их семантики. В исследованиях последних лет свойство диффузности языкового значения получает толкование в работах Д.Н. Шмелева. По Д.Н. Шмелеву, диффузность является внутрисловным явлением: «Когда мы пытаемся распределить какие-то примеры в соответствии со “значениями”, выделенными в словарной статье, посвященной многозначному слову, целый ряд примеров допускает различное толкование и в связи с этим может быть отнесен то к тому, то к другому из выделяемых значений слова. Отсутствие подобных примеров среди иллюстративного материала словаря создает иногда видимость более или менее отчетливой отграниченности различных значений слова» [Шмелев, 2006, с. 80]. Представляется, что диффузность в рамках семанти-

ческого поля имеет более широкое распространение и затрагивает не только внутрисловные отношения, но и широкий круг межсловных отношений. К их числу относятся синонимические корреляции слов, которые являются объектом нашего рассмотрения.

В теоретическом плане проблема семантических сходств и различий между синонимами, возникающая при их лексикографическом описании, представлена в работах Ю.Д. Апресяна, Л.Г. Бабенко и др. Ю.Д. Апресян описывает содержательные сходства и различия между синонимами с опорой на семантические, коммуникативные, референциальные, прагматические, просодические, сочетаемостные, синтаксические коннотативные особенности слов [Апресян, 1999]. В словаре-тезаурусе синонимов под редакцией Л.Г. Бабенко предлагается иной путь решения вопроса: «идеографические классы синонимов выделяются с опорой на методику ступенчатой идентификации прежде всего слов-доминант синонимических рядов» [Бабенко, 2007, с. 15].

В нашем исследовании проблема семантических сходств и различий между синонимами решается с опорой на понятие семантического расстояния между ними путем сопоставления ассоциативных полей (АП) анализируемых слов. Вслед за Н.Д. Голевым, под степенью семантического расстояния мы будем понимать «уровень (глубину) количественно-качественных различий между содержанием двух разных слов, репрезентированных их ассоциативными полями» [Голев, 2006, с. 288]. Учет количественных и качественных особенностей АП слова позволит семантизировать компонентный состав лексического значения слов, на основании полученных реакций выявить семантические признаки.

Для получения ассоциативного материала нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). В эксперименте приняло участие около 450 человек с различным уровнем образования. Средний возраст испытуемых составил 20–25 лет. Материалом послужили 50 отобранных из различных словарей групп синонимичных слов (2–3 синонима в каждой группе). Задание формулировалось следующим образом: «Напишите в словесной форме первое представление, которое у Вас возникнет в ответ на слово, которое Вы услышите». Эксперимент проводился в 3 этапа. Для получения объективных данных каждое слово-стимул в рамках одной синонимической группы предъявлялось испытуемым с периодичностью в 4–5 дней.

Методика исследования состоит из двух этапов. На первом этапе осуществляется выделение в общем объеме полученных ассоциатов смысловых зон (семантических гештальтов, по терминологии

Ю.Н. Караулова). Смысловые зоны формируются в семантические группы¹ (СГ), характеризующие явление в определенном аспекте. Их интерпретация дается в зонах ядерной, ближней и дальней периферий с целью представления полевой структуры соответствующих компонентов. Условно определим, что реакции, образующие СГ с наибольшим процентным индексом, будут принадлежать к ядерной зоне интерпретационного поля. Реакции, образующие СГ с количественным показателем от 1 до 10,0%, войдут в дальнюю зону. Соответственно реакции, занимающие среднее в количественном соотношении положение между ядерной и дальней зонами, составят ближнюю зону интерпретационного поля. Второй этап связан с выявлением корреляции семантических сходств и различий между выделенными СГ всех слов.

Задача определения семантического расстояния решается на материале слов «количество – численность – число», входящих в один синонимический ряд. В данном исследовании представляется необходимым: а) проведение корреляции по признаку доминантности лексем с опорой на словари синонимов, соотнесение лексического значения слов, представленных в толковых словарях русского языка; б) осуществление анализа АП лексем. На этой основе проводится выявление семантических сходств и различий между выделенными семантическими компонентами всех слов. Обратимся к первой части нашего анализа.

В словарях синонимов русского языка под редакцией З.Е. Александровой [Александрова, 1986] и А.П. Евгеньевой [Евгеньева, 2007] лексемы «количество – численность – число» объединены в синонимичную группу слов. В отличие от З.Е. Александровой, А.П. Евгеньевой и Л.Г. Бабенко выделяют лексему «количество» как доминантную нейтральную лексическую единицу [Евгеньева, 2007, с. 199; Бабенко, 2007, с. 224].

Сравним лексические значения данных слов, представленных в толковых словарях С.И. Ожегова (СО), В.И. Даля (СД), Д.Н. Ушакова (СУ). В СО синонимичными оказываются 3 значения лексемы «число» – «количество считаемого, поддающегося счету» – и 2 значения лексемы «количество» – «величина, число (в 3 знач.)». Выбранные для анализа лексемы объединяются общей смысловой зоной «состав, ряд, совокупность кого-, чего-либо» [Ожегов, 2004].

Сравним представленную информацию с данными Толкового словаря русского языка Д.Н. Ушакова. 4-ый лексико-семантический

¹ Образование СГ возможно при наличии нескольких реакций.

вариант (ЛСВ) лексемы «число» – «количество (кого-чего-н., считаемого отдельными особями, единицами, штуками)» – коррелирует со 2-м ЛСВ лексемы «количество» – «число, величина, объем, масса» – при отсутствии выраженности конкретного количественного показателя.

Толкование лексем «численность» и «количество» совпадает во всех трех словарях. Различие наблюдается в 3-м ЛСВ лексемы «количество» (СУ) – «продолжительность, с которой произносится звук речи (лингв.)». ЛСВ «цифра, знак для обозначения числа»; «количество считаемого, поддающегося счету» и «число как грамматическая категория» не находят своего отражения в СО и СД соответственно.

Обратимся ко второй части анализа, посвященной выявлению семантических сходств и различий между лексемами «количество – численность – число» на основе сопоставления их АП, полученных с помощью метода САЭ.

Анализ АП лексемы «количество» позволяет выделить реакции, раскрывающие систему значений стимула и на этой основе обозначить СГ¹, включающие ядерную, ближнюю и дальнюю зоны:

I. Ядерная зона: 1. **Показатель, выраженный в цифрах / числах** (45,7%): *число* 55; *деньги* 25; *счет* 15; *сумма* 12; *цифры* 11; *численность* 8; *человек*, *штуки* 7; *штук* 6; *вещей*, *часов* 3; *людей*, *люди*, *монетки*, *мух*, *слов*, *яблоки* 2; *буквы*, *вариантов*, *войск*, *2:0*, *денек*, *детей*, *друзей*, *еда*, *единиц*, *итог*, *картин*, *книги*, *лиц*, *муравьи*, *народ*, *предметов*, *продукты*, *продукций*, *пропусков*, *пять*, *руки*, *сколько штук*, *слово*, *толпа*, *уток*, *фрукты*, *чисел* 1.

II. Ближняя зона: 2. **Выраженность измеряемых свойств предметов** (32,0%): *качество* 109; *объем* 6; *масса* 5; *вещества* 3; *величина*, *вес*, *мера* 2; *весы*, *емкость в сосудах*, *сахар*, *снег*, *состав* 1.

3. **Обобщенные данные** (18,6%): *много* 51; *множество* 17; *сколько* 3; *количество* 2; *много чего-л.*, *несколько*, *норма*, *чего-то*, *чего-нибудь*, *уйма* 1.

III. Дальняя зона: 4. **Сфера использования** (3,8%): *счет* 15; *алгебра* 1.

5. **Реакции, не нашедшие свое отражение в представленных группах** (3,3%): *не качество* 4; *Коля*, *маковость*, *ерунда*, *наличие*, *овал*, *причина*, *содержание*, *список*, *успех*, *числительное* 1.

¹ Для получения объективных данных некоторые из реакций были отнесены одновременно к нескольким СГ.

Пересекающейся оказалась реакция *счет* 15. Она одновременно относится к компонентам 1, 4. Ядерной является реакция *качество* 109.

На основании выделенных СГ лексическое значение лексемы «количество» можно представить следующим образом: «Количество» – 1) цифровой / числовой показатель; 2) выраженность измеряемых свойств предметов; 3) обобщенные неопределенные данные; 4) используется в математике. Из представленных концептуализации подверглись СГ 1, 3, 4.

Обратимся к лексемам «численность», «число». Они совпадают в употреблении при названиях предметов, поддающихся счету [Розенталь, 2001]. Детальное рассмотрение ассоциаций на представленные стимулы позволит выделить СГ, с помощью которых возможно выявление семантических отличий между словами.

В сознании носителей русского языка лексема «численность» связывается с численным составом (*населения* 205). Обращение к АП данной лексемы позволяет выделить следующие СГ:

I. Ядерная зона: 1. **Численный состав, показатель, выраженный в числах / цифрах** (66,0%): *населения* 205; *люди* 14; *народ* 6; *людей*, *толпа* 5; *счет* 4; *народа*, *номера*, *цифры* 3; *бактерий*, *земли*, *один*, *человек* 2; *в цифрах*, *географическая карта*, *группа*, *денежная*, *души*, *ежиков*, *людей в семье*, *муравей*, *народностей*, *народонаселения*, *народы севера*, *ноги*, *работников*, *статистика*, *студентов*, *учеников в классе*, *число живущих в городе* 1.

II. Ближняя зона: 2. **Обобщенные данные** (25,3%): *количество* 58; *много* 18; *число* 12; *популяция* 3; *множественность*, *стадо*, *сумма* 2; *много или мало*, *много чисел*, *общество*, *огромное число*, *планета*, *поголовье*, *уйма*, *чего-то* 1.

III. Дальняя зона: 3. **Сфера использования** (4,6%): *алгебра*, *счет* 4; *номера*, *цифры* 3; *один* 2; *в математике*, *математика*, *методов* 1.

4. **Мера, величина** (0,7%): *масса*, *размер*, *рост* 1.

5. **Неотраженные реакции** (3,6%): *вольно* 4; *воняет*, *итог*, *качество*, *местоимения*, *наименование*, *порядок*, *последовательность*, *пошляция*, *сено*, *ума*, *факт* 1.

Пересекающимися оказались реакции *счет* 4; *номера*, *цифры* 3; *один* 2; *души*, *людей в семье* 1. Они одновременно могут относиться к СГ 1, 3 (за исключением реакций *души*, *людей в семье*).

Результаты ассоциативного эксперимента показывают, что содержание толковых словарей во многом отражает сознание носителей русского языка (сравним, например, совпадение реакции «населения» с

иллюстративным материалом толковых словарей).

Лексический состав лексемы «численность» может включать следующие семантические признаки, которые выделяются / не выделяются в качестве отдельного значения в словаре, но находят свое отражение в АП реципиентов: «Численность» – 1) численный состав, показатель, выраженный в числах / цифрах; 2) обобщенные данные; 3) мера, величина; 4) принадлежит к области математики. В сознании носителей русского языка концептуализируются СГ 3, 4.

Обратимся к последней в рамках синонимического ряда лексеме «число» и выделим следующие СГ:

I. Ядерная зона: 1. **Величина, показатель, выраженный в цифрах** (66,5%): *цифра* 92; 5 26; *номер* 16; *один* 13; 7 11; 10, *счет* 9; 8, 2, 3 5; 9, *деньги*, 0 4; *счастливое, единица* 3; *большое, зверя, зеро, 20, 12, 100, 6, 1 000 000, 41, число, школа* 2; *атомов, буква, вещей, время, второе, 28, 25, дети, 19, дней в календаре, знак, измерение, круглое, любимое, люди, магия, магическое, молекул, натуральное, однозначное, от 1 до 1000, первое, положительное, пятачок, 5252, 15, ряд, 72, символ, солдат, 45, сотворение, сто, 108, столов, считалка, таблица, 38, цифрка* 6, *часы*, 666 1.

II. Ближняя зона: 2. **Календарное обозначение** (13,9%): *дата* 31; *месяц* 11; *год, календарь, месяца* 2; *время, 19 февраля, день, день рождения, март, последнее число месяца, сегодня, сотворение, часы* 1.

III. Дальняя зона: 3. **Сфера использования (сфера математики)** (9,5%): *Пи* 15; *математика* 13; *алгебра* 7; *Авогадро, арифметика, арифметическое, геометрия* 1.

4. **Обобщенные численные показатели** (5,1%): *количество* 15; *множество* 2; *много, нумерология, сумма, численность* 1.

5. **Неотраженные реакции** (1,0%): *палочка, род, роман Пелевина* 1.

Интерпретацию лексемы «число» можно представить следующим образом: «Число» – 1) величина, показатель, выраженный в цифрах; 2) обозначение, связанное с какой-либо датой, событием; 3) используется в математике; 4) обобщенные численные показатели. Среди представленных концептуализации подвергается компонент 3. Отметим, что 5-ый ЛСВ (число как грамматическая категория), представленный в СО и в СУ, в сознании носителей русского языка совсем не актуализируется.

На основании проведенного исследования отметим, что лексемы «количество – численность – число» имеют общие и дифференцирующие СГ. Отметим наиболее ярко выраженные СГ лексемы «численность»: *численный состав* (66,0%) (см. ниже Таблицу №1)), *обобщен-*

ные показатели (25,3%); для лексемы «число» – конкретный показатель, выраженный в цифрах (66,5%). Данные слова сближаются в компоненте *сфера использования* (соответственно 4,6% и 9,5%). Дифференцирующий компонент лексемы «число» – *календарное обозначение, связанное с какой-либо датой* (13,9%).

Лексема «количество» отличается СГ *показатель, выраженный в цифрах / числах* (45,7%). Он в наибольшей мере сближает лексемы «число», «количество» между собой. Высокое процентное соотношение получила СГ *выраженность измеряемых свойств* предметов (32,0%) и СГ *обобщенные данные* (18,6%). Для лексем «численность» и «число» количественные показатели в данной СГ составляют 25,3%, 5,1 % соответственно.

Таблица 1. Семантическое расстояние между лексемами «Количество – численность – число» на уровне их АП (в %).

Лексемы	Количество	Численность	Число
Семантические компоненты			
1. Показатель, выраженный в числах / цифрах	45,7	–	66,5
2. Выраженность измеряемых свойств предметов	32,0	–	–
3. Обобщенные показатели	18,6	25,3	5,1
4. Численный состав	–	66,0	–
5. Сфера использования	3,8	4,6	9,5
6. Календарное обозначение	–	–	13,9
7. Неотраженные реакции	3,3	3,6	1,0

Обобщая анализ АП всех слов, можно заметить определенные особенности. Некоторые из реакций образуют целый пласт устойчивых сочетаний слов, которые Б.М. Гаспаров называет «коммуникативными фрагментами»: «Это отрезки речи различной длины, которые хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [Гаспаров, 1996, с. 118]. Так, коммуникативными фрагментами оказываются реакции *населения* 205 (слово-стимул «численность»); *качество* 109; *деньги* 25 (слово-стимул «количество»); 5 26; *Пи* 15 (слово-стимул «число»). Количественная характеристика реакций отражает качественные показатели. Большая часть коммуникативных фрагментов попадает в ядерную зону (для лексем «численность», «число»).

Сознание носителей русского языка фиксирует стимулы в виде устойчивых сочетаний, отражает заключенную в высказывании скрытую информацию, которая позволяет представить содержание лексем более полно.

Результаты проведенного анализа показывают, что АП лексем «количество – численность – число» во многом отражают их диффузность. Семантическое расстояние между ними можно представить в виде следующей схемы:

Число < Количество < Численность

Лексемы «количество» и «число» оказались наиболее сближенными между собой.

Диффузность семантики наблюдается в пересечении отдельных реакций, а также в выделенных на основе АП слов их СГ.

В развитии современной лингвистики наступает период, когда появляется необходимость использования САЭ для выявления сходств и различий в лексическом значении слова на сигнификативном (содержательном) уровне. Мы попытались найти применение результатов САЭ по отношению к системной лингвистике, к лексическому значению слова.

Проведенное исследование вписывается в новое лингвистическое направление изучения системных отношений слов – ассоциативное измерение системности лексики. В свое время Ю.Н. Караулов, затрагивая проблему разграничения семантики и знаний о мире, писал, что «семантика слова, фиксируемая в филологическом словаре (ближайшее значение), вторична, производна по отношению к знаниям о мире (дальнейшему значению), а в силу своей системной консервативности она эволюционирует значительно медленнее своего источника» [Караулов, 1987, с. 169]. Соглашаясь с приведенным утверждением, мы видим в перспективе создание прогностического словаря потенциальных лексических значений, которые выявляются и отражаются в периферийной части АП. Данные словаря могут быть использованы для выяснения системных отношений слов с учетом показаний языкового сознания.

Литература

- Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка : Ок. 9 000 синонимических рядов. М., 1986.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Голев Н.Д. Опыт ассоциативного измерения содержательного расстояния между словами и словоформами на концептном уровне. Статья 1. // Картина мира: язык, литература, культура. Бийск, 2006. Вып. 2.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2000.

Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1999.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М., 2004.

Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь трудностей русского языка. М., 2001.

Словарь синонимов русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 2007.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / Под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М., 2007.

Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2006.

Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://slovari.yandex.ru/dict/ushakov/>

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://vidahl.agava.ru/>

ЭТАЛОНЫ НОМИНАЦИИ ОБЪЕКТОВ, ИМЕЮЩИХ ОДИН И БОЛЕЕ УГЛОВ, В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ю.В. Пинжакова

Ключевые слова: лингвокреативный потенциал, альтернативные эталоны формы, образная номинация.

Keywords: linguocreative potential, alternative shape standards, figurative nominations.

Разнообразие форм предметов окружающего мира с лингвистической точки зрения предоставило богатый материал для развития лингвокреативного процесса. Исчерпав небогатые, по сути, ресурсы идеальных геометрических объектов, язык пошел по пути создания ярких и выразительных образов через порой совершенно неожиданное сравнение форм предметов окружающего мира. В данной статье объектом исследования являются альтернативные эталоны форм, имеющих разнообразие углов: от треугольника и конуса до прямоугольника.

Для сбора материала был использован «Малый академический словарь русского языка» в четырех томах (далее СРЯ), дополненный по мере необходимости данными из 17-томного «Словаря современно-

го русского литературного языка» (далее ССРЛЯ). Основным критерием отбора языковых единиц был факт развития лексемой вторичного (переносного) значения характеристики по форме.

Номинации, удовлетворяющие заданному условию, представлены в группах по принципу базового сходства с соответствующей идеальной геометрической формой. Выявленное сходство позволяет ярче продемонстрировать уникальные особенности каждого эталона и созданного образа, для чего был использован традиционный семемный анализ по дифференциальным семам. Лексемы, обозначающие эталоны, выделены полужирным курсивом, а примеры использования их в качестве вторичных номинаций (предметные воплощения эталонов) – обычным курсивом.

Эталоны – носители формы, близкой к форме треугольника

В данную группу были отнесены объекты, подходящие под определение треугольника: *мыс, клин, косяк, зуб, стрела, рог*.

Мыс. Эталон: часть суши, острым углом вдающаяся в водное пространство (море, озеро, реку). Предметное воплощение: *мыски туфель, мысы леса* (СРЯ, 2, 317).

Клин. Эталон: заостренный книзу и расширяющийся кверху кусок дерева или железа, употребляемый для расщепления, раскалывания чего-либо. Предметные воплощения: *клин ткани, клин журавлей, танковые клинья, борода клином, клин «затвор, запор, имеющий форму клина», клинистая борода, клинобородый, клиновидные листья, клиновидный ремень, клиновидный хвост птицы, клиновидная (или основная) кость, клинолистный, клинопись, клинчатый кирпич* (СРЯ, 2, 58; ССРЛЯ, 5, 1031).

Косаяк. Эталон: каждая из боковых частей дверной или оконной рамы, стесанная наискось или косою участок, клин земли. Предметное воплощение: *косяк журавлей* (СРЯ, 2, 115; ССРЛЯ, 5, 1531).

Зуб. Эталон: костное образование, орган во рту для схватывания, кусания, измельчения и разжевывания пищи. Предметные воплощения: *зубец пилы, зубы башины* (СРЯ, 1, 623; ССРЛЯ, 4, 1344).

Стрела. Эталон: тонкий стержень с заостренным концом или с острым наконечником, употребляемый для стрельбы из лука. Предметные воплощения: *стрела «узкий и длинный мыс при слиянии двух рек, а также песчаная коса, намытая прибором», стрелка копыта, стрельчатые окна* (СРЯ, 4, 285; ССРЛЯ, 14, 1024).

Рог. Эталон: твердый вырост из костного вещества на голове у некоторых животных. Предметное воплощение: *рог «мыс»* (СРЯ, 3, 721–722; ССРЛЯ, 12, 1358).

Общим идеальным геометрическим прототипом формы каждого из перечисленных альтернативных эталонов является треугольник, но наиболее близким к оригиналу представляются *мыс* и *клин*. Реалии, для описания формы которых были использованы эти эталоны, позволяют заключить, что в эталоне *мыс* содержится признак объемного, представленного как цельный, предмета преимущественно значительного размера (например, когда *мыс* сравнивается с лесным массивом). В случаях, когда для создания образности был выбран *клин*, предметы оказываются узкими, вытянутыми, небольшого размера или же удаленными на такое расстояние, что кажутся небольшими (например, *журавлиный клин*). В примерах с объектами, называемыми *косяком*, на первый план выходит факт схождения двух непараллельных прямых под острым углом. Для объектов, сравниваемых с *зубом*, мотивирующим фактором может сыграть либо наличие острого выступа, либо наличие некоторого количества выступов, напоминающих зубы. *Стрела*, которая при рассмотрении в комплексе оказывается эталоном уникальной формы, в данном случае является синонимом рога и мыса, привнося в создаваемый образ угадываемый, хоть и не отмеченный в словарной статье, признак прямизны и возможного наличия линии, разделяющей треугольник от вершины пополам (как в *стрелке копыта*).

Эталоны – носители формы, близкой к форме конуса

Эталонами данной формы могут служить предметы, имеющие конусообразную форму, например *рог*, *колокол*, *наперсток*, *воронка*, *раструб*, *груша*, *голова*.

Рог. Эталон: твердый вырост из костного вещества на голове у некоторых животных. Предметные воплощения: *охотничий рог*, *пастушеский рог*; *рогалик*, *рогулька*, *рожок* «маленькая булочка, имеющая форму рога», *рожок телефона*, *рожок душа*, *газовый рожок*, *рожок из бумаги* (СРЯ, 3, 721 – 722; ССРЛЯ, 12, 1358).

Колокол. Эталон: металлическое (из меди или из медного сплава) изделие в виде полого усеченного конуса с подвешенным внутри него для звона стержнем – языком. Предметные воплощения: *водолазный колокол*, *колокольчик* «растение» (СРЯ, 2, 75; ССРЛЯ, 5, 1175).

Наперсток. Эталон: колпачок, надеваемый на палец при шитье для предохранения от укола иголкой. Предметные воплощения: *наперстянка* «травянистое лекарственное растение сем. норичниковых, с цветками, напоминающими по форме наперсток» (СРЯ, 2, 378, ССРЛЯ, 7, 375).

Воронка. Эталон: приспособление в виде конуса, заканчивающегося трубкой, служащее для переливания и фильтрования жидкостей. Предметные воплощения: *воронка абажура, взвиться воронкой* (о снеге и т.п.), *воронка* «коническая яма в земле в форме перевернутого конуса, образовавшаяся на месте взрыва снаряда, бомбы», *воронка* «конусообразное углубление в вершине вулкана, через которое прорываются продукты вулканического извержения, кратер», *воронкообразная антенна* (СРЯ, 1, 212; ССРЛЯ, 2, 679).

Раструб. Эталон: расширение на конце трубы, а также предмет, имеющий такую форму. Предметные воплощения: *сложить ладони раструбом; раструб корнета, раструб фагота; сапоги с раструбами; раструб переулка* (СРЯ, 3, 677; ССРЛЯ, 12, 930).

Груша. Эталон: плод этого дерева, имеющий форму округлого конуса. Предметные воплощения: *груша автомобильного гудка, грушевидная айва, грушевидное тело* (СРЯ, 1, 353; ССРЛЯ, 3, 449).

Голова. Эталон: верхняя часть тела человека, верхняя или передняя часть тела животного, содержащая мозг. Предметные воплощения: *голова сыру, сахарная голова* «пищевой продукт в виде шара, конуса» (СРЯ, 1, 325; ССРЛЯ, 3, 211–224).

Шатер. Эталон: палатка из ткани, кожи, ветвей. Предметные воплощения: *шатры берез и дубов* (СРЯ, 4, 704).

Языковые данные представляют нам разные варианты конуса: усеченные (*наперсток, колокол, раструб*), округлые (*колокол, груша, голова, шатер*), направленные острием вниз (*воронка*) и вверх (*колокол, наперсток*), разные по толщине (например, ср. *рог и раструб*).

Обращает на себя внимание момент разведения форм выступов и выпуклостей различных типов. Если выпуклость является более или менее округлым возвышением на плоскости и может быть отнесена к типу полусферы, то выступ представляется как нечто угловатое. Поэтому *рог* как вырост стоит ближе к форме идеального конуса, чем, например, *голова, груша* или *шатер*.

Кроме того, в каждом конкретном случае язык, стремящийся к максимальной выразительности, сканирует окружающую действительность на предмет совпадения образов: у *колокольчиков* пестик напоминает язычок настоящего колокола (ср. описание данной номинативной единицы в работе: [Рут, 2008, с. 35]). Аналогичный случай мы можем наблюдать в примере с *наперстком* и *наперстянкой*.

Противоположный описанному выше тип переноса, с растения – на предмет, представляет пример с *грушей* как плодом дерева и как

автомобильным гудком. Важными здесь оказываются округлость основания и характерный изгиб боковой поверхности у вершины.

Мотивом использования в качестве эталона формы *рога* в большей степени, несомненно, явилась искривленная форма сопоставляемых объектов. В природе рога практически у всех животных за редким исключением имеют характерный изгиб, что определяет и подбор сравниваемых объектов.

Раструб подразумевает наличие полого пространства внутри объекта с относительно широкими входным и выходным отверстиями. Кроме того, можно отметить и разницу в соотношении входного и выходного отверстий *раструба* и *воронки*.

Эталоны – носители прямоугольной формы

Сюда могут быть отнесены такие эталоны, как *клетка*, *кирпич*, *каре*, *колонна* и *плитка*.

Клетка. Эталон: помещение для птиц и животных со стенками из металлических или деревянных прутьев. Предметные воплощения: *клетки шахматной доски*, *ткань в клетку*, *клетка* «участок поля четырехугольной формы», *клетка* «способ укладки некоторых материалов (бревен, дров, кирпича и т.п.) в виде четырехугольника параллельными рядами крест-накрест (*сложить поленья в клетку*)» (СРЯ, 2, 57; ССРЛЯ, 5, 1019).

Кирпич. Эталон: прямоугольный брусок из обожженной глины, используемый для строительных работ. Предметные воплощения: *кирпич торфа*, *кирпич чая*, *кирпич хлеба*, *кирпич* «дорожный знак с изображением прямоугольника, запрещающий въезд, проезд транспорта» (СРЯ, 2, 51; ССРЛЯ, 5, 963).

Каре. Эталон: построение пехоты в форме четырехугольника, применявшееся для отражения атак кавалерии до второй половины XIX века. Предметные воплощения: *платье с вырезом каре*, *здания в виде каре*, *стрижка каре* (СРЯ, 2, 33; ССРЛЯ, 5, 815).

Колонна. Эталон: часть архитектурного сооружения в виде высокого столба, служащего опорой фронтонов, внутренних частей здания и т.п. Предметные воплощения: *колонна солдат*, *колонна автомашин*, *колонны цифр*, *газетная колонка* (СРЯ, 2, 76; ССРЛЯ, 5, 1183).

Плитка. Эталон: небольшая плита (плоский, с ровной поверхностью кусок камня, металла). Предметные воплощения: *плитка шоколада*, *плитка табака* (СРЯ, 3, 142; ССРЛЯ, 9, 1406).

Здесь наблюдается противопоставление эталонов плоских и объемных форм, часто находящихся выражение через одну и ту же номинацию. Так, *кирпич* может служить эталоном плоской (в значении «до-

рожный знак») и объемной (например, *кирпич хлеба*) формы. То же самое противопоставление мы встречаем в случаях сравнения *ткани в клетку* и поленницы, уложенной соответствующим образом, *выреза каре* и *здания в виде каре*, *газетной колонки* и *колонны автомашин*. **Плитка** в сравнении с остальными примерами находится в промежуточном положении: и объемная, и плоская.

Дифференцирующим может оказаться геометрическое своеобразие фигур. **Клетка** представляется как квадрат, **кирпич** и **колонна** – как прямоугольник.

Колонна в свою очередь может оказаться прерывистой, образованной из ряда отдельно стоящих предметов (автомашин, людей и т.п.). Дифференциальными семами можно считать для **кирпича** и **плитки** отсутствие пустот внутри, тогда как **клетка** и **колонна** могут пониматься как полые или как составные. Чтобы быть названным **плиткой**, объект должен быть плоским, а высота **кирпича** должна быть примерно равна его ширине.

Из-за сравнительно небольшого количества альтернативных эталонов, соответствующих геометрическим прототипам треугольника, конуса и прямоугольника можно сделать вывод, что предметы указанной формы являются, как правило, артефактами и нечасто встречаются среди реалий живой природы.

Нашей задачей является исследование лингвокреативных способностей человека как субъекта номинативного процесса в плане использования языка как изобразительного средства описания форм предметов окружающего мира. Анализ альтернативных эталонов форм, имеющих углы, выступы и тому подобные неровности, продемонстрировал, что основным мотивирующим фактором и критерием выбора служит эстетическое стремление номинатора к поиску наиболее выразительного, необычного, яркого и сильного образа.

Литература

Рут М.Э. Образная номинация в русской ономастике. М., 2008.

Словари

СРЯ – Словарь современного русского литературного языка : В 4 т. М. ; Л., 1939–1965.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : В 17 т. М. ; Л., 1939–1965.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

О.С. Борисова

Ключевые слова: восприятие, заимствования, идентификация значений, освоение.

Keywords: perception, borrowed words, the identification of meaning, assimilation.

Расширение ареалов языкового взаимопроникновения и взаимовлияния в наши дни придало особую значимость исследованиям процессов и механизмов восприятия иноязычных слов носителями заимствующего языка. Несмотря на то, что данная проблема давно волнует ученых, психолингвистика до сих пор не способна дать однозначные ответы на многие вопросы, среди которых центральными являются следующие: вводятся ли иноязычные слова в единый лексикон или занимают специальное место в памяти индивида; каким образом идентифицируются значения иноязычных слов носителями принимающего языка; как процесс идентификации соотносится с личным опытом носителей.

Восприятие слов – это неоднородный процесс, в котором можно выделить различные уровни различения и узнавания, находящиеся между собой в иерархической взаимосвязи:



На *сенсорном* уровне происходит акустический анализ и распознавание звуков в составе слова, на *перцептивном* – их узнавание, а на *смысловом* – устанавливается общий смысл воспринимаемого слова [Жинкин, 1958, с. 118]. Смысловое восприятие *иноязычных* слов представляет собой весьма сложную речемыслительную деятельность, обусловленную целым рядом факторов, среди которых можно выделить экстралингвистические (национальность, индивидуальные особенности) и лингвистические (языковая система). На специфику неевропейских систем мышления и на свойственный неевропейским народам своеобразный тип восприятия обращали внимание многие исследова-

тели. Своеобразие форм мышления и других психологических процессов обусловлено рядом причин, одной из которых, на наш взгляд, является система письма. Так, носители языка с иероглифической письменностью обладают хорошей зрительной памятью, поскольку иероглиф представляет собой набор графем, имеющих вид рисунка. Процессы запоминания и воспроизведения материала людьми, владеющими таким письмом в большей мере ориентируются на зрительную память. В этой связи можно предположить, что процесс восприятия и понимания китайцами иноязычных слов будет обусловлен именно этой особенностью их памяти. На этапе осмысления многозначное заимствованное слово будет восприниматься носителями китайского языка не как нечто целое, а лишь как набор этимологических значений, которые закреплены за каждым из иероглифов, что существенно затруднит понимание.

Анализ экспериментальных данных Т.Г. Родионовой, Т.Ю. Сазоновой, С.И. Тогоевой показал, что не каждое вновь появившееся в языке слово относится к потенциальному словарю¹ носителей. К нему могут относиться лишь те единицы, которые поддаются идентификации на семантическом уровне, поскольку язык прежде всего является средством оформления и передачи информации, и практически любой элемент его формальной структуры имеет семантическую мотивировку [Родионова, 1991; 1992; Сазонова, 1991; 1992; Тогоева, 1990; 1991]. Кроме того, количество иностранных слов в словаре носителей языка-реципиента определяется способностью индивида усваивать значения из контекста: именно контекст объясняет связь между *формальным знанием* какого-либо заимствованного слова и его *пониманием* индивидом. По мнению С.И. Тогоевой, психологическая структура значений новых слов может включать в себя следующие параметры: конкретность, образность, эмоциональность, новизну (неизвестность). Идентификация *новых* и уже *освоенных* носителями слов происходит на разных уровнях. Идентификация значений новых лексических единиц – своего рода «ассоциативная реакция» носителей с опорой на образовательную модель и знакомые компоненты. Уже при первом знакомстве с иноязычным словом реципиент пытается увидеть в нем какие-то значимые его компоненты, используя свой ментальный лексикон и речевой опыт. По мере накопления последнего формируют-

¹ Потенциальный словарь – слова, значения которых носителю языка неизвестны, но которые он способен установить, опираясь на внутреннюю форму или контекст [ЛЭС, 1990, с. 462].

ся ассоциативные структуры слова, которые необходимо рассматривать как некую проекцию иноязычного слова в сознании индивида. Именно поэтому при идентификации неосвоенных или малоосвоенных слов носители принимающего языка прибегают к ассоциативной стратегии. Идентификация знакомой лексики, в отличие от идентификации незнакомых слов, есть всегда выход на определенную ситуацию [Тогоева, 1997, с. 119]. Это положение может являться объяснением того, почему некоторые иноязычные слова, точное значение которых носители объяснить не могут, все же могут употребляться ими в правильном контексте. Процессы усвоения значений иноязычной лексики происходят с учетом определенного набора информации, предоставляемой контекстом, в котором они встречались.

С целью верификации вышеизложенных положений в рамках настоящего исследования был проведен психолингвистический эксперимент, в котором носители русского и китайского языков выступали не только в качестве информантов, сообщающих о своем знании языка, но и как испытуемые со своей системой ценностей. Задачей проведенного эксперимента было выявление стратегий идентификации значений лексических заимствований носителями русского и китайского языков.

Объектом опроса послужили информанты в возрасте от 20 до 50 лет (гендерный фактор не учитывался). Общее число информантов составило 100 человек: 50 носителей русского языка, 50 носителей китайского языка. Испытуемым предлагалось выполнить следующие задания:

- 1) дать определение заимствованного слова как знакомого или незнакомого;
- 2) указать используется или не используется предъявленное слово в собственной речи;
- 3) записать субъективную дефиницию каждого предъявленного слова;
- 4) составить предложение с каждым предъявленным словом.

Эксперимент проводился в форме анкетирования. Анкета для испытуемых включала список слов и инструкцию. В связи с большим объемом материала список слов, предложенных разным группам носителей, варьировался и включал в себя 25 единиц, относящихся к различным сферам жизнедеятельности общества (экономика, политика, компьютерная техника, культура, спорт и быт) и заимствованных русским и китайским языками. Материал исследования выявлялся методом сплошной выборки из русских и китайских словарей иностранных слов: «Словарь иностранных слов» (Н.Г. Комлев, 2000), «Давайте го-

ворить правильно: новейшие и наиболее распространенные заимствования в русском языке.» (Е.Ю. Ваулина, Г.Н. Складьевская, 2004), «Толковый словарь иноязычных слов» (Л.П. Крысин, 2006), «Новый русско-китайский тематический справочник» («*新编又俄分类词汇手册*», 1996), «Словарь иностранных слов» («*外来语词典*», 2000), «Справочник диалектных различий использования неологизмов на примере гонконгского, тайваньского диалекта и общенационального языка путунхуа» («*港台用语与普通话新词手册*», 2000), «Этимологический словарь новых слов китайского языка нового и новейшего времени» («*近现代汉语新词源词典*», 2001), «Словарь китайских неологизмов 21 века» («*21世纪华语新词语*», 2007). Выбор словарей диктовался необходимостью выявить наиболее активно развивающуюся группу заимствованной лексики, которая с наибольшей полнотой отражает изменения, происходящие в жизни общества. Нельзя не отметить также группу иноязычных неологизмов, еще не зафиксированных в словарях, но которые получили широкое распространение в последние годы; поэтому в качестве дополнительного источника материала привлечены интернет-ресурсы: «Википедия», «Викисловарь», электронный «Словарь иностранных слов». Кроме того, для сравнительного анализа используются российские и китайские журналы «Добрые советы», «Лиза», «Glamour», «Cosmopolitan», «Jessica», «*爱人*» («Возлюбленный/ая»), «*都市丽人*» («Столичная красавица»), «*女刊瘦美人*» (женский журнал «Красавица»). Выбор именно популярных молодежных журналов как источника новейших заимствований не случаен. С одной стороны, современные журналы являются надежным фиксатором новых языковых явлений, с другой стороны, молодежная аудитория – наиболее яркий с точки зрения иноязычных вливаний сегмент, который способствует также активному распространению заимствуемых единиц. В качестве источников иллюстративного материала также привлекались электронные тексты, размещенные на сайтах Рунета, и «электронная» речь посетителей различных форумов. В ходе эксперимента проанализировано около 30 000 лексических единиц, заимствованных русским и китайским языками, из которых собственно для исследования отобрано 50 иноязычных заимствований в каждом языке. Основными критериями отбора послужили:

- 1) время заимствования (конец XX – начало XXI веков);
- 2) частотность и распространенность (частота употребления в речи носителей и письменных источниках);
- 3) функциональная неограниченность (принадлежность к различным сферам жизнедеятельности общества).

Результаты проведенного эксперимента позволяют выделить следующие стратегии идентификации значений иноязычной лексики носителями русского и китайского языков:

1. *Идентификация значений незнакомых и малознакомых лексических заимствований:*

а) **ассоциативная стратегия:** *скайдайвинг* – экстрим, *флайер* – скидка, *热线* rèxiàn (горячая линия) – *电台* diàntái (телевидение), *伊眉儿* yīméi'ěr (электронная почта) – *网路* wǎnglù (Интернет);

б) стратегия, опирающаяся на сходство звуко-графического оформления иноязычных слов: *драйв* – кайф, *стикер* – спикер, *лузер* – юзер, *酷* kù (крутой) – *醋* cù (уксус), *用户* yònghù (юзер) – *客户* kèhù (клиент);

в) стратегия обращения к иноязычному прототипу, которую используют билингвы в случаях, когда предъявленное иноязычное слово им незнакомо, или в случаях, когда необходимо уточнить его значение: *трафик* – дорожное движение, *экин* – действие, *скайдайвинг* – воздухоныряние, *快餐* kuàicān (фаст-фуд) – *速食* sùshí (быстрое питание).

2. *Идентификация психологических компонентов знакомых иноязычных слов:*

а) **отнесение к ситуации:** *топлес* – загорать, *пиар* – предвыборная компания, *拷贝* kǎobèi (копия) – *复印* (ксерокопировать), *酷* kù (крутой) – *夸男生* (хвалить мужчин) *桑拿* sāngā (сауна) – *洗澡* (мыться);

б) **идентификация через дефиницию:** *спичрайтер* – человек, пишущий тексты речей для членов госаппарата, *флорист* – человек, составляющий букеты, *价格表* jiàgébiǎo (прайс-лист) – *商品, 物品价格的清单* (упорядоченный перечень товаров, предметов с указанием цен), *比基尼* bǐjīnī (бикини) – *女士泳装的一种* (вид женского купального костюма);

в) **категоризация:** *фитнес* – спорт, *стайлинг* – внешний вид, *консалтинг* – экономика и бизнес, *роуминг* – мобильная связь, *汉堡包* hànǎobāo (гамбургер), *热狗* règǒu (хот-дог) – *食品* (продукты питания);

г) **иллюстрирование примером:** *провайдер* – Дальсвязь, *汉堡包* hànǎobāo (гамбургер) – KFC (Kentucky Fried Chicken) и т. п.;

д) **эмоционально-оценочная стратегия**, которая характеризуется наличием субъективно-эмоционального компонента: *брутальный* – мужественный, сексуальный; *принт* (на одежде) – модно *模特儿* mómòtèr (модель) – *漂亮* (красивая). Это объясняется свойством слов нести в себе разную информацию, которая может включать в себя образы, эмоциональную оценку. Иными словами, язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, и индивид, воспринимая какое-

либо иноязычное слово, может опираться на субъективное отношение к предмету или явлению, обозначенному им.

Носители китайского языка используют еще одну специфическую стратегию идентификации знакомых заимствований – **стратегию подбора аналога в родном языке**, например: 拜拜 bàibài (от англ. bye-bye) – 再见 zàijiàn (до свидания), 巴士 bāshì (от англ. bus) – 公共汽车 gōnggòng qìchē (автобус). Это связано с одновременным существованием в китайском языке иноязычных заимствований и исконных слов, обозначающих одно и то же понятие. Введению в обиход этих слов способствует языковая мода. Кроме того, имеют значения такие параметры говорящих, как пол, возраст, образование, род деятельности, поскольку иноязычная лексика включает в себя большое количество разнообразных социальных оценок.

Важную роль в восприятии иноязычного слова играет также его многозначность, которая является значительной помехой при толковании. Индивид может испытывать затруднение всякий раз, когда имеется неоднозначность в толковании. Воспринимая иноязычное слово, человек соотносит его с действительностью, со своими знаниями о ней, со своим личным опытом. В процессе идентификации значения многозначное слово соотносится с условиями его реализации, с определенным ситуативным контекстом, в котором содержится вся необходимая информация для точного понимания слова. При этом все элементы такого контекста (область употребления, порядок следования элементов, грамматическая форма слова и т.д.) информативны. Информативность в данном случае является весьма условной и индивидуальной категорией, поскольку каждый обладатель сведений поясняет их природу по-разному. Кроме того, понимание иноязычных слов может как соответствовать природе воспринимаемых вещей и явлений, так и не соответствовать ей. Во многих случаях употребление заимствованной лексики совершенно не тождественно ее знанию, которое является обязательным условием правильности речи.

Обобщение проведенного анализа приводит к выводу, что восприятие иноязычной лексики – это неоднородный и весьма сложный процесс, который обусловлен индивидуально-личностными особенностями воспринимающего, а также характером самих лексических единиц. Идентификация значений незнакомых/малознакомых лексических заимствований происходит на ассоциативном уровне. Идентификация уже освоенных носителями языка-реципиента иноязычных слов – на ситуативном уровне. Идентификации значения многозначного слова

также соотносится с ситуативным контекстом, который в большинстве случаев содержит всю необходимую информацию для точного истолкования слова.

Дальнейший анализ материалов эксперимента будет включать описание семантических модификаций слов, которые возникают в процессе освоения лексических заимствований разными группами языкового коллектива.

Литература

Жинкин Н.И. Механизмы речи. М., 1958.

Родионова Т.Г. Вопросы отбора материала и предварительные итоги экспериментального исследования особенностей идентификации неологизмов-глаголов // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь, 1991.

Родионова Т.Г. Некоторые результаты экспериментального исследования особенностей идентификации неологизмов-глаголов // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992.

Сазонова Т.Ю. Организация эксперимента по исследованию стратегий идентификации русских глаголов-неологизмов и количественная обработка данных // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь, 1991.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование стратегий идентификации прилагательных-неологизмов // Слово и текст в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1992.

Тогоева С.И. Специфика субъективных дефиниций словесных новообразований // Психолингвистические проблемы семантики. Тверь, 1990.

Тогоева С.И. Новое слово: лингвистический и психолингвистический подходы // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. Тверь, 1991.

Тогоева С.И. Новое слово – новое знание в коммуникативной и инновационной деятельности человека // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 1997.

ПРОЯВЛЕНИЕ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ В ЯЗЫКЕ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ

А.Е. Леонтьева

Ключевые слова: гипотеза лингвистической относительности, фоновые знания, диалект, немецкий язык.

Keywords: hypothesis of linguistic relativity, background knowledge, dialect, the German language.

Из всех многочисленных проблем, которые существуют в лингвокультурологии, в немецкой лингвокультурологии традиционно выделяется проблема языка и мышления. Идею о взаимообусловленности языка и мышления впервые высказал Вильгельм фон Гумбольдт: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [Гумбольдт, 2000, с. 68]. В своих работах он впервые поднял язык на один уровень с мышлением. Однако язык у В. Гумбольдта остается зависимым от мышления, он отводит языку функцию промежуточного связующего звена между миром «внешних явлений» и внутренним миром человека. Дальнейшую разработку идеи В. Гумбольдта получили значительно позже в рамках направления, которое получило название неогумбольтианство. Основными его представителями в европейском ответвлении стали немецкие философы и лингвисты Л. Вайсгербер, И. Трир, Х. Глинц, Г. Ипсен и др. Л. Вайсгербер в своих работах выводит понятие «языкового организма», ставя мышление в зависимость от языка: «Возможности языка для конкретного народа заключаются в том, что в языке заложены все средства мышления и выражения (звуковые формы, понятия, синтаксические категории и формы их выражения), и что из общего владения языком члены одного языкового сообщества черпают значительную однородность основ мышления и форм выражения» [Вайсгербер, 2004, с. 105].

Взгляды на корреляцию языка и мышления американских представителей неогумбольтианства Э. Сепира и Б. Уорфа сформировались в гипотезу лингвистической относительности. Данная гипотеза представляет собой концепцию, в соответствии с которой наш язык определяет способ познания мира, наше мировоззрение, логику и т.д.

Дж. Р. Серль подчеркивает, что мысль зависит от языка. Он считает, что говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он фактически сообщает.

В отечественной науке понятие фоновых знаний начали разрабатывать Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров. Они определяли фоновые знания как «знания, присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит», [Верещагин, Костомаров, 1983, с. 57] указывая на важную для понимания роли фоновых знаний способность языка фиксировать и сохранять информацию о постигнутой человеком реальности. Кроме Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова данной проблемой занимаются Г.Д. Томахин, А.А. Чернобров и др. Однако следует отметить, что большинство ис-

следований проводится на материале английского и русского языка. На материале немецкого языка подобной работой занимается Д.Г. Мальцева.

Идеи В. Гумбольдта и Л. Вайсгербера заложили основу междисциплинарного изучения языка в тесной взаимосвязи с культурой народа, социальными и этническими процессами.

Академик В.М. Жирмунский положил начало изучению социальной природы языка в советской диалектологии. Он отмечал необходимость подкрепления лингвистических данных данными других гуманитарных дисциплин: «Каждый язык должен <...> изучаться в тесной связи с историей народа, который был и является создателем и носителем данного языка» [Жирмунский, 1956, с. 13]. Им было дано определение диалекта, отражающее социальную природу этого явления, как «единства не исконно данного, а сложившегося исторически в процессе общественно обусловленного взаимодействия с другими диалектами общенародного языка, как результат не только дифференциации, но и интеграции» [Жирмунский, 1936, с. 23].

Сегодня изучение языка российских немцев проходит в рамках когнитивистики, фонологии, диалектологии и других дисциплин. Здесь необходимо выделить работы Л.И. Москалюк в области изучения островных немецких диалектов. Растет число междисциплинарных работ, пытающихся на основе лингвистического материала раскрыть природу языковых процессов, выделить нелингвистические компоненты функционирования языка.

Описание исследования

Базу исследования составляют материалы лингвистической экспедиции в Немецкий национальный район (с. Гальбштадт, с. Подсосново, с. Орлово, с. Редкая Дубрава, с. Протасово, с. Кусак) и с. Ая Алтайского района Алтайского края в 2007–2008 годах. В ходе исследования были опрошены представители основных религиозных направлений в среде российских немцев: меннониты, лютеране, католики. Данные опросы имели своей целью выявление принадлежности к лексическому фону российских немцев культурных и социальных реалий их исторической родины; степени внедрения реалий советской и постсоветской культуры в лексический фон российских немцев. Так как существует множество определений культуры, которые опираются на различные подходы к пониманию данного явления, необходимо прояснить, что понимается под «культурой» в данной работе. Мы придерживаемся толкований культуры, предложенных А.А. Чернобровым: материальное понимание культуры, ментальное и прагматическое.

[Чернобров, 2006, с. 126] Каждое из предложенных толкований находит свое отражение в языке в виде культурно-специфической лексики, специфических коннотациях и прагматических контекстах.

В данной статье будет рассматриваться лишь тематическая классификация полученного в ходе экспедиции лингвистического материала, который целесообразно разделить на бытовую лексику, фразеологизмы и поведенческие нормы. Религиозная лексика, не носящая массового характера, в данной статье рассматриваться не будет. Применяемая классификация накладывается на классификацию А.А. Черноброва и заимствует у нее важный для понимания механизма сохранения фоновых знаний компонент – поведенческие нормы. Для сбора данных применялся метод опроса информантов, наблюдение за спонтанной речью носителей говора.

Бытовая лексика

В среде представителей российских немцев, владеющих своим диалектом, материальный аспект культуры выражается в бытовой лексике (наименование предметов и явлений традиционного быта). Особенно сильны в коллективной памяти российских немцев названия и, соответственно, способы приготовления национальных блюд. Так, например, *Gortisalantja***¹, или салат из огурцов (салат из огурцов с солью, заправленный простоквашей), факт употребления этого блюда свидетельствовал о крайне бедственном положении семьи. *Matakleis*** – жареный творог. Данное блюдо и его название известно немцам с. Ая и не встречается у респондентов, проживающих в Немецком Национальном районе Алтайского края.² *Schnittsupp*** – компот, который варится из сухофруктов, но существуют и отличия в приготовлении: в с. Подсосново в это блюдо добавляют галушки. *Prips*** – (ячменный кофе домашнего приготовления). Его варили, когда в деревнях не был распространен кофе, но он еще сохранился в памяти старшего поколения. Данные блюда свидетельствуют об укоренении в сознании респондентов реалий подобного рода и их неразрывной связи с языковым воплощением именно при помощи диалекта.

Наиболее распространенными группами бытовой лексики являются названия домашней утвари. Так, например, известно, что в России немцы–колонисты познакомились среди прочего и с новым устройством печи (*Ove*** или *Ofe***). Печь в России служила для обогрева

¹ * – лексическая единица выдана респондентом в письменном виде; ** – лексическая единица восстановлена самостоятельно со слуха.

² Предположительно все российские немцы, проживающие в с. Ая Алтайского края, были депортированы из села Гусенбах Поволжье в 1941 году.

помещения, приготовления пищи, а также у нее имелась лежанка. Голландская печь, с которой были знакомы немцы до приезда в Россию, предназначалась для обогрева помещения и приготовления пищи, лежанки у нее не было. Таким образом, в лексическом фоне понятия «печь» у немецких колонистов появилось еще одно значение спального места.

На предложение назвать наиболее часто используемые в обиходе предметы были получены следующие ответы: *Desch***, *Tisch* – стол; *Schiffhut*** – выдвижные ящики; *Hüs***, *Haus* – дом; *Schifj***, *Teller* – тарелка; *Lipl***, *Lewel*** – ложка; *Kawel***, *Gabel* – вилка; *Glaus***, *Klös*** – стакан; *Kreus*** – кружка; *Schiesel*** – чашка; *Dat*** – одеяло; *Tschese*** – подушка; *Loke*** – простыня; *Pet*** – кровать; *Klöt*** – платье; *Vaßem*** – веник; *Klok*** – часы; *Kopia*** – бокал; *Waffeleise* – вафельница и др. Необходимо заметить, что встречаются названия ряда блюд и домашней утвари, для которых респондентами из разных населенных пунктов были даны идентичные названия: *Schnittsup***, *Strudel*** (рулет, слоеный пирог с яблоками или мясом), *Nudlsup*** (куриный суп-лапша) и др. Данная особенность была отмечена еще В.М. Жирмунским, который указывал на взаимодействие, имевшее место между немецкими поселениями, даже в условиях чересполосицы русских и немецких деревень, что в данном случае свидетельствует о существовании лингвокультурной общности российских немцев, проявляющейся в фоновой информации.

Фразеологические обороты

Примером выражения ментальных аспектов культуры в языке российских немцев служит ассоциативная лексика фразеологических единиц, которая раскрывает некоторые особенности мышления российских немцев. В ходе опроса были получены спонтанные реакции на отдельные слова и высказывания, отражающие психологические стереотипы российских немцев. Так, например, на *die Arbeit* респондентами были выданы следующие реакции: «*Erst die Arbeit dann das Spiel*»* («сначала работа, потом игра»), «*Morgen, morgen, nur nicht heute*», – *sagen alle faule Leute* (выдано респондентом с ошибкой)»* («Завтра, завтра, только не сегодня», – говорят все ленивые люди), «*Arbeit macht das Leben süß, Faulenz stärkt die Glieder*» («Работа делает жизнь слаще, а лень укрепляет суставы (организм)»).

На слово *die Erziehung* были получены следующие высказывания: «*O, Hemmel hast du keine Flent*»** («О небо, нет ли у тебя ружья!» – возмущение), «*Tunner, Wetter noch e mou*»** («Гром, гроза еще раз» – так же используется для выражения возмущения, гнева). В основном,

на слова «работа» и «воспитание» были получены фразеологизмы с негативной оценкой. Так, «*Schlofkap*»** – «спящая шапка» означает недотепа, разиня, рассеянный человек, «*hohe Wadel*»* – «ни то, ни се»; «*Faulhund*» и «*Faulpelz*» можно перевести, как «лентяй, разгильдяй». Смысл выражения «*Sack voll toll maise*»** респондент передал как «мешок бешенных мышей», используется для выражения удивления, негодования. Метафоричность, свойственная фразеологизмам, дает представление о коннотациях, свойственных употребляемым объектам. Так, мыши в выражении «*Sack voll toll maise*» явно ассоциируются с шумом, в русской же культуре, напротив, «мышка – норушка», «сидеть тихо, как мышь».

Поведенческие нормы

Что касается проявления бихевиористских аспектов культуры в языке российских немцев, то здесь можно привести в качестве примера сохранившийся в некоторых деревнях обычай обмениваться приготовленными на Рождество блюдами или сохранившуюся в некоторых семьях традицию субботней уборки (*Samstaganhalt*** или *Samstaghalde***). Самыми распространенными праздниками, как показал опрос, являются Рождество (*Weihnachten*, *Winacht***)) и Пасха (*Ostern*, *Austen**), хотя праздничные обычаи в основном утрачены.

Как показывают данные опроса, большинство реалий, полученных от респондентов на диалекте, носят бытовой характер, в лексическом фоне российских немцев находят отражение не только «советизмы», но и понятия (*Natschalstwo*, *Propiska*, *Kolhoz*, *Kastrol*, *Samowar*, *Poliklinik*, *Kofta* и др.), ставшие неотъемлемой частью жизни российских немцев во второй половине XX века. Способность не только называть вещи, но и использовать данные понятия свидетельствует о включении в фоновые знания российских немцев целого комплекса знаний, а также ментальных и поведенческих аспектов культуры их предков. Хотя, влияние русской культуры и русского языка очевидно, в ходе опроса было установлено, что лексический фон респондентов включает в себя бытовые и культурные реалии своей языковой группы и имеет некоторую общность с лексическим фоном исторической родины, чему способствуют и СМИ. Так, среди печатных источников были названы «*Zeitung für dich*», «*Neues Leben*», «*Neue Zeit*», «*Rote Fahne*». Налицо наличие устойчивой лингвокультурной общности российских немцев Алтайского края, основанной на общности фоновой информации представителей данного языкового сообщества, которая находит свое отражение в языке в виде бытовой лексики, фразеологических оборотов (многие пословицы, поговорки и фразеологизмы зна-

комы респондентами разных территориальных образований и конфессий) и поведенческих норм.

Идеи континенталистов В. Гумбольдта и Л. Вайсгербера, а также разработка фоновых знаний В.Г. Костомаровым показывают, что язык сохраняет и передает фоновую информацию коллектива, создавая общее лингвокультурное пространство. В этом можно убедиться на примере сообщества российских немцев, современное состояние языка и культуры которого является уникальным.

Литература

- Вайсгербер И.Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004.
Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод, руководство. М., 1983.
Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
Жирмунский В.М. История немецкого языка. М., 1956.
Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. М., 1936.
Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. Вып. 17.
Уорф Б.Л. Наука и языкознание. О двух ошибочных воззрениях на речь и мышление, характеризующих систему естественной логики, и о том, как слова и обычаи влияют на мышление // Зарубежная лингвистика. 1999. Вып. 1.
Чернобров А. А. Лингвокультурология : основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура). Новосибирск, 2006.

ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ПОЛУСУФФИКСОВ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ЯДРО СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПОЛЯ ПОЛУСУФФИКСАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

Е.С. Дьячкова

Ключевые слова: словообразовательное поле, полусуффикс, значение, генерализация, полисемия.

Keywords: word-forming field, semi-suffix, meaning, generalization, polysemy.

Изучение механизмов формирования значения так называемых полусуффиксальных элементов представляет собой один из наиболее

актуальных вопросов в современном английском словообразовании. В данной работе полусуффикс трактуется как словообразовательный элемент промежуточного статуса, по форме совпадающий с простым корневым словом, но обладающий функционально-семантическими характеристиками словообразовательного суффикса, формирующийся на базе второго компонента сложного слова, обладающий, как правило, более общим, генерализующим значением и образующий в сочетании с основами различной семантики заметные словообразовательные ряды. Наряду с указанными собственно полусуффиксами в английском языке существуют словообразовательные элементы, в различной степени приближающиеся по своим функционально-семантическим характеристикам к префиксам и суффиксам. К ним можно отнести словообразовательные элементы, возникающие на базе 1) так называемых соединяемых форм «combining forms», 2) «осколочных» элементов телескопных слов, а также 3) образования, формирующиеся на базе свободной производной основы. Указанные элементы демонстрируют высокую словообразовательную активность, соединяясь с основами различной семантики, как правило, в более общем по сравнению с исходным коррелятом значении. Общность функционально-семантических характеристик данных элементов может служить основанием включения их в корпус полусуффиксов со статусом словообразовательных элементов, приближающихся по своим свойствам к полусуффиксам.

Эти единицы обладают вышеприведенными характеристиками полусуффиксов в большей или меньшей степени, что позволяет рассматривать их наряду с собственно полусуффиксами как ядерными элементами в рамках словообразовательного поля полусуффиксов. Под словообразовательным полем полусуффиксов мы понимаем иерархически организованную (центр – периферия) совокупность полусуффиксальных словообразовательных элементов, объединенных генерализующим характером лексического значения, общими дистрибутивными чертами (положение после корня), общими функциональными свойствами (образование новых слов путем присоединения к производящей основе). В связи с этим представляется возможным расположить исследуемые элементы в данной модели в зависимости от их соответствия основным критериям выделения полусуффиксов следующим образом: к ядерной зоне отнести собственно полусуффиксы, то есть словообразовательные единицы, возникшие на базе простой корневой морфемы и соответствующие всем критериям выделения подобного рода элементов, к приядерной зоне отнести полусуффиксы, возникшие на базе соединяемых форм (корневые морфемы латинского и греческо-

го происхождения), а к периферии – полусуффиксы, сформированные на базе производных основ и “осколочных” элементов телескопных слов.

Основными критериями выделения полусуффиксов, как показывает анализ работ по проблеме полуаффиксации (М.Д. Степанова [Степанова, Фляйшер, 1984], Г. Марчанд [Marchand, 1969], П.М. Карашук [Карашук, 1977] и др.), являются следующие:

1) формальное сходство с самостоятельной лексической единицей, морфемная структура которой представлена простой корневой морфемой;

2) наличие более общего по сравнению с корневой морфемой значения;

3) способность выражать одно и то же значение в сочетании с основами определенного семантического класса;

4) активное участие в образовании новых единиц.

В ходе анализа английских композитов с повторяющимся вторым компонентом было выделено **90** полусуффиксальных элементов и **1488** образований с ними, которые распределились следующим образом на различных уровнях словообразовательного поля полусуффиксов. Собственно полусуффиксы, соответствующие всем критериям выделения полусуффиксов, типа -man (postman), -load (busload), -free (oil-free) заняли ядерную часть поля (42 форманта). В приядерную зону вошли полусуффиксы, восходящие к «соединяемым формам», такие как -mania (moviemania), -phobia (problemphobia) и др. (14 формантов). Периферийную зону образовали элементы, подобные полусуффиксам или псевдо-полусуффиксы, включающие словообразовательные элементы, восходящие к производным основам: -friendly (oxygen-friendly), -intensive (labour-intensive) (26 формантов) и словообразовательные элементы, восходящие к «осколкам» телескопных образований, например: -rama (futurerama), -a/oholic (pizzaholic) (8 формантов).

Целью данной работы является изучение механизма формирования значения полусуффиксальных элементов, относящихся к ядерной зоне словообразовательного поля полусуффиксов на основе сравнительного анализа семантики корневых морфем (простых корневых слов) и соответствующих полусуффиксов в образованиях, отобранных из английских толковых и англо-русских словарей на основе повторяемости второго компонента в сложных образованиях.

Полусуффиксальные элементы, возникшие на базе простой корневой морфемы и коррелирующие с простыми корневыми словами,

составляют в нашем исследовании самую многочисленную группу, включающую **42** форманта, и участвуют в создании более 1000 образований. Это полусуффиксы **-man, -head, -house, -work, -size, -like, -joint, -side, -wise, -box, -proof, -free, -style, -pot, -boy, -rich, -dog, -hound, -wide, -bug, -type, -job, -load, -mate, -speak, -shark, -fiend, -mad, -nut, -poor, -hop, -trap, -sharp, -bird, -alley, -ape, -folk, -mind** и т.п., представленные здесь в порядке своей частотности, которую мы рассматриваем как важный показатель их продуктивности в связи с наличием значительного количества новообразований с ними. Данные элементы полностью соответствуют основным критериям выделения полусуффиксов и, соответственно, составляют ядерную зону словообразовательного поля полусуффиксов.

Сравнительный анализ семантики простого корневого слова и коррелирующего с ним полусуффикса позволяет выявить ряд основных направлений в формировании значения полусуффикса. Формирование содержания значения полусуффикса обусловлено характером значения коррелирующего с ним простого корневого слова, которое, как правило, является многозначным. Проблема полисемии лексических единиц является одной из наиболее важных при исследовании их семантической структуры. При этом особое значение приобретает вопрос об установлении связей, зависимостей между значениями слова-полисеманта. Значения исследуемых слов-полисемантов объединяются разными типами связи, различаясь по своему статусу и смысловому содержанию. Особый интерес для нас представляют наиболее общие значения и значения, способные к расширению, так как именно на их основе формируются генерализующие значения соответствующих полусуффиксов.

Полусуффиксы, так же как и их корреляты, простые корневые слова, способны обладать несколькими значениями. В связи с этим, представляется возможным предположить, что полисемия полусуффиксов обусловлена полисемией коррелирующих простых корневых слов, причем полусуффиксом избираются их наиболее общие значения. Таким образом, полисемия многозначного исходного слова ведет к полисемии полусуффикса. При этом значения полусуффикса формируются на базе наиболее общих, широких, генерализующих значений исходного слова. Количество значений, которые наследуются полусуффиксом, естественно, ниже количества значений многозначных исходных слов. Так, например, значения полусуффикса **-head** сформировались следующим образом. Основными значениями коррелирующе-

щего с данным полусуффиксом существительного head являются следующие значения:

- 1) the part of the body which contains the eyes, the nose, the brain etc. «голова»;
- 2) person «человек, лицо»;
- 3) mind / brain «ум, рассудок»;
- 4) the part at the top «верхняя часть чего-либо»;
- 5) the part at the front «передняя часть чего-либо».

Семантическая структура соответствующего простому корневому существительному head полусуффиксального элемента **-head** содержит 3 основных значения:

- 1) «человек»;
- 2) «верхняя часть»;
- 3) «передняя часть».

В образованиях типа woodenhead «глупец», egghead «умник» полусуффикс **-head** обладает значением, сформированным на основе синтеза значений коррелирующего простого корневого существительного head₁ «голова», head₂ «человек, лицо», head₃ «ум, рассудок». Значение полусуффикса **-head** в таком случае – «человек, лицо как носитель интеллекта или определенного состояния». В образованиях типа thistlehead «головка чертополоха», flowerhead «бутон» значение **-head** образовалось на основе значения head₄ «верхняя часть чего-либо». В образованиях типа bridgehead «предмостное укрепление», wellhead «устье скважины» значение **-head** возникло на основе значения head₅ «передняя часть чего-либо». Таким образом, полисемия полусуффикса **-head** обусловлена полисемией его коррелята – простого корневого существительного head, при этом, полусуффиксом избираются наиболее общие значения соответствующего коррелята (head₄, head₅) или происходит формирование нового общего значения на базе синтеза нескольких значений (head₁, head₂, head₃).

Формирование значения полусуффикса возможно на базе основного значения коррелирующего простого корневого слова. Так, основное значение существительного side – «a particular area of something, определенная часть чего-либо» - послужило основой для формирования значения коррелирующего с ним полусуффикса **-side** «часть чего-либо», в котором этот полусуффикс употребляется в следующих образованиях: bedside «изголовье кровати», lakeside «берег озера» и т.п. На основе главного значения существительного size «how large or small something is, размер» сформировалось значение соответствующего полусуффикса **-size** – «размер». В этом значении полусуффикс **-size** упот-

ребляется в таких образованиях, как, например: *dollsize* «кукольный размер», *childsize* «детский размер» и т.п. Значение существительного *load* – «the amount of weight, груз» послужило основанием для формирования значения полусуффикса **-load** «загруженность, полнота», в котором он употребляется в следующих образованиях: *carload* «полная, загруженная машина», *planetload* «полный, загруженный самолет» и т.п.

Значения полусуффиксов, участвующих в создании номинации разговорного характера зачастую формируются на базе производных переносных, часто разговорных значений многозначного слова. Так, например, образовались значения полусуффиксов **-dog**, **-bird**, **-ape**, и др. В качестве примера приведем значение полусуффикса **-dog** «человек» в образованиях типа *yellow-dog* «посредственный человек», *lucky-dog* «счастливчик», которое возникло на базе переносного производного значения «*fellow, chap*» в семантической структуре существительного *dog*. Значение полусуффикса **-bird** «человек» в образованиях *lovebird* «влюбленный», *jailbird* «заклученный» возникло на основе производного значения «*fellow*» в семантической структуре простого корневого слова *bird*. Значение полусуффикса **-ape** «человек» в образованиях типа *woodape* «лесоруб» сформировалось на базе переносного производного значения «*a large uncouth person*» в семантической структуре существительного *ape*.

Становление семантики полусуффикса сопровождается, как правило, формированием его генерализующего значения. В частности, широкое значение полусуффикса **-rich** «богатый чем-либо, содержащий что-либо» в образованиях типа *protein-rich* «богатый протеинами», *oxygen-rich* «содержащий кислород» сформировалось на основе значения прилагательного *rich* «*owing a lot of money, property, имеющий много денег, собственности*». Широкое значение полусуффикса **-poor** «не имеющий чего-либо, не содержащий чего-либо (в достаточном количестве)» в образованиях *oxygen-poor* «с малым содержанием кислорода», *nutrient-poor* «недостаточно питательный» образовано от значения соответствующего прилагательного *poor* «*having little money and few possessions, имеющий мало денег, несостоятельный*». Генерализующее значение полусуффикса **-mate** «компаньон, единомышленник» в образованиях *team-mate* «игрок той же команды, член той же бригады», *workmate* «коллега по работе» сформировалось на базе значения коррелирующего существительного *mate* «*associate, companion, друг, соратник*».

В ходе формирования значения полусуффикса **-house** происходит трансформация значения его коррелята – простого корневого существ-

вительного house «дом» - в сторону генерализации. Семантическая структура полусуффикса **-house** включает в себя два более широких по сравнению с исходным значения: 1) «помещение», 2) «здание», которые сформировались на базе основного значения существительного house. Например, в образованиях wheelhouse «кормовая рубка», steakhouse «ресторан, в котором подают, в основном, стейки» значение полусуффикса **-house** – «помещение», а в образованиях iron-house «тюрьма», nut-house «клиника для душевно больных» значение полусуффикса **-house** – «здание».

Анализ механизма формирования широкого значения полусуффикса **-free** указывает на возможность формирования значения полусуффикса на основе общего семантического признака, представленного в нескольких значениях коррелята-полисеманта. Семантическая структура простого корневого прилагательного free, коррелирующего с полусуффиксальным элементом **-free**, характеризуется наличием следующих основных значений:

- having unlimited movement «свободный»;
- not limited or controlled «неограниченный»
- costing nothing, «бесплатный»;
- unpleasant (about behavior), «распущенный, вольный».

Наиболее общее значение полусуффиксального элемента **-free** в образованиях типа additive-free «без добавок», risk-free «безрисковый, надежный» возникло на основе общего семантического признака в значениях соответствующего простого корневого слова free (свободный от чего-либо, неограниченный в чем-либо).

Таким образом, особенности значения полусуффиксов, имеющих своим коррелятом простое корневое слово, заключаются в следующем:

- значение полусуффиксальных элементов характеризуется определенной степенью обобщения, генерализации;
- формирование генерализующего значения полусуффикса происходит на основе более общих значений исходного, коррелирующего с полусуффиксом, корня и простого корневого слова;
- полисемия полусуффикса обусловлена полисемией исходного, коррелирующего с полусуффиксом, простого корневого слова;
- более общее значение полусуффикса формируется как от основного, так и от второстепенного, производного, переносного значения соответствующего простого корневого слова, при этом определяющим фактором является генерализующая семантика этих

значений или потенциальная возможность расширения значения, заложенная в семантике коррелята;

- формирование значения полусуффикса возможно также на основе общей содержательной части значений в структуре полисеманта или на базе синтеза ряда его значений;

Литература

- Карашук П.М. Словообразование английского языка. М., 1977.
Никитин М.В. Знак – значение – язык. СПб., 2001.
Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М., 1984.
Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word-Formation. München, 1969.

Источники

- НАРС – Новый англо-русский словарь / Гл. ред. В.К. Мюллер. М., 2004.
CIDE – Cambridge International Dictionary of English / P. Procter (ed.). Cambridge University Press, 2001.
DAS – Dictionary of American Slang / H. Wentworth, S.B. Flexner. Totonto, 1967.
MED – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. International Student Edition / M. Rundell (ed.). Oxford, 2002.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ ДИВЕРГЕНТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ БРИТИЦИЗМОВ В МАКРОСИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Я.П. Филиппова

Ключевые слова: дивергенция, лексико-семантический дивергент, макросистема языка, национальный вариант, полисемия.

Keywords: divergence, lexico-semantic divergent, macrosystem of a language, national variant, polysemy.

Взаимодействие национальных вариантов (американского, британского и др.) в макросистеме английского языка (АЯ) характеризуется действием тенденций конвергенции и дивергенции [Крицберг, 2000, с. 6]. Одним из проявлений тенденции **дивергенции** (наличия локально маркированных ЛСВ в структуре многозначного слова в условиях национально-территориальной вариативности языка) на лексико-семантическом уровне является формирование регионально-маркированных значений в структуре многозначного слова, присущих

национальному варианту (совокупность данного варианта литературного языка и распространенных в пределах его ареала территориальных диалектов [Швейцер, 2003, с. 19]) АЯ, то есть дивергентных значений. **Лексико-семантические дивергенты** – это ЛСВ многозначного слова, различающиеся в плане содержания при общности в плане выражения [Швейцер, 2003, с. 114]. Дивергентные значения слова, образующиеся в рамках данного национального варианта АЯ, взаимодействуют с его общеанглийскими значениями, расширяя при этом семантическую структуру слова.

Конец XX – начало XXI веков ознаменованы наличием повышенного интереса к явлению лексической многозначности. Представляя собой «конститутивное свойство языка, вытекающее из самой его сущности» [Никитин, 1997, с. 203], **полисемия** занимает одно из центральных положений в лингвистических исследованиях. Многие ученые характеризуют многозначность как универсальное свойство естественных языков. Основываясь на результатах своих подсчетов, Р. Лангакер еще в начале 70-х годов XX века вводит в лингвистику понятие «вездесущности полисемии» в английской лексике в той связи, что, по его данным, более 58% слов, зафиксированных тезаурусом П. Роже, являются многозначными [Langacker, 1973, с. 72]. Регулярность полисемии, подтверждаемая обширным эмпирическим материалом, говорит о глубинном характере этого явления, затрагивающем, по мнению О.Ю. Герви, «самую суть организации естественных языков, а также человеческого сознания» [Герви, 2003, с. 6].

Изучение особенностей развития полисемии на базе дивергентных значений в рамках макросистемы национально-негомогенного языка позволяет более детально рассмотреть процесс взаимодействия национальных вариантов на лексико-семантическом уровне, а также расширить наше представление о развитии макросистемы английского языка под влиянием культурно-специфических факторов. Задачей данной работы является выявление характера содержательных связей дивергентных значений, развивающихся в структуре слова в британском варианте АЯ, одном из центральных его вариантов, что дает представление о механизмах становления региональных значений и развитии многозначности слова в условиях национальной поливариантности языка.

Являясь средством общения и передачи информации во многих странах, АЯ характеризуется определенными различиями или особенностями на каждой из территорий его использования, в том числе в качестве национального и официального государственного языка. Эти

различия имеют место в произношении, орфографии, лексике и грамматике и отмечаются в литературной норме при сохранении общеанглийского ядра. При этом в языке взаимодействуют «частные системы, такие как идиолект, социальный и территориальный диалекты и литературный стандарт, в связи с чем индивидуальные особенности каждой из этих систем никогда не представлены в чистом виде и «ни одна лингвистическая система не может быть тождественна самой себе» [Маковский, 2006, с. 10]. Данные рассуждения подкрепляются примером лексико-семантических дивергентов имен лиц в британском варианте АЯ, которые существуют только на уровне микросистемы, которая в свою очередь является всего лишь частью всей макросистемы английского языка.

Лексика, являясь наиболее динамичным элементом языка, в высокой степени подвержена изменениям в ходе развития общества [Крицберг, 2000, с. 3]. В лексике отражаются мельчайшие движения в жизни этноса. В национальном варианте языка лексика приспосабливается к нуждам нации, и в результате в семантической структуре слова появляются новые локально-маркированные значения. Таким образом, язык (в первую очередь его словарный состав), является отражением культуры страны, в нем проявляются и под его влиянием формируются особенности картины мира, характерной для данного языкового сообщества. Образование новых значений, связанное с культурно-социальными изменениями в жизни народа, осуществляется под влиянием экстралингвистических причин изменения и развития семантической структуры слова.

Изучая содержательные связи лексико-семантических дивергентов-бритицизмов, мы неизбежно обращаемся и к лингвистическим причинам изменения и развития семантики слова, которые, при всем своем многообразии сводятся к тому, что слово существует не изолированно, а в тесной связи с другими единицами языка. Вхождение каждой новой лексемы в систему языка сопровождается ее взаимодействием со значениями других слов. По мнению М.М. Маковского, «ни одно значение немислимо в отрыве от внешнего окружения», и в качестве такого окружения выступает «как отдельная лексема, так и отдельное значение или несколько значений в пределах одной или нескольких лексем» [Маковский, 2006, с. 40].

Для выявления особенностей содержательных связей дивергентных значений в структуре многозначных слов в рамках макросистемы АЯ на базе британского варианта было отобрано 157 полисемантов из современных английских толковых словарей, содержащих лексико-

семантические варианты со значением лица, маркированные как *British*. Анализу с целью установления их содержательных связей были подвергнуты 263 значения в структуре 157 полисемантов, 162 из которых – дивергентные значения с пометой *British*.

Анализ содержательных связей дивергентных значений опирается на концепцию лексического значения и лексической полисемии М.В. Никитина [Никитин, 1983], согласно которой в синхронном плане содержательные связи словозначений как отражение концептуальных связей, разделяются на *импликационные* и *классификационные* [Никитин, 1983, с. 37]. **Импликационные** связи понятий – это «когнитивный аналог реальных связей сущностей объективного мира, – иными словами, связей между вещами, между частью и целым, вещью и признаком, между признаками вещи» [Никитин 1983, с. 37]. Например, слово *love*, с общеанглийскими значениями «*a strong feeling of caring about someone, especially a member of your family or a close friend*» и «*a strong feeling of liking someone a lot combined with sexual attraction*» имеет британское дивергентное значение «*someone that you feel a strong romantic attraction to*» [Longman, 2003, p. 963]. Очевидно, что дивергентное значение образовалось путем метонимического переноса, на базе соотношения «чувство – личность, к которой кто-либо испытывает подобное чувство», и между указанными значениями имеется импликационная связь. В исследуемом материале примеры импликационных связей британских дивергентных значений с исходными значениями в семантической структуре лексических единиц немногочисленны – лишь 17 случаев, что составляет 10,5% исследуемых британских дивергентных значений.

Как утверждает М.В. Никитин, объективной базой **классификационных** связей является «общность сущностей объективного мира по обнаруживаемым ими признакам» [Никитин, 1983, с. 39–40]. Такие связи могут быть симулятивными и гило-гиперонимическими. Классификационные связи концептов являются мыслительным аналогом распределения признаков у сущностей объективного мира [Никитин, 1983, с. 40]. В отличие от импликационного типа связей, связь между двумя концептами устанавливается в сознании, но отражает не какую-то существующую связь между соответствующими сущностями, а общность присущих им признаков. Такие связи можно назвать **ассоциативными** [Никитин, 1983, с. 40]. Так, лексическая единица *snout* наряду с общеанглийским значением «*the long nose of a pig or a similar animal*» имеет дивергентное значение «*someone who gives information*

about criminals to the police» [Longman, 2003, p. 1567]. Анализируя семантические связи данных словозначений, мы обнаруживаем, что прямой связи между длинным носом какого-либо животного и спецагентом нет, тем не менее, очевидно сходство функции деятельности: выискивать, вынюхивать – еду (для животного) и информацию (для лица).

Симилиативная синестезическая связь концептов также находит отражение в содержательных связях дивергентных значений британцизмов в исследуемом материале, например, в рамках лексемы **lemon** взаимодействуют пять ЛСВ: три из них общеанглийские: 1) *a fruit with a hard yellow skin and sour juice*, 2) *a pale yellow colour*, 3) *something that is useless because it fails to work or to work properly* и два значения в британском варианте АЯ, одно из которых – имя лица: 4) *a drink that tastes of lemons* и 5) *a silly person* [Longman, 2003, p. 922]. Если радикальная связь значений № 2 и 4 с основным значением (№ 1) представляется очевидной, то установить направление и тип содержательных связей значений № 3 и № 5 первоначально довольно сложно. Данные этимологического словаря [CDE, 2006, p. 588] помогли проследить логическую цепочку развития значений «бесполезная вещь» (№ 3) и «глупый человек» (№ 5). Значение «*бесполезная вещь*» появилось первоначально в американском варианте АЯ в 1909 году в сленге и возможно (через криминальный сленг, в котором существовало значение «*a person who is a loser, a simpleton*») связано с выражением «*to suck the juice out of a lemon*». Лимон, из которого выжали сок – просто кожура с цедрой, которые выбрасывают. Так, путем метафорического переноса возникло значение «ненужная, бесполезная вещь». Образование значения «*глупый человек*» обусловлено наличием в британском сленге (1906) выражения «*to hand somebody a lemon*», означавшее «*to pass off a sub-standard article as a good one*». Так, метафорический перенос при формировании данного значения слова *lemon* «*a substandard article*» основан на сходстве восприятия: человек, вкусив лимон, непременно сморщится. Также он может сморщиться, испытывая неприятное ощущение, заметив, что ему «всунули» второсортный товар. Формирование значения «*глупый человек*», по-видимому, основано на данном значении слова *lemon*: второсортный, не соответствующий стандарту товар > интеллектуально ущербный человек. Глупость раздражает, заставляет испытывать неприязнь к глупцу, так же как и вкус лимона – не самый приятный, и едва ли найдется много любителей этого кислого вкуса. В этом случае наблюдается симилиативная синестезическая связь концептов, вербализуемых данными ЛСВ. Примеры симилиатив-

ных связей дивергентов-бритицизмов составили 32,1% (52 случая) в исследуемом материале.

Гипо-гиперонимические связи устанавливаются между концептами разного уровня обобщения. В зависимости от направления связи, различаются связи **генерализации** и **специализации** [Никитин, 1983, с. 40]. Когда старое значение соответствует родовому понятию, а новое – одному из входящих в него видовых, мы имеем дело с процессом специализации (сужение значения) [Арнольд, 1959]. Примером связей специализации могут служить взаимоотношения между исходным и дивергентным значениями в лексеме *leader*: «*someone who conducts a band*» > *Br.* «*the main violin in the orchestra*» [Longman, 2003, p. 913], где наблюдается уточнение исходного значения. Примеры гиперогипонимических классификационных связей специализации составили 43,8% (71 случай) в исследуемом материале. В случае расширения (генерализации) развитие нового значения идет в противоположном направлении, и слово, обозначавшее только одно из видовых понятий, расширяет свое значение до родового понятия [Арнольд, 1959, с. 65–73]. Связь генерализации наблюдается в следующем случае: *dark horse*: «*someone who is not well known, and who surprises people by winning competition*» > *Br.* «*someone who does not tell people much about themselves, but who has surprising qualities and abilities*» [Longman, 2003, с. 396]. Примеры гипо-гиперонимических классификационных связей составили 8,6% (14 случаев) в исследуемом материале. При анализе полисемантических слов с британскими дивергентными значениями именами лиц в целом было зафиксировано 137 случаев (84,5%) классификационных связей дивергентных и исходных значений.

Оставшиеся 5% исследуемого материала, представляемые словами как случаи полисемии, фактически являются лексическими омонимами – словами, идентичными по форме, но разными по значению, не имеющими общих семантических компонентов. Например, британцизм *recorder* «*a musical instrument that you play by blowing into a hole at the top while putting your fingers over other holes*» является омонимом существительного *recorder* «*someone whose job is to make an official record of what is said in the court*» [Macmillan, 2004, p. 1181], хотя в словаре обе единицы помещены в одну вокабулу как ЛСВ полисеманта. Бритицизм *keeper*, образованный в результате усечения от слова *goal-keeper*, является омонимом слова *keeper* «*someone who is responsible for looking after something*», в словарную статью которого он включен как ЛСВ в том же словаре [Macmillan, 2004, p. 782]. В словарную статью существительного *grass* «*a very common plant with thin green leaves that*

covers the ground) входит бритуцизм **grass** «*a person, usually a criminal, who tells the police what other criminals have done*» [Macmillan, 2003, p. 620–621], образованный путем усечения от существительного *grass-hopper* «кузнечик» в разговорном значении «доносчик», что привело к образованию омонимов.

Сокращение представляет собой один из значимых путей образования омонимов в современном АЯ, в том числе дивергентов. Например, бритуцизм **sub** «*subeditor – someone whose job is to read what someone else has written and find and correct their mistakes*» является омонимом общеанглийского **sub** «*substitute, especially someone who plays instead of another player in a sport*» [Macmillan, 2003, p. 1429]. В британском английском дивергенты-омонимы образуются и в результате создания единиц «рифмованного сленга» (*rhyming slang*). Бритуцизм **tea leaf** «*a thief*» [Macmillan, 2003, p. 1472], включаемый в словарную статью **tea leaf** «*a leaf from the tea plant that is dried, cut into small pieces, and used for making tea*» как дивергентное значение, является дивергентом-омонимом, образованным в диалекте кокни в результате рифмования *thief – tea leaf*. Таким образом, дивергенция вариантов английского языка на лексико-семантическом уровне находит проявление как в рамках полисемии, так и в рамках омонимии.

В результате проведенного анализа содержательных связей британских дивергентных значений имен лиц с исходными значениями было установлено, что классификационные связи превалируют над импликационными, а среди классификационных связей преобладают гиперо-гипонимические связи. Анализ содержательных связей дивергентных значений в семантической структуре многозначных слов в макросистеме английского языка позволяет на следующих этапах исследования выявить культурно-специфические когнитивные модели, лежащие в основе формирования дивергентов и определить общие тенденции развития полисемии в условиях макросистемы английского языка.

Литература

- Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. М., 1959.
Герви О.Ю. Виды лексической полисемии в структуре дискурса : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
Крицберг Р.Я. Дивергенция региональных вариантов английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 2001.
Маковский М.М. Системность и асистемность в языке. Опыт исследования антиномий в лексике и семантике. М., 2006.

- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1997.
Никитин М.В. Лексическое значение слова. М., 1983.
Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 2003.
Langacker R.W. Language and Its Structure. USA, 1973.
CDE – Chambers Dictionary of Etymology. New York : Chambers, 2006.
Longman Dictionary of Contemporary English. Italy : La Tipografica Varese, 2003.
Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Malaysia, 2004.

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

**«Коммуникативистика в современном мире:
регулятивная природа коммуникации» :
II международная научно-практическая конференция
(Барнаул, Алтайский государственный университет,
14–18 апреля 2009 года)**

Организаторами конференции выступили Алтайский государственный университет (лаборатории коммуникативистики и риторики; юрислингвистики и развития речи; кафедры теории коммуникации, риторики и русского языка филологического факультета и теории и практики журналистики факультета журналистики), Управление Алтайского края по образованию и делам молодежи, Международная академия наук педагогического образования при участии научного журнала «Филология и человек». Конференция проходила в рамках научного проекта «Университетская филология – образованию».

Конференция посвящена 80-летию со дня рождения В.М.Шукшина.

В конференции (в очной и заочной формах) приняли участие более 150 человек, в том числе более 120 ученых-филологов, специалистов-практиков, докторантов, аспирантов и студентов, представлявших высшие учебные заведения, научно-исследовательские организации, органы государственной власти, СМИ, коммерческие структуры России (Барнаул, Москва, Белгород, Бийск, Волгоград, Воронеж, Горно-Алтайск, Екатеринбург, Кемерово, Красноярск, Курск, Новосибирск, Омск, Санкт-Петербург, Сургут, Челябинск, Якутск и др.), Республики Беларусь и Республики Казахстан, и около 30 преподавателей и учителей учреждений общего среднего и среднего специального образования.

Конференция рассмотрела вопросы, связанные с дальнейшим осмыслением проблем коммуникативно-речевой практики в межличностной, публичной, образовательной и других сферах; обратила особое внимание на проблематику предупреждения кризиса и конфликта в речевой коммуникации, на вопросы внедрения в практику методов и приемов лингвистического анализа в рамках лингвистической экспертизы спорных текстов, попавших в сферу судебного разбирательства; важное место уделено совершенствованию обучения в средней и высшей школе.

В ходе конференции прошли два пленарных и пять секционных заседаний, на которых заслушано и обсуждено около 70 докладов и сообщений; работали три круглых стола, в которых участвовало около 60 человек.

В докладах, прозвучавших на первом пленарном заседании, были рассмотрены проблемы творчества В.М. Шукшина в диалоге с классиками и современниками (доктор филологических наук, профессор А.И. Куляпин, Барнаул, Алтайский государственный университет); выдвинуты и обоснованы эмпирические и теоретические предпосылки построения филологической теории коммуникации (доктор филологических наук, профессор А.А. Чувакин, Барнаул, Алтайский государственный университет); проанализирован один из парадоксов массовой коммуникации: «катастрофа» утраты смысла при явном избытке информации (д.филологических наук, профессор В.Д. Мансурова, Барнаул, Алтайский государственный университет); выявлены характерологические черты лингвистического либерализма России XXI века в соотношении с либеральными языковыми тенденциями XIX века (доктор филологических наук, профессор Н.В. Халина, Барнаул, Алтайский государственный университет); описаны национально-культурные особенности оценки интеллекта человека в русской речевой практике (доктор филологических наук, профессор Л.Б. Никитина, Омск, Омский государственный педагогический университет); представлены результаты исследования функционирования бранного слова в русской речевой коммуникации (доктор филологических наук, профессор Т.М. Григорьева, Красноярск, Сибирский Федеральный университет).

На втором пленарном заседании были обсуждены проблемы формирования общественного сознания в различных системах коммуникации (кандидат философских наук, доцент Л.А. Кошей, Барнаул, Алтайский государственный университет); дана характеристика обыденного метаязыкового сознания как связующего узла ментально-языковой ситуации в современной России (доктор филологических наук, профессор Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет); представлены особенности метаязыковой рефлексии участников массовой коммуникации (доктор филологических наук, профессор Т.В. Чернышова, Барнаул, Алтайский государственный университет); описано личностное начало школьных учебников русского языка (доктор филологических наук, профессор Л.Б. Парубченко, Барнаул, Алтайский государственный университет); охарактеризован субстратный компонент естественной письменной речи в аспекте речевой коммуникации (доктор филологических наук, профессор Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет).

В центре внимания участников круглого стола «*Кризис речевой коммуникации в современной России: истоки – состояние – перспективы*» (ведущий доктор филологических наук, профессор А.А. Чувакин) оказались вопросы, связанные с рече-коммуникативной ситуацией в современной России. В выступлениях были предложены некоторые пути выхода из кризиса, отмечена необходимость развития критического мышления, умения ориентироваться в информационных потоках и др.; особое внимание обращено на вопросы коммуникативной и речевой грамотности населения, подчеркнута роль высшей и

средней школы в решении вопросов развития соответствующих компетенций у обучаемых, в исследовании проблемы рече-коммуникативного развития человека. Предметом рассмотрения участников круглого стола *«Юрислингвистика: итоги и перспективы развития»* (ведущий доктор филологических наук, профессор Н.Д. Голев) стал круг вопросов, связанных с развитием в рамках современной прикладной лингвистики нового направления – юрислингвистики, функционирующей на стыке языка и права. Круглый стол *«Газета в образовательной деятельности»* обратился к опыту использования содержания газеты «Свободный курс» в преподавании различных предметов школьной программы. Как расширить рамки этой методики, можно ли применить «газетные» коммуникативно-образовательные технологии в высшем учебном заведении? Этот вопрос стал предметом заинтересованного обсуждения и анализа участниками круглого стола.

Участники конференции с удовлетворением отметили, что в Алтайском государственном университете сложился ведущий научно-педагогический коллектив в области филологических наук, разрабатывающий тему «Филологическое исследование коммуникации», успешно функционируют лаборатории коммуникативистики и риторики; юрислингвистики и развития речи, факультетом журналистики совместно с Издательским Домом «Алтапресс» реализуется инновационная программа «Газета в образовании». Все это способствует разработке филологической проблематики теории коммуникации, развитию коммуникационных технологий в образовательной деятельности.

Участники конференции выразили обеспокоенность состоянием гуманитарной подготовки в вузах России, фактическим снижением доли коммуникативных технологий в образовательной деятельности в высшей школе, снижением уровня и качества гуманитарной, в частности филологической, подготовки в учреждениях общего среднего и среднего специального образования. Уменьшение объема учебных дисциплин по русскому языку и литературе в средней школе, внедрение тестовых методик контроля знаний фактически подрывает основы формирования национального самосознания и культуры. Зафиксированная ситуация тормозит развитие человека как субъекта коммуникации, не способствует укреплению социальных отношений и связей в стране, противоречит тенденциям развития образования в мире.

Высоко оценивая значимость специализации «Филологическое обеспечение современной коммуникации» для подготовки филологов, востребованных на рынке труда, конференция рекомендует филологическим факультетам высших учебных заведений шире внедрять названную специализацию в практику образовательной деятельности. Конференция отметила положительное значение факта подготовки Алтайского государственного университета к открытию магистерской программы «Теория и практика речевой коммуникации» в рамках направления «Филология». (В настоящее время программа открыта.)

Конференция приняла решение об издании сборника материалов и обратилась к Управлению Алтайского края по образованию и делам молодежи и

Алтайскому государственному университету принять на себя обязанности по изданию сборника.

Решено провести Третью международную научно-практическую конференцию «Коммуникативистика в современном мире» в апреле 2011 года и вынести на ее обсуждение проблемы оптимизации речевой коммуникации как стратегии предупреждения кризисного развития социума. Одно из пленарных заседаний конференции посвятить вопросу «Коммуникативистика и филологическое образование».

Конференция выразила благодарность ее организаторам за проделанную работу.

Т.В. Чернышова, А.А. Чувакин

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Комарова З.И., Краев С.В.

**Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики:
квантитативно-квалитативное исследование.**

**Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2008. 303 с.
(Библиотека лингвиста-переводчика).**

Актуальность исследования, проведенного авторами монографии, обусловлена необходимостью разрешения проблемы, касающейся преобразования скрытой квантификации в полноправную, аргументированную и методологически разработанную.

Цель монографии состоит в том, чтобы охарактеризовать квантитативные и квалитативные свойства ядерных служебных слов русского подъязыка информатики и вскрыть отношения между ними.

Гипотезой, положенной в основу настоящего исследования, является предположение о том, что частотные характеристики изучаемых слов и их типовые лексико-грамматические и семантические признаки находятся в отношениях взаимообусловленности.

В качестве эмпирической базы исследования выступает тезаурус текстов по информатике (100 текстов по 1000 словоупотреблений, то есть сто тысяч словоупотреблений), сформированный в соответствии с методикой системно-квантитативного анализа.

Квантитативно-системный анализ, широко апробированный в научных исследованиях знаменательных слов, потребовал уточнения применительно к служебным словам, что обусловило использование четырехшаговой методики, включающей квантификацию, частотное спектральное распределение, ранговое распределение и частотно-ранговое распределение ядерного служебного лексикона подъязыка информатики.

Квантитативно-квалитативное исследование ядерных служебных слов русского подъязыка информатики, проведенное в монографии, следует причислить к работам, в которых изучается свойство системности русского языка как языка-объекта. Обнаружение необходимых

количественных отношений языка–объекта означает, что на уровне меры мы имеем дело с функциональными зависимостями языковой системы, маркированными в реферируемой работе ядерными служебными словами.

Постулируемая и изучаемая авторами проблема подъязыка информатики обусловлена недостаточным вниманием к процессу становления количественной и качественной определенности русского языка в эпоху смены «приоритетности» языковых систем в обеспечении коммуникативного взаимодействия социальных систем.

Анализируя тексты по информатике, З.И. Комарова и С.В. Краев приходят к выводу, что основными «крепежными деталями» в них является не столько древний фонд первичных предлогов, сколько «новый» и «новейший» фонды (вторичные однословные предлоги и идиоматизированные предлоги, эквиваленты), которые активно формируются в настоящее время в русском языке.

Особая научная ценность полученных результатов видится в том, что в нем создается наглядная иллюстрация, теоретико-прикладная развертка понимания текста в квантитативной лингвистике, ориентированная на описание русского языка: текст есть последовательность независимых реализаций (развертываний) случайной величины X (выборка). Значениями случайной величины X в диссертации С.В. Краева являются ядерные служебные слова подъязыка информатики, составляющие множество V – словарь, то есть формально-семантическую базу, которая позволяет рассматривать системные свойства синхронного состояния русского языка (квалитативное исследование) и отношения, характерные для оптимального состояния языка в изменяющихся коммуникативных средах (квантитативное исследование). В квантитативное исследование входит описание экспериментального лингвистического моделирования; описание квантитативных характеристик функционально-грамматического поля абстрактных связей; рассмотрение специализированных средств связи, которые находятся вне системы частей речи.

Безусловно, авторами вносится значительный вклад в развитие лингвистической информатики, предмет которой составляет отдельный текст, его форма и словарь. Ценны полученные результаты для мониторинга синхронного состояния русского языка, изучения оптимальных параметров его системы, необходимых для функционирования русского языка в пространстве информационных потоков – новой формации системы обществ в современном мире.

Н.В. Халина

**Трубникова Ю.В. Лексико-деривационные основания моделирования текста : монография. Барнаул :
Изд-во Алт. ун-та, 2008. 180 с.**

Рецензируемая работа Ю.В. Трубниковой представляет собой обстоятельное, вдумчивое и творческое исследование, в котором обобщаются итоги ее многолетних изысканий, посвященных кругу проблем, связанных с обоснованием возможности лексико-деривационного моделирования текста. Центральной проблемой и предметом исследования автора являются внутритекстовые лексико-деривационные структуры, которые возникают в процессе производства текста и определяют особенности его формообразования и функциональные возможности. Кроме того, деривационные и детерминационные связи лексических единиц в тексте обуславливают его деривационный потенциал. Исследование текста с позиций осуществляемых в нем процессов лексической деривации является новым и представляет несомненный интерес для лингвистов, так как позволяет обоснованно представить условия и результаты функционирования текста, его образования и трансформации. Привлечение к анализу широкого круга текстовых источников позволило автору представить картину формообразования первичных и вторичных текстов с учетом различных структурных лексических рядов и на той же системной основе сформулировать понятие деривационной парадигмы текста.

В первой главе исследования содержится описание внутритекстовых механизмов формально-семантического взаимодействия лексических единиц. Важным выводом по главе является мысль о том, что «внутритекстовые формально-семантические взаимодействия лексических единиц отличаются от системных словообразовательных отношений и определяются внутритекстовыми же деривационно-детерминационными процессами, в которых определяющими являются процессы создания означаемого». Фрагменты анализа текстов, приведенные в данной главе, дают возможность увидеть характер детерминации со стороны деривационной энергетики текста через лексико-деривационный ряд, который, как справедливо отмечает Ю.В. Трубникова, далеко не всегда является реализацией только словарной эпидигматики (тем более словообразовательной пары), а, например, широко представленной окказиональной эпидигматики. Это свидетельствует об органической встроенности лексической дериватики в динамическую системность разворачивающегося текста и о ее

функциональной значимости в нем, а не просто пассивной регистрации словарной системности, отражающей генетические связи слов.

В главе также содержатся результаты эксперимента, проведенного с целью верификации выявленных внутритекстовых механизмов актуализации формально-семантических связей слов. Отбирая контексты для эксперимента, Ю.В. Трубникова исходила из того, что члены лексико-деривационного ряда являются частью семантической структуры текста и непосредственно участвуют в формировании отношений между предложениями или их частями. Подходя к вопросу выделения типов внутритекстовых отношений с общих логико-семантических позиций, автор сводит их к пяти основным типам: противительности, градации, пояснению, конкретизации, альтернативе. Во внимание принимаются также отношения тождества.

На основе статистической обработки экспериментального материала и коррелятивного анализа Ю.В. Трубниковой были выделены лексико-деривационные ряды *с выраженным фактором контекстуального отношения*, которые «доказывают регулярность воспризведения в речи основных типов формально-семантического взаимодействия единиц» и их функционирования как «устойчивых элементов текста». Представляется вполне оправданным вывод о том, что детерминированность формы и значения слов в тексте зависит от «типа семантико-синтаксических отношений его частей и степени их выраженности».

Во второй главе монографии анализу подвергается понятие «лексико-деривационная структура текста», на роль которого выдвигаются лексико-деривационные ряды, выполняющие в тексте смыслоформирующую функцию. Как отмечает Ю.В. Трубникова, они представляют собой модель порождения и функционирования текста. Данные ряды по ряду признаков отличаются от тематической последовательности текста, от набора ключевых слов и от когнитивной структуры текста. Автором выделяются четыре типа лексико-деривационных рядов, каждый из которых подвергается детальному описанию как со стороны формы, так и со стороны возможностей его интерпретации.

Важным итогом изучения лексико-деривационных рядов в контексте второй главы является вывод о том, что текст «представляет собой развертывание различных лексических рядов, члены которых находятся между собой в отношениях детерминации». Лексико-деривационная структура текста образуется взаимодействием сквозных (вертикальных) и актуализированных в микроконтексте (горизонтальных) рядов, компоненты которых образуют систему смыслов, важных

для восприятия текста и дальнейшего его воспроизведения в форме вторичной единицы.

Исследованию особенностей реализации данной модели во вторичной тексте посвящена третья глава монографии, в которой дается описание вторичных текстов и их классификации. Ю.В. Трубниковой предлагается своя системная интерпретация межтекстовой деривации, основанная на соотношении их лексико-деривационных структур. Эти отношения могут строиться на основе совпадения деривационных структур исходного и производного текста (симметричные отношения) или несовпадения (несимметричные отношения).

Стремясь выявить парадигмальные свойства лексико-деривационных структур текста, автор обращается к анализу поэтического текста (Дж. Г. Байрона «Sun of the sleepless! Melancholy star!») и шести его переводов. Важнейшие закономерности, обнаруженные при выявлении соотношения структур переводов между собой и его структурой оригинального текста, Ю.В. Трубникова рассматривает в качестве основания для формирования текстовой парадигмы и разграничения формы исходного и производного текстов.

Значительное место в структуре главы занимает эксперимент, направленный на определение зависимости вторичного текста от деривационных возможностей исходного текста. Его результаты еще с одной стороны подтверждает гипотезу о функциональности формы лексических единиц в процессе создания текста, которая в рамках проведенного эксперимента получила свою конкретную интерпретацию, а именно: характер конкретных преобразований формы во вторичном тексте зависит от особенности организации исходного текста и его деривационной «заряженности».

В заключительном параграфе монографии деривационный потенциал формы текста, представленной его лексико-деривационными структурами, рассматривается на материале школьных изложений, написанных по заданному тексту.

Исследование Ю.В. Трубниковой является одной из первых монографических работ, где ставится проблема моделирования формы текста и особенностей его функционирования исходя из особенностей его лексико-деривационной организации. Мы полагаем, что она послужит серьезной основой для дальнейшей исследовательской работы в этом направлении.

Следует отметить, что монография хорошо оформлена: в ней умело использованы различные выделительные шрифты, большое число удачно составленных схем и таблиц сообщают ей наглядность и,

обобщая даваемые в тексте описания отдельных явлений языка, повышают ценность работы.

Завершая рецензию, отметим, что не вполне удачным, на наш взгляд, является заключение, которое содержательно во многом переключается с введением. Быть может, если бы в заключении в большей степени были отражены основные результаты исследования, выполненного по главам, монография в целом имела бы законченный вид.

Монографическое исследование Ю.В. Трубниковой представляет собой вклад в русистику и теоретическое языкознание.

М.Г. Шкуропацкая

РЕЗЮМЕ

SUMMARY

С.М. Козлова, М.А. Зимина. Метафорический образ безумия в повести М.П. Погодина «Адель». Повесть «Адель» М.П. Погодина рассматривается как часть романтического дискурса безумия. Исследуются элементы сюжета, образующие метафорический нарратив безумия страсти и дающие картину психологической саморефлексии героя.

S.M. Kozlova, M.A. Zimina. Metaphorical Image of Madness in the «Adel» by M.P. Pogodin. The story «Adel» by M.P. Pogodin is studied as a part of a discourse of madness in the Romanticism. We investigate the elements of the topic that make a metaphorical narrative of madness of passion and present a picture of a psychological self-consciousness of the character.

М.П. Гребнева. Мотив сада как часть универсального мифа о Флоренции в русской литературе XIX – XX веков. В статье рассматривается мотив сада как один из основополагающих в универсальном мифе о Флоренции, наряду с мотивами камня, цветка и цвета. На протяжении веков этот город предстал не только конкретным пространством, на котором произрастают деревья, кустарники, цветы, но и метафорическим ареалом искусств, любви, прошлого.

M.P. Grebneva. The Motif of Garden as a Part of the Universal Myth about Florence in Russian Fiction of the 19th – 20th Centuries. The article considers the motif of garden as a basic motif in the universal myth about Florence, mentioned together with the motifs of a stone, a flower and a color. Throughout the centuries the city appears not only as definite territory where the trees, shrubs and flowers are growing, but as a metaphorical area for the arts, love and past time.

Г.В. Кучумова. Немецкоязычный романский дискурс 1980-1990-х: стратегия коллекционирования (перверсивная модель коллекции в романе Э. Елинек «Похоть»). В данной статье на материале немецкоязычного романа 1980-1990-х годов исследуются стратегии коллекционирования как процесс «собираания себя». В ситуации «смерти субъекта» истинное творчество подменяется процессом коллекционирования. В художественном пространстве немецкоязычного романа конца XX века проигрываются разные модели коллекционирования. В нашем исследовании акцент делается на перверсивной модели коллекционирования (Э. Елинек «Lust»).

G.V. Kuchumova. German Language Novel of 1980-1990. Collection Strategy (Perverted Collection Pattern in E. Jelinek «Lust»). In this article the

collection strategy as «collection of one's own self» is discussed using the German language novel of 1980-1990s as a primary source. In the situation of the «subject's death» the genuine artistic creation is replaced by the collection process. In the artistic space of the German language novel of the end of the XX century different collection patterns are presented – starting with models of «genuine» creation work (P. Sueskind «Parfum») to perverted (unnatural) collection patterns (E. Jelinek «Lust»).

С.В. Доронина. Факт: семантика и прагматика. В статье определяются семантические и прагматические признаки факта, осуществляется сопоставление факта с рядом нефактивных высказываний, доказывається пригодность данной лингвистической единицы для решения проблем судебного речеведения.

S.V. Doronina. Fact: Semantics and Pragmatics. The article deals with semantic and pragmatic inductions of the fact. The fact is compared with numerous nonfactual utterances. This linguistic element is considered being important for judicial speech studies.

И.Ю. Качесова. Способы моделирования когнитивной структуры аргументативного дискурса. Статья рассматривает квазипотребность и псевдопотребность в качестве базовых компонентов формирования поисковой модели субъектов аргументации. Исследуется способ построения поисковой модели, анализируются ее свойства. Поисковая модель признается одним из вариантов коррекции картины мира субъектов аргументативного дискурса.

I.Y. Kachesova. Modelling of Argumentative Discourse Cognitive Structure. Cuasinecessity and pseudonecessity are basic components of subjective argumentative research model. The way of research model building is presented in the article. Its characteristics are analysed. Research model is one of the variants that can improve subjective argumentative discourse.

И.В. Рогозина, К.Л. Лебедева. Адаптивность социально детерминированных когнитивных структур индивида как результат социоантропогенеза. Проведение психолингвистического эксперимента в двух разновозрастных группах респондентов и последующее моделирование полученных в ходе эксперимента реакций позволяет выявить возрастоспецифичное соотношение ригидности и адаптивности концептуальных систем как способности / неспособности фиксировать социально детерминированные изменения в обществе.

I.V. Rogozina, K.L. Lebedeva. Adaptability of socially Determined Cognitive Structures as a Result of Anthropogenesis. The authors model the results of a psycholinguistic experiment carried out in two different age groups of respondents. The experiment reveals age determined ratio of adaptability and rigidity of mental structures in their ability / inability to reflect radical changes in society.

Н.В. Панченко. Принцип динамичности композиционного построения текста. Принцип динамичности композиции состоит в трансформации

текстовых элементов в направлении изотопного признака. Условием реализации принципа динамичности является потенциальная способность текста к изменениям, способом трансформации выступает взаимодействие текстовых единиц, результатом – их эквивалентность.

N.V. Panchenko. Principle of Dynamics in Compositional Text Building. Compositional Principle of Dynamics considers text elements transformation towards isotope indication. Principle of Dynamics realises in text potencial changeability. Text elements interaction represents means of transformation. Equivalency is the result of the process.

О.В. Марьина. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-х–2000-х годов). В статье рассматриваются вставные конструкции, расчленяющие текст. Анализируются показатели расчленения, отражающие степень изолированности вставных конструкций от главного предложения.

O.V. Maryina. Insertion Structures as an Index of Text Dismemberment (based on Russian prose texts of 1980–2000). The article considers insertion structures which form text dismemberment and then defines dismemberment indexes identifying the degree of isolation of the insertion structure from the principal clause.

Л.А. Козлова. Этнокультурный компонент в семантике языковых единиц и специфика его репрезентации на разных языковых уровнях. Статья относится к области этнолингвистических исследований и посвящена выявлению специфики содержания этнокультурной информации в семантике языковых единиц различных уровней языка: лексики, фразеологии и грамматики. Автор делает попытку выявления специфики этнокультурного потенциала единиц, принадлежащих разным языковым уровням.

L.A. Kozlova. Etnocultural Component in Semantics of Lingual Units and Specificity of its Representation on Different Lingual Levels. The article refers to the sphere of ethnolinguistic studies and is devoted to the analysis of linguocultural information in the semantics of lingual units of different linguistic levels: lexicon, phraseology and grammar. The author attempts to point out the specificity of ethnocultural potential of linguistic units of different levels.

С.А. Рисинзон. Ситуационная и индивидуально-личностная зависимость использования этикетных средств в английском семейном общении. Изучение общения матерей и детей из пяти семей в двух ситуациях (купания ребенка и приготовления десерта) показывает, во-первых, приоритетное значение ситуационных факторов для выбора этикетных средств, во-вторых, существование у каждой семьи и у каждого из говорящих, даже у пятилетних детей, своего «этикетного почерка».

S.A. Risinzon. Situational and Individual Dependence of Polite Interaction in English Family Communication. This study examines the linguistic devices indexing politeness in the potentially conflict speech acts – directives. Polite interaction of mothers and children in 5 families observed in 2 situations (having a bath and making biscuits) is situationally and individually specific.

Н.Д. Федяева. Лексемы русского языка в аспекте семантической категории «норма». Статья представляет результаты описания лексем русского языка, объединенных наличием семы «норма». Исследование включает систематизацию единиц с учетом особенностей реализации смысла «норма» в их семантических и грамматических свойствах.

N.D. Fedyaeva. Russian Lexemes in the Aspect of the Semantic Category «Standard». This article represents the description of lexemes which meaning includes the semantic component “standard”. The description suggests the systematization of the lexical units on the ground of the peculiarities of basic semantics presentation in vocabulary and grammar.

О.В. Сиренко. Любовная интрига как структурный компонент «колониционного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке). В статье анализируются ключевые литературные тексты о Ермаке начала XIX века с точки зрения структуры сюжета. Описываются многообразные историко-культурные подтексты содержащейся в сюжете любовной интриги, отмечаются типологические варианты этого фрагмента литературной репрезентаций истории Ермака и Сибирского взятия.

O.V. Sirenko. Love Affair as a Structural Component of the “Colonial” Plot of Russian Literature (on the Example of the XIX Century Texts about Ermak). The source literary texts about Ermak of the beginning of the XIX century are analysed in the article from the point of view of the structure of the plot. The varied historical and cultural implications contained in the plot of love affair are described, typological variants of this fragment of literary representations of Ermak’s history and the Siberian capture are marked.

О.Н. Самсонова. Николай Минский в литературных портретах современников. Статья О.Н. Самсоновой повествует об изменчивости словесных изображений Николая Минского в описании его современников. Авторами литературных портретов поэта выступают З. Гиппиус, А. Белый, П. Перцов, К. Фофанов. Поздние портреты менее выразительны художественно, но более объективны. Их авторы – юные современники Минского.

O.N Samsonova. Nikolay Minsky in Literary Pictures of Contemporaries. The article by O.N. Samsonova narrates about changeability of literary pictures of Nikolay Minsky in the description by his contemporaries. Z. Gippius, A. Belyi, P. Pertsov, K. Fofanov, come forward with literary pictures of the poet. Later pictures are less expressive in art, but more objective. Their authors are young contemporaries of Minsky.

И.Ю. Воробьева. Древние восточные верования в поэзии дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова, Вс.Н. Иванова). Статья посвящена выявлению художественных особенностей поэзии русского зарубежья Дальнего Востока, проблеме взаимовлияния культур и литератур Запада и Востока.

I.Y. Vorobyova. Ancient East Beliefs in the Poetry of the Far Eastern Emigrants (on the Material of M. Scherbakov's, V.N. Ivanov's Sonnets) The paper is

devoted to the analysis of the art peculiarities in the poetry of the Far Eastern poetry of Russian emigrants, the interaction of both culture and literature in the East and the West.

Н.М. Сиражитдинова. Отражение явлений природы в башкирских народных песнях и их мифологическая окрашенность (на примере песен, зафиксированных на территории нынешней Челябинской области). Явления природы в башкирских народных песнях отражают образ мира в мотивах родины, людей и так далее. Эта система образов привносит мистическую окраску в народные песни.

N.M. Siragetdinova. Natural Phenomena in Bashkir Folk Songs (Using Songs Recorded in Chelyabinsk Region). Natural phenomena recorded in Bashkir folk songs, peculiar reflect their world image, which is expressed in native land images, the men images, in transiency of corth life and ets. Besides this image system imports also the mythical color to folk songs.

Л.С. Аликаева. Эпистолярный и публицистический стиль Й.Г. Гаманна и проблема его интерпретации. Статья посвящена вопросам эволюции лингвофилософской концепции Й.Г. Гаманна. Как известно, тексты его работ требовали «чтения с погружением». Большинство современников воспринимало его труды в контексте просвещенческой парадигмы того времени, отвергало его сложные, требовавшие глубокого культурного декодирования рассуждения. Все эти вопросы рассматривается на примере его эпистолярных и публицистических работ посредством анализа стиля с привлечением герменевтики текста.

L.S. Alikaeva. Epistolary and Publicistic Style of J.H. Hamann and the Problem of its Interpretation. The article is dedicated to the questions of the evolution of J.H. Hamann lingo philosophy conception. It is known that his works required deep and profound reading. Most of his contemporaries interpreted his works in the enlightenment paradigm of that time rejecting his complicated reasoning. These questions are discussed on the example of his epistolary and publicistic works through style analyses and text hermeneutics.

Н.А Куликова. Эвокация обонятельных образов в художественном тексте (на примере рассказов А.П. Чехова). На примерах рассказов А.П. Чехова в статье рассматривается эвокация одорических образов в художественном тексте. Предпринята попытка обосновать положение о том, что коммуникация осуществляется при помощи знаков – эвокационных сигналов, вызывающих воспоминания и воспроизводящих в сознании речемыслительный образ.

N.A. Kulikova. Evocation Olfactory Images in Art Text (on example of stories by A.P. Chekhov). On the examples of stories by A.P. Chekhov in the article evocation of smell in art text is considered. The attempt to prove the position about the fact that communication is realized using marks is undertaken evocation signals, causing memories and reproducing in the mind speechthought image.

Н.В. Савицкая. Особенности языковой реализации смыслового поля «воспоминания» в рассказах Татьяны Толстой. Особенностью художественного времени в рассказах Т. Толстой является бытование в них смыслового поля «воспоминание», которое является частной реализацией авторской интерпретации времени и проявляется в специфике организации художественного времени. Оно представлено смыслами: 1. Непрочности, зыбкости, иллюзорности, репрезентированными лексемами с семантикой сравнения; глаголами и прилагательными со значениями избирательности; формами глагола несовершенного вида и наречиями кратности; неопределёнными местоимениями; 2. Постоянной незримой связи прошлого и настоящего, создаваемыми с помощью образа повествователя-медиатора, ведущего разговор о прошлом с неким собеседником; введением лексических единиц, представляющих два условных временных блока «тогда – теперь», соотносимых с бинарной оппозицией прошлого и настоящего как времени расцвета, молодости, красоты и заката, старости, уродливости.

N.V. Savitskaya. The Main Features of Semantic Space «Reminiscences» in the Short Stories by Tatiana Tolstaya. The main feature of the artistic time in the short stories by Tatyana Tolstaya is the existence in them of the semantic area “reminiscences”. It is the particular realization of such a feature of author’s artistic time, when it’s individualization takes place. The semantic area “reminiscences” in the short stories by Tatyana Tolstaya possesses some linguistic features. 1. The principal feature is the fragility, unsteadiness, illusoriness of reminiscences. This feature realizes itself with the help of certain linguistic means: lexical units with the comparative semantics, verbs and adjectives which contain the semantics of residuality and election, usage of verb-forms and adverbs with the meaning of frequency, indeterminate pronouns. 2. The other feature is the permanent invisible link of the past and the future. It is created with the help of the image of narrator-mediator, who speaks about the past with a certain interlocutor, and the special lexical units, which serve for expression of the link between the past and the present. These lexical units represent two temporal blocks-“then” and “now”, which give an opposition of the past and the present.

А.А. Чуруксаева Рубленные конструкции: к вопросу о прагматическом потенциале и функциональных особенностях. Статья посвящена анализу таких явлений, как рубленный стиль, рубленая проза, рубленные конструкции. Акцент делается на их функции и прагматическую специфику; представлена типология рубленных конструкций, описаны перспективы их изучения, приведены иллюстрации из текстов художественного, публицистического стилей, а также примеры из рекламы.

A.A. Churuksaeva. The Cut-constructions and Pragmatic Potential and Functional Specificity. This article is devoted to the analysis of such linguistic phenomena as «cut-style», «cut-prose» and «cut-constructions». We describe its functional and pragmatic potential; the classification of cut-constructions and illustrative material from literature and news-paper helped to understand perspective of study.

С.В. Волынкина. О соотношении модусно-диктумных позиций в содержательной модели похвалы. С точки зрения теории семантического синтаксиса всякое высказывание строится на взаимосвязи его субъективной части и объективных знаний о действительности. Двухчастная структура содержательной модели похвалы строится на сложении собственно оценки, выраженной модусом высказывания, и аргументации похвалы, представленной пропозициями диктума.

S.V. Volynkina. On Modus-Dictum Position Interaction in Substantial Model of Praise. According to the theory of semantic syntax any saying, statement is based on the correlation of its subjective part and objective knowledge about the reality. The two-parted structure of the substantial model of the praise is built on the addition of the strict appraisal, expressed by the modus of the saying, statement and the argumentation of the praise, which is represented by the propositions of the dictum.

О.А. Сим. Рекламная и нарративная составляющие журнального дискурса. В статье представлено взаимодействие рекламной и нарративной компонент журнального дискурса через категорию «поглощение».

O.A. Sim. Advertising and Narrative Components of Magazine Discourse. The article reveals the interaction of advertising and narrative components of the magazine discourse viewed via the notion of «merging».

М.Р. Аликаева. Иноstileвые вкрапление в научной речи как тенденция развития стиля. Статья посвящена вопросам развития научного стиля и месту иноstileвых вкраплений в структуре языка науки. В качестве основных тенденций развития научного стиля отмечено взаимовлияние научной речи и деловых документов, с одной стороны, научной речи и публицистики, – с другой.

M.R. Alikava. Other Style Elements in the Scientific Discourse as a Style Development Tendency. The article is dedicated to the questions of the scientific style development and to the place other style elements take in the structure of the scientific language. As the main tendencies of the scientific style development on the one hand the interaction of the scientific style and the style of official documents, and the scientific style and publicistic style on the other are revealed.

Н.В. Цепелева. Измерение семантического расстояния между лексемами «количество – численность – число» на основе сопоставления их ассоциативных полей. Данная статья посвящена измерению семантического расстояния между словами-синонимами с диффузной семантикой. Рассматриваемая проблема касается возможности использования метода ассоциативного эксперимента для решения спорных вопросов системной лингвистики.

N.V. Tsepeleva. Measurement of Semantic Distance between Lexemes «Quantity – Number – Number» on the Basis of Comparison of their Associative Fields. This article is dedicated to the measurement of the semantic distance between synonyms with diffusive semantics. The problem treated in the paper, con-

cerns an opportunity of the use of a method of the associative experiment for decision of disputable questions of system linguistics.

Ю.В. Пинжакова. Эталоны номинации объектов, имеющих один и более углов, в современном русском языке. В статье предлагается анализ номинативных моделей и номинативных единиц, используемых языком в качестве альтернативных эталонов форм, имеющих один и более углов. На примере исследованного материала продемонстрированы особенности номинативного процесса, связанного с вербализацией зрительных образов, лингвокреативный потенциал и потребность в творческом самовыражении языкового субъекта.

Y.V. Pinzhakova. Nomination Subject's Creative Potential of Corners and Angles Shapes Description. The article is devoted to the analysis of the nominative models and elements being used as the alternative standards of objects shapes with different corners and angles. The data allows us to demonstrate nominative procedure features concerned with visual images verbalization, its linguocreative potential and nominative subject's need for creative self-expression.

О.С. Борисова. Идентификация значений заимствованных слов носителями русского и китайского языков. В настоящей статье исследуется проблема восприятия иноязычной лексики носителями разноструктурных языков. Несмотря на все возрастающий интерес исследователей к данной проблеме, некоторые ее аспекты до сих пор остаются малоизученными, в частности процесс идентификации значений лексических заимствований носителями языка-реципиента. Результаты, проведенного автором эксперимента позволили заполнить некий информационный пробел и выявить, каким образом процесс идентификации соотносится с национальными, индивидуальными особенностями, личным опытом носителей языка и языковой системой.

O.S. Borisova. The Identification of the Meanings of Borrowed Words by Russian And Chinese Native Speakers. In this article we research the problem of the perception of foreign languages by different structure language speakers. Despite of the growing interest to the researchers of this problem, some aspects still remain poorly studied, in particular the identification of the meaning of borrowed words by recipients. The results of the experiment enabled the author to fill an information gap and to identify the way the identification relates to national, individual characteristics, personal experience of native speakers and language system.

А.Е. Леонтьева. Проявление фоновых знаний в языке российских немцев. Цель данной статьи – установить степень сохранения лингвокультурологической общности российских немцев по средствам выявления общих компонентов фоновых знаний, проявляющихся в языке. В статье на базе идей В. Гумбольдта и Л. Вайсгерберга о языке, как основе формирования мировоззрения и способа познания мира, рассматриваются фоновые знания российских немцев, находящие свое отражение в языке. Язык (в данном случае диалект) российских немцев выступает здесь средством сохранения и репрезентации фоновых знаний. В данной статье впервые предпринята попытка изучения фоновых знаний российских немцев через их репрезентацию в языке.

A.E. Leontyeva. Display of Background Knowledge in Language of Russian-Germans. The aim of this article is to fix the degree of stability of linguocultural community of Russian-Germans through the detection of common components of background knowledge in language. In the article background knowledge is considered on the basis of ideas of W. Humboldt and L. Weisgerber about language as the basis of formation of world-view and the way of world cognition. Here language (in this case dialect) of Russian-Germans is the means of conservation and representation of background knowledge.

Е.С. Дьячкова. Особенности значения полусуффиксов, составляющих ядро словообразовательного поля полусуффиксальных элементов. Автор статьи рассматривает особенности формирования значения полусуффиксов, составляющих ядро словообразовательного поля полусуффиксальных элементов.

E.S. Dyachkova. Peculiarities of the Meaning of the So-Called Semi-Suffixes Proper Which Constitute the Nucleus of the Word-Forming Field of Semi-Suffixes. The author of the article considers the peculiarities of the meaning of the so-called semi-suffixes proper which constitute the nucleus of the word-forming field of semi-suffixes.

Я.П. Филиппова. Особенности содержательных связей дивергентных значений бритуцизмов в макросистеме английского языка. В настоящей статье выявляется характер содержательных связей дивергентных значений, развивающихся в структуре многозначного слова в британском варианте, одном из центральных вариантов английского языка. Результаты проведенного анализа дают представление о механизмах становления региональных значений и развитии многозначности слова в условиях национальной поливариантности языка.

Y.P. Philippova. Peculiarities of the British Divergents Meaning Connections in the Macrosystem of the English Language. The present article reveals the divergents meaning connections developing in the structure of a polysemantic word in the British variant, one of the English language main variants. The analysis results give a legible picture of the regional meanings formation mechanisms and word polysemy development in the conditions of the national language polyvariance.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2009 ГОД

СТАТЬИ

Артамонова М.В. О месте категории парности в концептуальной системе русского человека	3
Бугорская Н.В. «Темно и вяло» vs. «образцово и просто»: два стиля научного письма	1
Владимиров О.Н. Имя поэта в его стихотворении (на материале русской лирики XX–XXI веков)	2
Гребнева М.П. Мотив сада как часть универсального мифа о Флоренции в русской литературе XIX – XX веков	4
Гончарова О.М. Поэзия В.А. Жуковского и русская лирика XIX–XX веков: <i>наследие</i> и <i>наследники</i> в пространстве смыслов и текстов	1
Даниленко В.П. Языковая картина мира в теории Л. Вайсгербера	1
Доронина С.В. Средства выражения эпистемического общения и методологические основы лингвистической экспертизы	3
Доронина С.В. Факт: семантика и прагматика	4
Ерохина М.В. К вопросу об эссеизации журнальной литературной критики эпохи гласности	3
Захрай С.Х., Сидорова М.Ю. <i>Матрицы</i> в предметном и ментальном мире: к вопросу о взаимодействии терминологических и нетерминологических значений многозначного слова	2
Зелянская Н.Л. Авторская номинация жанра в эпоху смены эстетической парадигмы (на материале прозы Ф.М. Достоевского 40–50-х годов XIX века)	2
Казакова И.Б. Идеи неоплатонизма в мировоззрении С.Т. Кольриджа	1
Качесова И.Ю. Способы моделирования когнитивной структуры аргументативного дискурса	4
Качесова И.Ю. Структура аргументативного дискурса: к постановке проблемы	2
Киндикова Н.М. Алтайская литература на рубеже веков (К проблеме преемственности поколений)	3

Ковалев О.А. . Оправдание вымысла как стратегия нарративного текста (на материале творчества Ф.М. Достоевского)	1
Козлова Л.А. . Этнокультурный компонент в семантике языковых единиц и специфика его репрезентации на разных языковых уровнях	4
Козлова С.М., Зимина М.А. . Метафорический образ безумия в повести М.П. Погодина «Адель»	4
Кучумова Г.В. . Немецкоязычный романский дискурс 1980-1990-х: стратегия коллекционирования (перверсивная модель коллекции в романе Э. Елинек «Походь»)	4
Марьина О.В. . Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-х–2000-х годов)	4
Марьина О.В. . Расчлененные парцелированные конструкции и их функции в современных художественных текстах рубежа XX–XXI веков	3
Осетрова Е.В. . Анонимная новость в пространстве городского общения ...	3
Панченко Н.В. . Принцип динамичности композиционного построения текста	4
Панченко Н.В. . Целостность текста: текстовая реальность или утопия?	3
Рисинзон С.А. . Система этикетных действий семейного общения	3
Рисинзон С.А. . Ситуационная и индивидуально-личностная зависимость использования этикетных средств в английском семейном общении	4
Рогозина И.В., Лебедева К.Л. . Адаптивность социально детерминированных когнитивных структур индивида как результат социоантропогенеза ...	4
Савельев В.С. . О современных методах исследования древнерусского текста (на материале «Повести временных лет»)	1
Сиротинина О.Б. . О чем говорят «ляпы» в СМИ?	2
Созина Е.К. . По следу Чижевского: философия Гегеля в культурном сознании России 1840-х годов	3
Трубицына В.В. . Фольклорные источники литературной песни в поэзии А.П. Сумарокова	3
Трубникова Ю.В. . Вариативность в лексико-деривационной структуре текста	3
Тыбыкова А.Т. О категории модальности в алтайском языке	1
Федяева Н.Д. Лексемы русского языка в аспекте семантической категории «норма»	4
Хилханова Э.В. Проблема основного языка при двуязычии и критерии его определения (на примере бурятско-русского двуязычия)	1
Чернец Л.В. О «внесценическом» времени и пространстве	1

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Алексеева А.В. Прагматическая и коммуникативная специфика официальных документов: жанровый аспект обращений граждан (на материале региональных документов).....	3
Аликаева Л.С. Эпистолярный и публицистический стиль Й.Г. Гаманна и проблема его интерпретации	4
Аликаева М.Р. Иноstileвые вкрапление в научной речи как тенденция развития стиля.....	4
Бакирова Л.Р. Жанровая специфика и типология малой прозы «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского	2
Бакулина Ю.Б. Античные мотивы и образы в творчестве Н.С. Гумилева	1
Бахаева А.А. Исповедальная манера повествования и мотив покаяния в повестях Ф.М. Достоевского «Вечный Муж» и К.Н. Леонтьева «Исповедь мужа»	3
Борисова О.С. Идентификация значений заимствованных слов носителями русского и китайского языков.....	
Быстрова К.В. Интернет как современный ареал бытования сказки	1
Волынкина С.В. О соотношении модусно-диктумных позиций в содержательной модели похвалы	4
Воробьева И.Ю. Древние восточные верования в поэзии дальневосточной эмиграции (на материале сонетов М. Щербакова, Вс.Н. Иванова)	4
Герашенко А.М. Вставные тексты в британской и американской литературе XIX–XX веков	2
Глушкова Т.С. Репрезентация культурно значимого фрейма «выпивка» в русской языковой картине мира.....	2
Дьячкова Е.С. Особенности значения полусуффиксов, составляющих ядро словообразовательного поля полусуффиксальных элементов	4
Зайцева Т.И. Почерки новой эпохи: о повести удмуртского писателя Г. Красильникова «Остаюсь с тобой»	3
Заречнева Е.Н. Эмоционально-оценочный компонент концепта «учитель» (на материале исследования обыденного сознания учащихся)	2
Иванова Л.В. Роль англо-американских сокращений в современных немецких средствах массовой информации	1
Киба О.А. Основные направления лексического варьирования в списках Повести о Петре и Февронии: системно-функциональный аспект	1
Козлова О.А. Градиентный характер ненормативности	3
Кравцова В.Ю. Экспериментальное исследование процесса вербализации неречевых сигналов носителями русского и китайского языков	3
Криворучко А.Ю. Экфрасис в русской прозе 1920-х годов: И.А. Бунин, Б.А. Лавренев, В.А. Каверин	2
Кубракова Н.А. Чат-коммуникация и разговорная речь (на примере русского и английского языков)	2

Куликова Н.А. Эвокация обонятельных образов в художественном тексте (на примере рассказов А.П. Чехова)	4
Кунгурцева Н.А. Пространственно-бытийная структура образа Дома в раннем творчестве Д.Н. Мамина-Сибиряка	3
Лазарева Е.В. Диалектика феминистского и антифеминистского типов нравственных ценностей (на материале романа Татьяны Москвиной «Смерть – это все мужчины»)	3
Леонтьева А.Е. Проявление фоновых знаний в языке российских немцев	4
Майзина А.Н. Фразеологические единицы с компонентами-соматизмами и цветообозначениями в алтайском языке	2
Марущак А.В. Специфика публицистических текстов отечественной прессы периода хрущевской «оттепели» (1953–1964 годы)	1
Мищенко Е.В. «Античный текст» И.А. Бродского: функции античных образов в поэтической системе Бродского (на примере образа Улисса)	2
Ольховая А.Ю. «Запрет смеха» в повести-сказке В.М. Шукшина «До третьих петухов»	1
Пинжакова Ю.В. Эталоны номинации объектов, имеющих один и более углов, в современном русском языке	4
Побежимова А.В. Микророман как эпический жанр	3
Погребняк А.К. Предикативная единица <i>Бог милостив</i> в русских паремиях	3
Провоторова М.А. Механизмы порождения оценочных смыслов	3
Савицкая Н.В. Особенности языковой реализации смыслового поля «воспоминания» в рассказах Татьяны Толстой	4
Садалова Т.М. Алтайские сказки в системе фольклорных жанров	2
Самсонова О.Н. Николай Минский в литературных портретах современников	4
Самсонова Т.А. Художественная функция литературных имен в лирике А.А. Ахматовой	1
Сенченко Т.А. Восприятие текстов изобразительного, информативного, генеритивного регистров: экспериментальное исследование	3
Сим О.А. Рекламная и нарративная составляющие журнального дискурса	4
Сиражитдинова Н.М. Отражение явлений природы в башкирских народных песнях и их мифологическая окрашенность (на примере песен, зафиксированных на территории нынешней Челябинской области)	4
Сиренко О.В. Любовная интрига как структурный компонент «колониционного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке)	4
Скогорева О.В. Акцентирование содержания как средство навигации в печатных текстах СМИ	2
Смирнова И.П. Ключевые компетенции телеведущего: от таланта к профессионализму	2

Скок Т.Н. Ранние поэтические издания К. Бальмонта: от сборника к лирической книге («Под северным небом», «В безбрежности», «Тишина»)	2
Татаринцева Е.Н. Моделирование принципов русской орфографии как единиц лингвоперсоналогического функционирования языка (на шкале «отражательное – условное»)	1
Тютин С.В. Особенности использования фигур сокращения в испанских газетах	3
Филиппова Я.П. Особенности содержательных связей дивергентных значений бритуцизмов в макросистеме английского языка	4
Фоминых Т.В. Характер игровой деятельности ребенка в творчестве обэриутов для детей	2
Цветкова Н.В. Визуальная репрезентация словесных тропов в рекламных текстах (на материале англоязычной рекламы)	2
Цепелева Н.В. Измерение семантического расстояния между лексемами «количество – численность – число» на основе сопоставления их ассоциативных полей	4
Чуруксаева А.А. Рубленные конструкции: к вопросу о прагматическом потенциале и функциональных особенностях	4

К 80-ЛЕТИЮ В.М. ШУКШИНА

Десятов В.В. Любовь Степкина: Борис Акунин и Василий Шукшин	2
Кукуева Г.В. Процесс ассимиляции в текстах рассказов-очерков В.М. Шукшина	2
Куляпин А.И. Oral History: идейная структура рассказа В.М. Шукшина «Миль пардон, мадам!»	2
Ковалев О.А. Заметки о фикциональности в рассказах В.М. Шукшина	2
Панченко Н.В. Пространство композиционного построения текста рассказов В.М. Шукшина	2

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Позднякова А.А. Лингвистические дискуссии 20-х годов и школьная грамматика	3
Чувакин А.А., Чернышова Т.В., Качесова И.Ю., Кошей Л.А., Панченко Н.В. Введение в теорию коммуникации как филологическая дисциплина: программа и ее возможная интерпретация	1

ФИЛОЛОГИЯ: ЛЮДИ, ФАКТЫ, СОБЫТИЯ

Панченко Н.В. Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 24–26 марта 2009 года)	3
--	---

Чернышова Т.В. Первый Конгресс РОПРЯЛ «Русский язык и культура в формировании социокультурного пространства России» (Санкт-Петербург, 14–18 октября 2008 г.).....	1
Чернышева Т.В., Чувакин А.А. «Коммуникативистика в современном мире: регулятивная природа коммуникации»: II международная научно-практическая конференция (Барнаул, Алтайский государственный университет, 14–18 апреля 2009 года).....	4

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Куляпин А.И. <i>Кукуева Г.В.</i> Рассказы В.М. Шукшина: лингвотипологическое исследование : Монография. – Барнаул : Барнаульский государственный педагогический университет, 2008. – 184 с.	1
Созина Е.К. Нарратив с биографией: <i>Ковалев О.А.</i> Нарративные стратегии в литературе (на материале творчества Ф.М. Достоевского) : монография. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2009. – 206 с.	2
Халина Н.В. <i>Комарова З.И., Краев С.В.</i> Ядерные служебные слова в русском подъязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование 4 Екатеринбург : Уральское литературное агентство, 2008. 303 с. (Библиотека лингвиста-переводчика).	4
Шаховский В.И. <i>Пищальникова В.А.</i> История и теория психолингвистики : курс лекций. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. – М. : Московский государственный лингвистический университет, 2007. – 228 с.	1
Шкуропацкая М.Г. <i>Трубникова Ю.В.</i> Лексико-деривационные основания моделирования текста : монография. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2008. 180 с.	4

ФИЛОЛОГИЯ И ЧЕЛОВЕК В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ: ИНТЕРНЕТ-КОНФЕРЕНЦИЯ	1
--	---

НАШИ АВТОРЫ

**АЛИКАЕВА,
Лариса
Солтанхаметовна**

– старший преподаватель Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик).
E-mail: ralikaev@mail.ru

**АЛИКАЕВА,
Миррат Рашидовна**

– ассистент Кабардино-Балкарского государственного университета (Нальчик).
E-mail: ralikaev@mail.ru

**БОРИСОВА,
Ольга Сергеевна**

– аспирант Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина.
E-mail: zhu2003@mail.ru

**ВОЛЫНКИНА,
Светлана Вадимовна**

– старший преподаватель Сибирского государственного аэрокосмического университета им. ак. М.Ф. Решетнёва (Красноярск).
E-mail: volinkina-zapad@mail.ru

**ВОРОБЬЕВА,
Ирина Юрьевна**

– преподаватель Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).
E-mail: irina_vorobjova5@mail.ru

**ГРЕБНЕВА,
Марина Павловна**

– кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: grmarinagr@mail.ru

- ДОРОНИНА,
Светлана Валерьевна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: esdor@mail.ru
- ДЬЯЧКОВА,
Екатерина Сергеевна** – ассистент Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: marina_prov@mail.ru
- ЗИМИНА,
Марина Александровна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайской академии экономики и права (Барнаул).
E-mail: zimina11@yandex.ru
- КАЧЕСОВА,
Ирина Юрьевна** – докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: ikachesova@mail.ru
- КОЗЛОВА,
Любовь Александровна** – доктор филологических наук, профессор Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: kla@bspu.secna.ru
- КОЗЛОВА,
Светлана Михайловна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: kozlova@ab.ru
- КУЛИКОВА,
Надежда Анатольевна** – аспирант Горно-Алтайского государственного университета.
E-mail: n.kulikova@mail.ru
- КУЧУМОВА,
Галина Васильевна** – кандидат филологических наук, доцент Самарского государственного университета.
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru

- ЛЕБЕДЕВА,
Кира Львовна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайского государственного университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: kira_lebed@mail.ru
- ЛЕОНТЬЕВА,
Анна Евгеньевна** – аспирант Новосибирского государственного педагогического университета.
E-mail: leont-anna@yandex.ru
- МАРЬИНА,
Ольга Викторовна** – докторант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: marin_alex@mail.ru
- ПАНЧЕНКО,
Наталья Владимировна** – кандидат филологических наук, доцент Алтайский государственный университет (Барнаул).
E-mail: panchenko@list.ru
- ПИНЖАКОВА,
Юлия Владимировна** – аспирант Уральского государственного университета им. А.М. Горького (Екатеринбург).
E-mail: Julia_pinzhakova@yahoo.com
- РИСИНЗОН,
Светлана Альфредовна** – докторант Саратовского государственного университета.
E-mail: rissin@yandex.ru
- РОГОЗИНА,
Ирина Владимировна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова (Барнаул).
E-mail: irogozi@mail.ru
- САВИЦКАЯ,
Наталья Владимировна** – аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.
E-mail: mou132@inbox.ru

- СИМ,
Ольга Анатольевна** – аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: olio81@mail.ru
- САМСОНОВА,
Ольга Николаевна** – аспирант Ишимского государственного педагогического университета им. П.П. Ершова.
E-mail: bliznets70@mail.ru
- СИРАЖИТДИНОВА,
Нафиса Миндияровна** – ассистент Учалинского филиала Башкирского государственного университета.
E-mail: birusa-raf@mail.ru
- СИРЕНКО,
Ольга Викторовна** – аспирант Сибирского федерального университета (Красноярск).
E-mail: myrchik1984@mail.ru
- ФЕДЯЕВА,
Наталья Дмитриевна** – докторант Омского государственного педагогического университета.
E-mail: ndfed@yandex.ru
- ФИЛИПОВА,
Яна Павловна** – аспирант Алтайской государственной педагогической академии (Барнаул).
E-mail: yanaphil@yandex.ru
- ХАЛИНА,
Наталья Васильевна** – доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
- ЦЕПЕЛЕВА,
Наталья Викторовна** – аспирант Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина.
E-mail: natali8885@mail.ru

**ЧЕРНЫШОВА,
Татьяна Владимировна**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: labrlexis@mail.ru

**ЧУВАКИН,
Алексей Андреевич**

– доктор филологических наук, профессор Алтайского государственного университета (Барнаул).
E-mail: chuvakin@inbox.ru

**ЧУРУКСАЕВА,
Анна Александровна**

– аспирант Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан).
E-mail: ljanna@mail.ru

**ШКУРОПАЦКАЯ,
Марина Геннадьевна**

– доктор филологических наук, доцент Бийского педагогического государственного университета им. В.М. Шукшина.
E-mail: marina-shkuropac@mail.ru

Журнал распространяется по подписке
Подписной индекс 36795
в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство ПИ № ФС77-30179 от 02.11.2007 г.

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук (редакция апрель 2008)». Согласно решению Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 10 октября 2008 года № 38/54, с 10 октября 2008 года к изданиям, рекомендованным для публикации основных научных результатов докторских и кандидатских диссертаций, относятся все издания, включенные в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Сдано в набор 26.07.2009. Подписано в печать 31.07.2009. Формат 60×84/16. Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12. Тираж 500 экз. Заказ № .

Отпечатано в типографии «Графикс»:
г. Барнаул, ул. Крупской, 108

© Издательство Алтайского университета.
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66.

Требования к оформлению присылаемых в редакцию материалов

1. Редакция журнала принимает статьи объемом до 0,75 авторского листа (30 тыс. знаков с пробелами), научные сообщения – до 0,4 авторского листа (16 тыс. знаков с пробелами), другие материалы – до 0,15 авторского листа (6 тыс. знаков с пробелами).
2. Электронные материалы должны быть представлены в формате Word for Windows. Интервал точно 12 пт (полуторный); шрифт – Times New Roman, кегль 12. Для знаков, отсутствующих в шрифте Times New Roman (для транскрипции, иноязычных примеров и т.д.), используются стандартные распространенные шрифты (Symbol, Lucida Sans Unicode, SILDoulosIPA, SILDoulos IPA93). При использовании оригинальных шрифтов их файлы (формат *.ttf – True Type Font) необходимо выслать вместе со статьей приложением к электронному письму. Для создания схем, графиков, иллюстраций используются программы стандартного пакета Microsoft Office; графика должна быть внутри файла.
3. Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
4. Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют постраничную нумерацию.
5. Библиографическое описание изданий оформляется в соответствии с действующим ГОСТом Р 7.0.5–2008 и приводится в конце работы по алфавиту. Источники на иностранных языках располагаются после источников на русском языке.
6. Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках, где указываются фамилия автора, год издания, цитируемые страницы. Например: [Виноградов, 1963, с. 46]. Если в библиографии упоминается несколько работ одного и того же автора и года, то используется уточнение: [Горелов, 1987*a*]. В списке литературы делается такая же пометка.
7. Неосновной текст, предвещающий статью (научное сообщение), состоит из следующих компонентов: код по УДК и код по ББК; название (на русском и английском языках), и.о. фамилия автора (на русском и английском языках), аннотации на русском и английском языках (не более 250 слов каждая), ключевые слова на русском и английском языках (не более 6-ти на каждом языке).
8. Статьи следует направлять по адресу: 656049 г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, филологический факультет, ауд. 405-а, отв. секретарю журнала Панченко Наталье Владимировне. Почтовые отправления в обязательном порядке дублируются по электронной почте. Электронная версия отправляется вложенным файлом по адресу: soveto1@filo.asu.ru (В разделе «Тема» просим указать: «В редакцию журнала»). К статье прилагается справка об авторе или авторах: фамилия, имя, отчество, место работы (полное название организации с указанием адреса и почтового индекса), должность, ученая степень, ученое звание, служебный и домашний адрес, номера телефонов / факса, электронная почта. **Наличие адреса электронной почты обязательно!**
9. Статьи, оформленные с нарушением приведенных правил или плохо отредактированные, редакцией не рассматриваются.

Примечания: 1. Научные тексты, присылаемые аспирантами и соискателями ученой степени кандидата наук, должны отражать основные результаты исследования, соответствовать жанру научного сообщения и сопровождаться рекомендацией кафедры, при которой выполняется диссертационная работа (оформляется в виде выписки из протокола заседания кафедры), и отзывом научного руководителя (с оценкой актуальности темы исследования, новизны полученных результатов, их теоретической и практической значимости) и рекомендацией к печати в журнале «Филология и человек». Сопроводительные документы (скрепленные печатью организации) сканируются и высылаются в редакцию по электронной почте или передаются по тел. / факсу (3852)366384.

2. **Обращаем внимание, что указанный в п. 1 объем научного текста учитывает все его компоненты (от названия до примечаний и источников материала включительно).** 3. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.